

26.890(2)4

Б. Н. Анисимовъ

К 303

А. А. Кауфманъ.

По новымъ мѣстамъ.

(ОЧЕРКИ и ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ).

1901—1903.

- I. По Амуру и Приамурию.
II. Въ Уссурийскомъ краѣ.
III. Въ арало-каспійской степи.

К.Т. 9913 ир

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Товарищества „Общественная Польза.“

1905.

III.

Въ Арало-Каспійской степи.

(1903).

Въ царствѣ пшеницы.

Семь часовъ утра, и уже нестерпимо жарко... Перевозный пароходъ—монопольное достояніе какого-то покровительствуемаго судьбой подрядчика, поддерживающій сообщеніе между Саратовомъ и Покровскою слободой, въ теченіе двадцати минутъ дѣлаетъ тщетныя попытки отвалить отъ пристани: Волга за ночь еще обмелѣла, и пароходъ почти вплотную сидитъ на песчаной мели. Съ десятокъ рабочихъ изъ всѣхъ силъ отталкиваются шестами; слышны крики: „стойтъ“, „нейдетъ...“; капитанъ парохода командуетъ то „самый малый впередъ“, то „самый малый назадъ“... Наконецъ, пароходъ медленно сползаетъ съ мѣста, медленно огибаетъ огромную песчаную отмель, обѣщающую въ близкомъ будущемъ окончательно отрѣзать Саратовъ отъ Волги, и, волоча за собою двѣ огромныя баржи съ подводами и „чернымъ народомъ“, направляется къ Покровской слободѣ.

На пароходѣ—только и разговоровъ, что о прелестьяхъ переправы: какъ городская управа, заботясь лишь о городскомъ доходѣ, сдала переправу въ безконтрольное распоряженіе „чумазому“ предпринимателю; какъ гурты скота, по цѣлымъ днямъ, стоятъ некормленные на покровской сторонѣ, ожидая своей очереди; какъ цѣлыми же днями стоятъ воза съ пшеницей и другою кладью,—и это въ то время, когда Покровская слобода живетъ, въ сущности, одною жизнью съ Саратовомъ, когда торговые и всякіе другіе интересы требуютъ постоянного сообщенія между Саратовомъ и слободой.

Цѣлый городокъ многоэтажныхъ хлѣбныхъ амба-

ровъ *)—ихъ до двухсотъ, въ восьми отдѣльныхъ кварталахъ, вмѣстимостью, каждый амбаръ, отъ 60,000 до 200,000 пудовъ. По мѣрѣ приближенія парохода, передъ глазами открывается и слобода—большой городъ съ 30,000 жителей, почему-то продолжающій именоваться „слободой“, съ волостнымъ правленіемъ и такимъ же старшиною. По слободѣ разбросано шесть или семь церквей, на площади и на центральныхъ улицахъ—каменные дома городского типа, вывѣски отдѣльныхъ всѣхъ петербургскихъ и московскихъ банковъ, имѣющихъ дѣла въ Поволжьѣ, фотографіи, парикмахерскія; на одной изъ дальнихъ улицъ, гдѣ-то на огородахъ, большой деревянный циркъ, на площади—день былъ базарный—безконечные ряды телѣгъ и фуръ, то настоящихъ колонистскихъ, то упрощеннаго полу-колонистскаго типа; на многихъ уже погружены то плугъ, то жнейка, и такіе же плуги и жнейки выставлены передъ добрымъ десяткомъ магазиновъ.

— Не повѣрите, какъ бойко пошли машины,—говоритъ мой спутникъ-агрономъ, имѣющій какое-то отношеніе не то къ земству, не то къ завѣдыванію казенными землями Новоузенскаго уѣзда. — Пять лѣтъ только, какъ уѣздное земство открыло первый складъ,—а теперь одинъ Петровъ—вотъ посмотрите, какой складъ вывелъ; продаетъ въ годъ на полмилліона, да земство на двѣсти тысячъ, да другіе торговцы... не меньше чѣмъ на милліонъ въ годъ раскупается по уѣзду.

Извозчикъ завозитъ насъ къ знакомцу—пулуинтеллигентному мѣстному обывателю, къ которому должны привести намъ лошадей. Хозяинъ уходитъ къ ямщику, хозяйка хлопочетъ около самовара.

— Бойкое у васъ мѣсто,—говорю я ей.

*) Эти амбары сгорѣли черезъ три дня послѣ моего проѣзда черезъ слободу.

— Не говорите... И народъ же здѣсь живетъ! По началу я днемъ на улицу не выходила, боялась; только теперь попривыкла. На Пасхѣ сколько народу съ пьяныхъ глазъ перерѣзали! Около пристаней ютятся, да около лѣсопилки; лѣтомъ, опять же, косцы находятъ,—не дай Богъ!..

— А много народу на полевые работы приходитъ?—спрашиваю я подошедшаго между тѣмъ хозяина.

— Сейчасъ третья часть противъ прежняго. Кому прежде триста человѣкъ требовалось, теперь сотней обходится,—все машины пошли.

— А сотню всетаки нужно? Куда столько при машинахъ?

— Да какъ же—пшеницу возить, жать тоже при машинахъ, на косилкахъ работать. Вѣдь онъ всю работу поровить разомъ кончить... а потомъ еще и то: жнетъ онъ машиной, а на углахъ перемѣнные люди стоятъ—снопы сбрасывать: одинъ кругъ сдѣлаетъ, на его мѣсто другой на машину становится,—одному не подъ силу.

— А откуда рабочіе?

— Нонѣшній годъ, кажись, все больше пензенскіе.

— И на амбарахъ они же работаютъ?

— Нѣтъ, на амбарахъ работа круглый годъ, зимой еще тяжелѣе противъ лѣта: зимой подвозятъ пшеницу—съ воевъ въ амбары ссыпаютъ, а лѣтомъ—изъ амбаровъ на баржи грузятъ. Ну, сюда ужъ со всей округи собираются, лѣто и зиму работаютъ: всѣ, у кого ни кола, ни двора,—кто только водку пьетъ.—Нельзя безъ водки то на этой работѣ, больно тяжело; видали амбары? извольте девятипудовый кулъ на третій этажъ тащить... Вотъ я въ Астрахани бывалъ, тамъ все больше персюки на этой работѣ стоятъ; здоровый народъ, да и безотвѣтный; всякій его бьетъ, всякій наровитъ обчестъ, а ему куда дѣваться? Языка не знаетъ, паспорта у него нѣтъ, онъ и до начальства дойти не можетъ. Очень

ужь только жить здѣсь дорого,—внезапно перемѣнить разговоръ мой собесѣдникъ: вотъ я — какое мое жалованьишко, а домъ себѣ построилъ; нанимать квартиру не по средствамъ.

— А рабочій народъ какъ же помѣщается?

— Да по землянкамъ ютятся. Которые на лѣсопилкахъ работаютъ, тѣмъ каждый день полагается по два горбыля на отопленіе; они изъ нихъ и складываютъ себѣ хибарки; на зиму привалять земли да снѣга,—вотъ и тепло.

— А лѣсопилокъ здѣсь много?

— Много; на весь Новоузенскій уѣздъ лѣсъ поставляютъ.

Однако подали лошадей, ѣдемъ.

Гладкая, черноземная, совершенно безлѣсная степь, изрѣдка изрѣзанная неглубокими балками. Сначала обширный, до-чиста выбитый Покровскій выгонъ, потомъ— море еще зеленой, едва начинающей бѣлѣть усатой пшеницы, среди котораго, кое-гдѣ, ярко желтѣютъ небольшія пятнышки ржи.

— Выгонъ покровскіе распахали, говоритъ ямщикъ: разбили на участки да посаждали съ торговъ; по 40 да по 50-ти рублей брали за два хлѣба, а землѣ вся цѣна сто рублей, да и то только въ эти года такая цѣна стала. Раньше десятину свободно за 50 рублей можно было купить.

Ѣдемъ нѣсколько верстъ этимъ сплошнымъ моремъ пшеницы; дѣлянки обширныя, посѣвы чистые, безъ сора, хлѣбъ густой, высокій; арендаторы, видно, состоятельные, крѣпкіе хозяева—да иначе и быть не можетъ: слабому откуда взять пятьдесятъ рублей за десятину, да, главное, чѣмъ ее вспахать?..

Пересѣкаемъ линію хуторовъ, расположившихся вдоль границы бывшаго выгона. Поодаль—вторая такая же линія, кое-гдѣ—отдѣльные, разбросанные хутора.

Одни изъ нихъ—жалкія землянки, едва возвышающіяся надъ уровнемъ земли; при нихъ ни хлѣва, ни амбара; другіе—саманныя или глинобитныя избы съ кой-какими навѣсами для скота, третьи—бревенчатые дома, съ обширными хлѣвами и амбарами; около нѣкоторыхъ—пруды, при нихъ—небольшія группы деревьевъ, радующія глазъ въ этой уныло-безлѣсной степи.

Между первою и второю линіей хуторовъ—душевыя пашни покровскихъ слобожанъ. вмѣсто однообразнаго моря пшеницы—пестрая смѣна то крупныхъ квадратовъ и прямоугольниковъ, то болѣе мелкихъ полосъ; пшеница-бѣлотурка, главное богатство и гордость Новоузенскаго края, чередуется то съ мягкою пшеницей—„русакомъ“ или полтавкой, то съ овсомъ, ячменемъ, картофелемъ, подсолнухомъ; чистые отъ сора, сильные и рослые посѣвы богатыхъ мужиковъ теряются среди массы полосъ, густо заросшихъ сорною травой, съ рѣдкимъ, низкорослымъ хлѣбомъ, сильно прихваченнымъ засухой. Нигдѣ ни залежи, ни пара. Здѣсь—царство пестрополья, высасывающаго изъ земли все, что земля можетъ дать, и доводящаго ее если не до полного истощенія,—о *настоящемъ* истощеніи здѣсь еще далеко думать!—то во всякомъ случаѣ до такого состоянія, когда она перестаетъ кормить страдающаго и страдающаго надъ нею пахаря.

— Вы посмотрите, во что они обратили землю!—воскликаетъ мой товарищъ по экскурсіи, котораго агрономическое сердце не можетъ вынести вида такого, дѣйствительно не агрономическаго, хозяйства.

Скоро однако картина вновь мѣняется, и мы опять вѣзжаемъ въ море пшеницы. Обширныя поля, гдѣ по нѣскольку десятковъ, гдѣ и по нѣскольку сотенъ десятинъ подъ одну межу, засѣянные сплошь то бѣлотуркою, то „русакомъ“, чередуются съ еще гораздо болѣе обширными сплошными залежами, то поросшими

высокимъ бурьяномъ, то усѣянными небольшими копешками сѣроватаго бурьянистаго сѣна, то лишенными всякой растительности, кромѣ сѣроватой, мелкой, сильно пахучей полыни. Поодаль отъ дороги то одиночные хутора, то группы хуторовъ, съ двухъэтажными хлѣбными амбарами и вѣтреными мельницами, съ обширными хлѣвами для скота, съ конными приводами, чтобы вытаскивать воду изъ глубокихъ колодцевъ. Пустынность степи нарушается то парю работающих жнеекъ или сѣнокосилокъ, то длинными процессіями плуговъ — четыре, шесть, десять плуговъ подъ-рядъ, борозда въ борозду, вздирають уже отдохнувшую залежь. Гдѣ пащутъ или жнутъ — тамъ, гдѣ нибудь въ сторонкѣ, стоятъ какіе-то домики на колесахъ; это перевозные балаганы, гдѣ рабочіе укрываются отъ дождя, складываютъ одежду и провизію, и гдѣ имѣется запасъ необходимыхъ инструментовъ для починки жнеекъ и плуговъ.

Это, оказывается, мы вѣхали въ районъ оброчныхъ статей — казенныхъ земель, сдаваемыхъ въ аренду. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ населеніе гуще и гдѣ уже рѣзко ощущается „утѣсненіе“, казна сдаетъ оброчныя статьи, по преимуществу, болѣе или менѣе малоземельнымъ крестьянскимъ обществамъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ малоземелья еще нѣтъ, и казенныя земли, которыхъ здѣсь болѣе полумилліона десятинъ, сдаются главнымъ образомъ крупнымъ посѣвщикамъ, снимающимъ, нѣкоторые, по много тысячъ десятинъ. На статьяхъ обязательное по контрактамъ залежное хозяйство: засѣвается два или три поля, а шесть или семь полей отдыхаютъ, служа лишь сѣнокосомъ или выгономъ скоту.

— Посмотрите, — говоритъ мой спутникъ, — земля та же, а какой хлѣбъ! Говорятъ вотъ, будто казенныя земли надо отдать переселенцамъ. А какой резонъ? Вѣдь эти арендаторы — они-то и производятъ ту твер-

дую высокую пшеницу, которою славится Самарская губернія; у нихъ и урожаи чуть не вдвое выше, чѣмъ на надѣльныхъ земляхъ! И не думайте, что дѣло только въ ихъ богатствѣ; нѣтъ, у нихъ такой огромный опытъ, они такъ тонко изучили условія производства пшеницы, что намъ, агрономамъ, у нихъ учиться приходится. А отдайте землю переселенцамъ, и черезъ пять лѣтъ будетъ то-же, что на надѣльныхъ земляхъ. Отдать землю переселенцамъ—это значить не увеличить, а уменьшить производительность края.

Я, конечно, возражаю, и между нами завязывается длинный споръ — все тотъ же старый споръ: къ чему стремиться—къ максимуму-ли производства, или къ равномерности распредѣленія?.. Какъ водится, каждый изъ насъ и послѣ спора остается при своемъ мнѣніи. Но мнѣ кажется, что хозяйство крупныхъ посѣвщиковъ не можетъ слишкомъ радовать и съ чисто производственной точки зрѣнія: ихъ процвѣтаніе основано на искусственномъ поддержаніи залежнаго хозяйства, которое и въ Новоузенскихъ степяхъ уже отжило свой вѣкъ и должно уступить мѣсто болѣе интенсивному, можетъ быть трехпольному, а скорѣе—травопольному хозяйству.

Вотъ, однако, на одномъ изъ такихъ арендаторскихъ хуторовъ, и земская станція. Арендаторъ, онъ-же содержатель станціи, — нѣмецъ-колонистъ. Однако обстановка и обитатели дома не производятъ „нѣмецкаго“ впечатлѣнія. Правда, на стѣнахъ чистой комнаты висятъ, кромѣ русской иконы, подписанное пасторомъ конфирмаціонное благословеніе и нѣсколько нѣмецкихъ благочестивыхъ надписей. Нѣсколько своеобразна и постройка,—отъ общей большой комнаты отгорожено нѣсколько маленькихъ каморокъ-спаленъ. Но меблировка—совсѣмъ русская, крестьянская; почти русская и одежда; традиціонной нѣмецкой чистоты нѣтъ и въ

поминѣ—комната грязна, невыметена, къ чаю подаются грязные стаканы, и въ довершеніе всего посмотрѣть на прїѣзжающихъ является нѣмецкій мальчикъ... безъ штановъ.

Бдемъ дальше. Еще нѣсколько верстъ—сплошное море пшеницы на оброчныхъ статьяxъ, потомъ—нѣсколько верстъ надѣльныхъ земель все той же Покровской слободы,—широко она, матушка, раскинулась; потомъ—надѣльныя земли нѣсколькихъ приволжскихъ нѣмецкихъ колоній. И нѣмецкія поля тоже сплошь засѣяны пшеницей, но, увы, по обработкѣ и по виду посѣвовъ они мало чѣмъ отличаются отъ крестьянскихъ надѣльныхъ пашень: тѣ же низкорослые, рѣдкіе хлѣба, среди нихъ во множествѣ—выгорѣвшія плѣшины; то же изобиліе сорныхъ травъ всѣхъ видовъ и наименованій. Я и раньше зналъ, что заволяжскія колоніи—не чета южно-русскимъ: но все-же я никакъ не ожидалъ увидѣть такой печальной картины на колони-стскихъ надѣлахъ. Для моего товарища-агронома это—привычная картина, и онъ даже изумился, когда я напомнилъ ему о высокой культурности нѣмецкихъ колоній Новороссіи.

— Здѣсь — ничего похожего... Нѣмцы здѣшніе ничѣмъ не отличаются отъ хохловъ: они и не богаче, и хозяйство ведутъ такъ-же плохо, и въ умственномъ отношеніи ничуть не выше; да и репутація у нихъ плоховата: черезъ нѣкоторыя колоніи, говорятъ, ночью небезопасно проѣзжать.

Вотъ однако и ближайшая цѣль нашей сегодняшней поѣздки—менонитскіе „колѣнки“, этотъ уголокъ Европы среди Новоузенскихъ степей.

Такихъ колонковъ всего десять—въ каждомъ, среднимъ числомъ, по двадцати пяти дворовъ. Но менонитскія колоніи по виду не имѣютъ ничего общаго ни съ русскими деревнями, ни даже съ нѣмецкими *dorf*-ами.

Это длинная—много версть, широкая дорога или улица, вдоль которой стоят отдѣльные менонитскіе дворы, каждый впереди своего земельного участка, утопая въ зелени небольшихъ садиковъ и рощъ. Какъ и вездѣ, въ менонитскихъ колонкахъ есть и богатые, и бѣдные; на-ряду съ богачами, имѣющими на своей землѣ и на арендованныхъ участкахъ сотни десятинъ посѣва и могущими затрачивать тысячныя суммы, напримѣръ, на устройство артезианскаго колодца и водопровода, — здѣсь есть и бѣдняки, имѣющіе всего по нѣсколько головъ скота и по благосостоянію стоящіе немногимъ выше среднесостоятельнаго русскаго крестьянина. Богачи живутъ въ обширныхъ каменныхъ хоромахъ, крытыхъ черепицей, съ балконами и верандами; бѣдняки—въ небольшихъ домахъ, бревенчатыхъ или саманныхъ, съ характерными крутыми соломенными крышами. Но у каждого менонита есть садъ, и въ каждомъ саду, кромѣ вязовой рощи, есть хоть нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ („Въ чернымъ пару вѣдь у нихъ земля подъ фруктовыми деревьями“!—съ восторгомъ восклицаетъ мой товарищъ-агрономъ) и нѣсколько грядъ огорода; непременно есть и нѣсколько куртинъ съ цвѣтами, за которыми менониты ухаживаютъ съ величайшею любовью и вниманіемъ. И въ каждомъ домѣ, какъ бы онъ ни былъ малъ и простъ,—даже въ крохотной избушкѣ, гдѣ живетъ на общественномъ иждивеніи обѣднѣвшій дряхлый старичекъ,—самая строгая чистота и порядокъ. И какъ бы ни была проста или, наоборотъ, роскошна обстановка менонита, вы непременно найдете у него пару ларей или комодовъ стараго голландскаго фасона, изъ свѣтлаго лакированнаго дерева, съ рядами большихъ мѣдныхъ гвоздей и съ желѣзными наличниками у замка, способными привести въ восторгъ любителя „стильной“ мебели.

Но гордость каждого менонита, это—его конюшни и хлѣва, подъ такими-же крутыми соломенными крышами, всегда соединенные съ жилымъ домомъ посредствомъ крытаго перехода; устроены эти хлѣва по всеѣмъ правиламъ зоотехніи, съ покатыми деревянными полами, съ яслями и отдѣльными стойлами для каждой лошади и для каждой коровы. Гордость менонита—его блестящая чистотой молочная, его сараи для орудій и машинъ, гдѣ у богатаго стоятъ десятки плуговъ, сотни боронъ, катки, косилки, жнейки, рядовыя сѣялки, фургоны; все это частью купленное у „фирмъ“, частью—сдѣланное своими же мастерами-менонитами. Гордость менонита—его поля, огромныя сплошныя „карты“, каждая въ нѣсколько десятковъ десятинъ, удѣланныя обработанныя такъ, какъ будто карта сейчасъ и идетъ на конкурсъ или на выставку сельскаго хозяйства. И у нихъ, какъ и у арендаторовъ казенныхъ земель, урожаи процентовъ на 40 выше, чѣмъ на надѣльных земляхъ крестьянъ. Но у нихъ—это результатъ не залежнаго хозяйства, связаннаго съ пустованіемъ чуть не трехъ четвертей культурной площади, а примѣненія сравнительно интенсивной культуры—пятиполья съ чернымъ паромъ, а у многихъ—съ навознымъ удобреніемъ земли. Хозяйство менонитовъ, такимъ образомъ не представляетъ собою анахронизма, какъ хозяйство арендаторовъ; оно является, наоборотъ, высоко-прогрессивнымъ и какъ бы намѣчаетъ путь, по которому, можетъ быть, пойдетъ сельскохозяйственная культура даннаго района.

Самарскіе менониты—потомки голландскихъ эмигрантовъ, которые оставили родину въ одно время съ предками нынѣшнихъ капскихъ и трансваальскихъ буровъ и около трехсотъ лѣтъ жили въ Восточной Пруссіи, въ Маріенбургскомъ округѣ. Между собой они до сихъ поръ говорятъ, кажется, по-голландски; все хорошо гово-

рять и по-нѣмецки, мужчины свободно, хоть и не слишкомъ правильно, объясняются по-русски. Костюмъ—не-то нѣмецкій, не-то голландскій: мужчины въ будни—въ кожаныхъ туфляхъ на босу ногу и въ жилеткѣ поверхъ свѣтло-синей рубашки, съ отложнымъ воротникомъ; женщины—въ темно-синихъ ситцевыхъ платьяхъ. Въ праздникъ, ѣхать въ церковь, мужчины одѣваютъ пальто и пиджаки, женщины—шляпки и накидки, и огромная менонитская улица съ ѣдущими другъ за другомъ менонитскими фургонами и пролетками заставляетъ васъ совершенно забыть, что вы находитесь гдѣ то въ глубинѣ Новоузенскихъ степей... Со своей дальней родины менониты принесли, очевидно, чистоту и аккуратность, принесли и свою любовь къ цвѣтамъ; и поневолѣ вспоминаешь о бурахъ, когда видишь ихъ свободное, полное достоинства обращеніе.

Получивъ землю на какихъ то необыкновенно льготныхъ условіяхъ, менониты разбили ее на 65-ти десятичные „карты“, каждая въ видѣ продолговатаго прямоугольника. Никакихъ правилъ о недѣлимости участковъ у нихъ нѣтъ, но фактически участки почти не дѣлятся.

— У насъ между дѣтьми нѣтъ разницы—разсказывалъ мнѣ пожилой менонитъ, носитель одного изъ столь излюбленныхъ менонитами библейскихъ именъ: и сынъ, и дочь, всѣ получаютъ поровну; все наслѣдство оцѣнивается, и каждый получаетъ по оцѣнкѣ, что захочетъ. А земля остается у одного изъ сыновей: кому охота, тотъ ее беретъ и рассчитывается съ другими.

— А никогда не дѣлятъ землю?

— Нѣтъ,—у кого по многу картъ, тѣ, случается, и дѣлятъ — на брата по цѣлой картѣ. А у кого одна карта, какъ же ее раздѣлить? Вѣдь меньше 60-ти десятинъ—какое же это будетъ хозяйство! Жить нельзя

будетъ. Во всѣхъ колонкахъ только два раза случилось, что карту подѣлили.

— А кто земли не получилъ отъ отца,—тѣ что?

— А кто какъ захочетъ. Кто купить землю, кто заарендуетъ, кто другимъ дѣломъ займется... Я вотъ для старшаго сына казенную землю снялъ, — теперь строю ему хуторъ. А вотъ, глядите,—мы ѣхали въ это время, въ полугородскомъ рессорномъ экипажѣ, по границѣ менонитскихъ земель съ надѣломъ села Воскресенскаго: эти хутора—это все наша молодежь устроилась; кому неохота далеко отъ своихъ, тѣ вотъ по сосѣдству заарендовали у воскресенскихъ землю, и живутъ.

Нѣтъ у менонитовъ и правилъ противъ скупки земель и перехода ихъ въ постороннія руки. У моего собесѣдника—цѣлыхъ шесть „картъ“; одна у него—выгонъ, остальные — полевые смѣны, въ 65 десятинъ каждая, менонитскаго пятипольнаго сѣвооборота.

— А вотъ въ Гансау,—названіе одного изъ „колонковъ“,—тамъ Миллеръ всѣ 25 картъ скупилъ, а потомъ всѣ разомъ продалъ, екатеринославскимъ хохламъ. Ну, это ужъ Богъ знаетъ что за люди: никакихъ порядковъ знать не хотятъ, со всѣми судятся,—и сказать нельзя, какіе люди!

— Трудно вамъ,—спрашиваю, — съ русскими жить? Съ нѣмцами, вѣрно, лучше?

— Зачѣмъ! Какой русскій,—какой нѣмецъ... Вотъ на Волгѣ лютеране живутъ, про нихъ хорошаго не скажешь! Черезъ иныя колоніи ночью и не проѣдешь, въ работники беремъ съ опаской. А съ воскресенскими живемъ какъ братья: ни споровъ, ни судовъ. Вотъ, у меня въ колѣнкѣ шаберъ изъ Воскресенки, Иванъ Макарычъ. Раньше онъ у своего общества землю снималъ, полтинникъ десятина, а нынче ужъ эту землю наши менониты по 5-ти рублей держатъ. А Иванъ Макарычъ у нашего менонита карту купилъ, да все обзаведеніе Хо-

рошо мы съ нимъ живемъ, — человекъ хорошій, на-
стоящій.

— А которые землю продали, — спрашиваю я, — тѣ
что?

— Въ Туркестанъ ушли, въ Аульеатинскій уѣздъ;
можетъ будете тамъ, пожалуйста, заѣзжайте въ колѣнки,
кланяйтесь отъ насъ, — они вамъ рады будутъ. Только
и тамъ не всѣмъ понравилось; все думали — лучше бу-
детъ да лучше, а теперь ужъ нѣкоторые оттуда въ Аме-
рику поѣхали.

Славятся менониты по всей округѣ не только хозяй-
ственностью, но и общественностью и широко разви-
тою взаимопомощью: у нихъ есть и довольно богатая
Armenkasse, и общественные производители — быки и же-
ребцы, и собственное, менонитское, взаимное страхо-
ваніе.

Однако, пора и ѣхать. На прощанье мы обѣдаемъ съ
радушными хозяевами, которые передъ обѣдомъ чинно
склоняють головы и произносятъ тихую молитву. Меню
обѣда — жареная ветчина отъ собственныхъ беркшировъ,
съ картофелемъ, манная каша съ вишневымъ сокомъ и
удивительное молоко; саратовское пиво, а для куря-
щихъ — варшавскія сигары.

Затѣмъ ѣдемъ. Сначала — опять дивно обработанными
менонитскими полями съ ихъ вытянувшимися на версты
сплошными посѣвами пшеницы, которые, — увы, — въ
этомъ году и у менонитовъ сильно попорчены засухой.
Еще сильнѣе выжжены, конечно, посѣвы нѣмцевъ-ко-
лонистовъ, а тѣмъ болѣе — посѣвы на крестьянскихъ на-
дѣльныхъ земляхъ. Много выжжено, мѣстами, и у арен-
даторовъ, — не мало такихъ полосъ, гдѣ „колосъ отъ
колоса — не слышно человѣчьяго голоса“, гдѣ не разбе-
решь, посѣяна-ли пшеница или „падалица“ рожь, или
гдѣ хлѣба почти не видно изъ подъ густого покрова
сорныхъ травъ.

— Плохо,—говорить мой спутникъ-агрономъ,—и у арендаторовъ, выходитъ, кругомъ по 45-ти пудовъ не наберется. А на надѣльныхъ земляхъ—одно горе. Опять ссудъ запрасятъ... вѣдь каждый годъ кормить приходится; только 1902 годъ какъ-то прошелъ благополучно!..

Вотъ вамъ и пшеничное царство!..

Нѣсколько часовъ ожиданія на маленькой станціи желѣзной дороги. Вездѣ кругомъ—посѣвы пшеницы. Всѣ разговоры—о будущемъ урожаѣ пшеницы, объ арендахъ, арендаторахъ, цѣнѣ рабочихъ рукъ. Однимъ ухомъ слышу любопытный рассказъ о какомъ-то Петрѣ Ѳедоровичѣ, бывшемъ арендаторѣ какого-то казеннаго участка.

— Ноньче-то,—разсказываетъ одна чуйка другой,—не сталъ онъ участковъ снимать. Прежде шибко охочъ былъ пшеницу сѣять, да на послѣднемъ участкѣ нажегся—еле выпутался. Подогнали его на торгахъ на такую цѣну, что никакъ не оправдаться. Думалъ-думалъ, какъ изъ воды сухимъ выйти,—ничего не придумаетъ... На счастье, встрѣтся ему какіе то не то нѣмцы, не то чухны—новыя мѣста пришли смотрѣть. Онъ имъ и давай расписывать про землю: и урожаи-то хороши, и засуха-то не беретъ, и травы-то вдосталь,—это про свой, значить, рендовой участокъ. Разсказывалъ, разсказывалъ,—тѣ всеѣмъ таборомъ снялись, да и сѣли на участокъ, землянки повыкопали и живутъ. Приходитъ время аренду платить, а Петръ Ѳедоровичъ: за чтѣ молъ, я буду аренду платить,—на участкѣ нѣмцы живутъ, а я не пользуюсь. Начальство туда-сюда, сживать нѣмцевъ,—а тѣ нейдутъ: мы, молъ, бѣдный народъ, куда мы пойдѣмъ! Бились съ ними, бились, а тамъ и вышло

дозволеніе: отвести имъ землю подъ поселокъ. А Петръ то Федоровичъ и вызволился!..

— А сейчасъ онъ чѣмъ займется?

— Скотиной сталъ торговать, не сѣтъ больше хлѣба. Да и вправду, расчетовъ нѣтъ. Ты посуди, вѣдь пшеница, она кругомъ много 45 пудовъ дастъ, а вѣдь обойдется-то десятина рублей на 30... Какой же тутъ барышъ возьмешь! Только тѣмъ и оправдывался, что весной, когда пахать, быковъ набереть, а осенью, какъ отпашется да нагуляются быки, перепродать; еще торговую скотину по залежамъ откармливалъ. Ну а сейчасъ и вовсе не сталъ сѣять...

За ночь поѣздъ доставляетъ меня на крайній юго-востокъ огромнаго Новоузенскаго уѣзда — въ Новоузенскъ, а затѣмъ въ большое село, тоже почти городъ, Александровъ-гай. И здѣсь, и тутъ — я только проѣздомъ, и у меня остается въ памяти лишь общій желтосѣрый тонъ, окрашивающій и улицы, и постройки, — тотъ самый желтосѣрый тонъ, который такъ типиченъ для лёссовыхъ городовъ и селеній Уральской области и Туркестана. Впрочемъ нѣтъ,—еще бросаются въ глаза цѣлыя улицы не слишкомъ большихъ пшеничныхъ амбаровъ, принадлежащихъ то крупнымъ посѣвщикамъ, то мелкимъ скупщикамъ хлѣба. Въ Гаю амбары вытянулись у самой станціи, вдоль полотна желѣзной дороги: въ Новоузенскъ — почему то въ трехъ верстахъ отъ линіи. Ссыпанный въ амбары хлѣбъ приходится, поэтому, грузить на подводы, везти три версты гужомъ и затѣмъ перегружать въ вагоны—одна возка, не считая лишней перегрузки, обходится около 8-ми рублей съ вагона. А восемь рублей на вагонъ хлѣба—это вѣдь не шутка при міровой конкуренціи!

Во всѣ стороны отъ Новоузенска и Александрова-гая—безграничная, ровная, сжигаемая палящимъ солнцемъ

степь, по которой то тутъ, то тамъ,—день былъ довольно вѣтрѣнный, —проходятъ пыльные смерчи. Степь уже не черноземная, какъ на сѣверѣ уѣзда, а сѣро-желтая суглинистая, то съ едва замѣтною, то съ рѣзко выраженной солонцеватостью, покрытая не пушистымъ ковылемъ цѣлинныхъ черноземныхъ степей, а либо небольшими кисточками пожелтѣвшаго отъ зноя типца, либо мелкою, зеленовато-сѣрою полынью. Это — окраина широкой полосы примыкающихъ къ Аральскому морю и Каспію „степей-пустынь“,—какъ ихъ называютъ нѣкоторые изслѣдователи,—дна того обширнаго моря, и которое когда то покрывало южныя киргизскія степи равнинныя и пространства Туркестана. Общая картина мѣстности—совершенно та же, что въ киргизской степи, на тѣхъ же широтахъ, и съ этою картиною гармоніруютъ стоящія то тутъ, то тамъ киргизскія юрты, обладатели которыхъ пасутъ крестьянскія и арендаторскія стада. Гармоніруютъ съ нею и „корабли пустыни“—верблюды, составляющіе здѣсь едва ли не главную рабочую и движущую силу; и какъ-то странно видѣть верблюда, везущаго высокую и длинную, полунѣмецкую, полухохлацкую телѣгу, или запряженнаго въ жнею или сѣнокосилку. Крестьяне, между прочимъ, управляютъ верблюдами, не протыкая имъ ноздрей мурундукомъ, какъ это дѣлаютъ киргизы.

— Грѣхъ это,—объяснилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—да и не къ чему: онъ и такъ слушается.

Трудно представить себѣ на видъ что-либо болѣе безотрадное, что-либо болѣе безнадежное съ точки зрѣнія земледѣльческой культуры, чѣмъ эти сѣро-желтыя, поросшія мелкою полынью степи; трудно повѣрить, чтобы онѣ были годны на что-нибудь другое, какъ на выпасъ барановъ и верблюдовъ. А между тѣмъ, почва этихъ степей — очень богатая и плодородная лёссовидная глины. Степи эти пахутся. Мало того,—онѣ то и даютъ

лучшія въ губерніи твердыя пшеницы, которыя уже переводятся на выпаванныхъ черноземныхъ степяхъ сѣверной и даже средней полосы губерніи. А кормами эта мѣстность, пока, чрезвычайно богата: вся степь усѣяна огромными зародами чуднаго, зеленого, „востречнаго“ сѣна, накошеннаго либо на залежахъ, либо по обширнымъ „лиманамъ“, увлажняемымъ весеннею водой. Картина, совершенно не похожая на мелкія, буроватыя копейки залежнаго бурьяна, составляющаго главный кормъ скота на сѣверѣ уѣзда.

На огромномъ — нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстѣ — пространствѣ имѣется кромѣ города Новоузенска всего около десятка поселеній, правда очень крупныхъ; каждое—съ огромнымъ земельнымъ надѣломъ.

Мы ѣдемъ по надѣльной землѣ села Александровая; сѣрая степь сплошь пахана, но лишь небольшіе клочки кое-гдѣ засѣяны хлѣбами; остальное—сплошныя залежи, то служащія покосомъ, то покрытыя одною мелкою полынью.

— Мало ужь стали пахать на надѣлѣ, — объясняетъ мнѣ ямщикъ: повыпахали, да и неудобія много. Безъ мала всѣ, у кого сила, арендуютъ землю,—кто въ казнѣ (казенныя земли занимаютъ въ этомъ углу, до 300 тысячъ десятинъ, огромными сплошными отрубамі), кто у киргизъ, въ Астраханской губерніи.

Чтобы отдохнуть отъ трудно-выносимой жары и тонкой лёссовой пыли, которою обволакиваетъ насъ попутный вѣтеръ, мы останавливаемся сначала на одномъ, маленькомъ и бѣдномъ, потомъ на другомъ арендаторскомъ хуторѣ. Второй хуторъ—небольшой поселокъ въ восемь дворовъ, по общему виду очень мало похожій на удивительные хутора менонитовъ, а также и болѣе состоятельныхъ русскихъ жителей сѣверной части уѣзда. Онъ напоминаетъ скорѣе киргизскую зимовку, гдѣ-ни-

будь въ Иргизскомъ или Тургайскомъ уѣздѣ: наполовину врытыя въ землю, сѣро-желтыя глинобитныя мазанки; для скота „базы“ или загоны—простыя загородки изъ жердей и хвороста.

— Бѣдный, видно, народъ живетъ? — спрашиваю я своего ямщика.

— Какое тебѣ бѣдный, все справные жители: у одного полсотни рогатыхъ, у другого десятковъ семь, у этого вотъ поболѣ сотни. Да здѣсь и у самыхъ богатыхъ хутора не лучше.

По ближайшемъ разсмотрѣніи жилища помѣщенія оказываются гораздо лучше, нежели можно было думать по наружному виду: просторныя, очень чистыя горницы, а главное — совсѣмъ прохладно, не смотря на пекущее во всю полуденное солнце.

— Вотъ скотину только, какъ вы въ такихъ базахъ держите?—спрашиваю я обитателя одного изъ такихъ жилищъ,—какъ она у васъ не поколѣетъ зимой?

— Когда и колѣетъ! а только не вовсе ужъ ей холодно зимой: къ зимѣ то мы подвалимъ соломы да назъму, — оно вѣтромъ то и не пробираетъ. А главное дѣло — кормимъ скотину до-сыта, ей и тепло; корма-то здѣсь вольные! Вотъ подъ Покровкой, тамъ кормовъ нѣту, такъ базы потеплѣе строить.

Экономія достойная кочевниковъ: тратить зря огромныя массы корма, чтобы только не строить болѣе теплыхъ хлѣбовъ!

— А хлѣба у васъ нонѣ какъ?—спрашиваю.

— Изъ всѣхъ годовъ хлѣба! Мѣшковъ ¹⁾ по пятнадцати съ сороковой десятины оберемъ, коли Господь дозволить.

— Это пшеницы? а ржи?

— Ржи не сѣмъ. На душевой то землѣ которые сѣютъ,

¹⁾ Четвертей.

тѣмъ безъ ржи нельзя, потому земля выпажана. Ну, а на участкахъ одна пшеница-матушка отвѣчаетъ... Больно ужъ она ноньче хороша! Я вотъ сорокъ лѣтъ сѣю, такой не видалъ.

— Съ чего это такъ? Дождей много?

— Нѣтъ, съ Троицы дождя не было. А ужъ въ Троицу дождь прошелъ,—недай Господи! На степѣ точно море стояло! Въ землянки такъ вода и заливалась. Народъ на печки влѣзалъ, на телѣги съ бочками; на томъ вонъ хуторѣ,—мой собесѣдникъ куда то указалъ рукой,—полтора ста овецъ забились въ лиманъ, да всѣ, родимыя, и потонули. Зато ужъ хлѣба! Съ одного дождя земля вонъ сколько времени силу держитъ! Отдохнемъ, Богъ дастъ, за всѣ годы, а то вѣдь шесть лѣтъ безъ мала-что ничего не родилось... измаялись совсѣмъ!

— Какъ же вы шесть то лѣтъ вытерпѣли?

— А которые и вовсе позорились, недоимки накопили. Ну, да вѣдь, и то сказать, по здѣшнему мѣсту пашня-пахней, а больше скотиной живемъ, она за все отвѣчаетъ.

Какъ оказалось, на хуторѣ живутъ восемь семей изъ Александрова-гая, снимающіе артелью казенный участокъ, около 4,000 десятинъ.

— Спервоначалу-то насъ девять было, а сейчасъ одинъ не сталъ арендовать.

— А дѣлите какъ землю?

— А по деньгамъ, кто сколько залогу внесъ: я вотъ внесъ полтора ста, семеро по сту, одинъ полсотни рублей, такъ и дѣлили; а сейчасъ товарищъ ушелъ, другой его пай взялъ: стали дѣлить двоимъ на полтора ста, а прочимъ—на сто рублей.

— А общество ваше снимаетъ участки?

— Снимаемъ пять участковъ. Нельзя безъ этого—неудобія больно много, опять же и земля выпаживается.

— А тѣ участки, что же, по душамъ дѣлятъ?

— Нѣтъ по деньгамъ же. Кто сколько пожелаетъ внести, столько и земли получить; у кого сила — больше, а бѣдные—тѣ и ничего не берутъ.

Весь этотъ огромный запасъ казенныхъ земель,—какъ я сказалъ, въ окрестностяхъ Новоузенска и Александрова-гая ихъ до 300 тыс. десятинъ,—попадаетъ такимъ образомъ, цѣликомъ, въ руки самой сильной части крестьянства, и только способствуетъ его быстрой дифференціаціи.

II.

Уральскъ.

Подъ нестерпимо-палящимъ солнцемъ поѣздъ узкоколейной дороги медленно взбирается на пологія, почти сливающіяся со степью, высоты Общаго Сырта. Поражавшій уже на югѣ Самарской губерніи, необъятный просторъ становится еще болѣе широкимъ; чувствуется огромное многоземелье, при которомъ человѣкъ лишь кое-какъ используетъ, а то и вовсе не используетъ, находящіяся въ его распоряженіи земельныя богатства. Изъ окна вагона, на десятки верстъ, видны одни только необъятныя степныя пастбища, на которыхъ кое-гдѣ нагуливаются табуны лошадей или стада рогатаго скота; изрѣдка лишь, среди пожелтѣвшей отъ зноя степи, виднѣются блѣдно-зеленыя пятна пшеничныхъ полей или темныя квадраты заросшихъ бурьяномъ залежей. Мѣстами прихотливо извиваются какія то длинныя, вытянувшіяся иногда на нѣсколько верстъ, но узенькія, нерѣдко не больше десятка сажень, ярко - желтыя ленты; это — уже созрѣвшая озимь, какъ бы спрятавшаяся въ едва замѣтныя для глаза „падушки“, чтобы найти хоть сколько-нибудь весенней влаги.

Изрѣдка виднѣется и человѣческое жильѣ. Вотъ большая казацья станица, правильно распланированная, съ просторными, крѣпкими домами, съ тесовыми, а то и желѣзными крашеными крышами; то тутъ, то тамъ—мелкіе, вросшіе въ землю, саманные или глинобитные хутора рядового казачества, изрѣдка—огромныя усадьбы представителей казачьяго капитализма, съ десятками хозяйственныхъ построекъ. А по станціямъ—вездѣ малиновые околыши уральскихъ казаковъ; добродушно-энергичныя фізіономіи, съ окладистыми русыми бородами и съ характернымъ пришепетываніемъ, которое не оставляетъ уральца, даже прошедшаго черезъ горнило университетскаго образованія или чрезъ военную муштровку. И вездѣ—на станціяхъ, на деревенскихъ улицахъ, на хуторахъ, въ открытомъ полѣ, вездѣ—жнеи, косилки, конныя и паровыя молотилки; вездѣ двухъ и трехъ-этажные хлѣбные амбары—характерный атрибутъ того пшеничнаго царства, которое протянулось, сплошь, отъ Волги до Урала.

Вотъ однако, какъ бы въ маревѣ, показывается Уральскъ: линія блѣдно-розовыхъ и блѣдно-желтыхъ домовъ, купола и колокольни церквей, а кругомъ—обширныя рощи, ласкающія глазъ среди безлѣснаго степного простора. Поѣздъ, видно, пришелъ на добрый часъ раньше времени... Пассажиры начинаютъ поспѣшно собирать и увязывать разбросанныя дорожныя вещи,—но скоро оказывается, что это было и въ самомъ дѣлѣ только марево—одна изъ тѣхъ шутокъ, которыя такъ любить шутить, въ степи, горячее южное солнце.

А вотъ и дѣйствительно Уральскъ. Вдоль полотна дороги—съ десятокъ паровыхъ мельницъ, по дорогѣ отъ вокзала къ городу—цѣлая улица лѣсныхъ дворовъ и складовъ,—и вы въ самомъ центрѣ города, на сносно вымощенной, просторной улицѣ, обстроенной почти под-

рядъ казенными домами. Однако, такая улица—единственная въ своемъ родѣ. Весь остальной Уральскъ, несмотря на его миллионную торговлю хлѣбомъ, скотомъ и рыбой,—не болѣе, какъ большая казачья станица, да и станица то не изъ важныхъ, гораздо хуже тѣхъ, которыя виднѣлись, по пути, изъ окна вагона: съ немощеными пыльными улицами, отъ которыхъ, подъ вечеръ, въ воздухѣ стоитъ сплошная мгла, съ какими то необыкновенно-жалкими, покосившимися фонарными столбами, съ маленькими, обмазанными глиною, домами и домишками. Въ полдень, когда почти вертикально-падающее солнце даетъ до 50° по Реомюру, жизнь на этихъ улицахъ почти замираетъ: всякій, кому не до зарѣзу нужно, спѣшитъ укрыться въ „холодкѣ“; во многихъ домахъ, для защиты отъ солнца, окна вымазаны изнутри синею краской, а многіе, чтобы спастись отъ жары и пыли, цѣлое лѣто не выставляютъ наглухо замазанныхъ двойныхъ рамъ.

Малиновые околыши въ Уральскѣ не даютъ прохода. На углахъ стоятъ малиновые полицейскіе, у „части“ малиновые пожарные возятся съ трубой и бочками, малиновые ребятишки играютъ въ бабки или чехарду; даже гимназисты, и тѣ носятъ тотъ же малиновый околышъ и малиновый лампасъ на шароварахъ. И въ отличіе отъ сибирскихъ, амурскихъ, даже оренбургскихъ казаковъ, которые кажутся какими то мужиками въ форменныхъ фуражкахъ, уральскіе казаки и внѣ службы сохраняютъ какой-то особенный видъ, по которому вы сразу узнаете военного человѣка. Преобладаніе въ Уральскѣ казачьяго элемента выражается, конечно, не въ однихъ малиновыхъ околышахъ: реальное училище въ Уральскѣ—„войсковое“; войсковое хозяйственное правленіе занимаетъ огромное, высокое, казеннаго вида зданіе на главной улицѣ, тогда какъ высшее гражданское управленіе областью ютится

гдѣ-то въ переулкѣ, въ небольшомъ наемномъ домѣ. Извозчикъ, если вы его спросите, гдѣ живетъ губернаторъ, придетъ въ нѣкоторое недоумѣніе, а когда сообразить, въ чемъ дѣло, объяснить вамъ, что „у насъ больше атаманскимъ домомъ зовутъ“.

На окраинѣ города, за татарскою слободкой, довольно обширное мѣсто обнесено глухимъ заборомъ, и надъ воротами его красуется не особенно вразумительная для непосвященнаго надпись: „войсковой складъ строительныхъ матеріаловъ для учуга“; а немного дальше вы можете видѣть и самый учугъ. Издали вы видите лишь узенькій, перекинутый черезъ Уралъ, пѣшеходный мостикъ на столбахъ, съ косыми бревнами, въ видѣ ледорѣзовъ, почему то подставленными, однако, *не сверху* по теченію, какъ приличествуетъ ледорѣзамъ, а *снизу*. Но поднявшись по нѣсколькимъ ступенькамъ, вы видите, что суть дѣла вовсе не въ мостикѣ: и мостикъ, и косыя бревна только поддерживаютъ противъ сильнаго теченія сплошную желѣзную рѣшетку, перегораживающую Уралъ отъ одного берега до другого. Эта рѣшетка, составленная изъ часто вбитыхъ въ дно рѣки дюймовыхъ прутьевъ, выкрашенныхъ масляною краской, ежегодно снимается осенью и ежегодно-же ставится вновь, послѣ окончанія весенняго ледохода. Ея цѣль—задерживать поднимающуюся вверхъ по теченію рыбу и не пропускать ея въ верхнюю часть рѣки, уже не состоящую въ обладаніи войсковой Уральской общины.

Рыболовство или, какъ здѣсь выражаются, „рыболовства“ въ Уралѣ,—монополія Уральского войска, и казачество строго и ревниво блюдетъ эту монополію. Чтобы не распугать рыбу, на Уралѣ не допускаютъ устройства пароходства; по всему Уралу, ниже учуга, въ назначенное для лова время запрещено даже плыть

на лодкѣ или ловить рыбу удочкой; на мѣстѣ такъ называемаго „презентнаго багрения“, откуда икра и осетры идутъ въ „презентъ“, къ царскому столу, стоитъ особый постъ, оберегающій спокойствіе нагуливающейся рыбы. Вся рыба въ Уралѣ—собственность войсковой общины, къ которой принадлежит все войско, кромѣ четырехъ сѣверныхъ, илецкихъ станицъ. Внутри этой огромной общины нѣтъ никакихъ дѣленій; каждый казакъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, участвуетъ въ зимнемъ „багреньѣ“ рыбы подъ Уральскомъ, участвуетъ въ осенней „плавнѣ“ въ низовьяхъ рѣки, участвуетъ, гдѣ ему угодно, и въ другихъ, второстепенныхъ „рыболовствахъ“. Еще не такъ давно рыбный промыселъ былъ первенствующимъ источникомъ благосостоянія уральскихъ казаковъ. Теперь первенство, постепенно, переходитъ къ скотоводству и земледѣлію. Тѣмъ неменѣе, уралецъ въ „рыболовства“ и сейчасъ всего болѣе вкладываетъ свою душу. Земледѣліе, скотоводство — это заработокъ или источникъ барыша; багренье или плавня—вѣками укоренившаяся „охота“. Если вы хотите знать, что значать „рыболовства“ въ жизни города Уральска, прочтите только печатныя правила пользованія городскою (вѣрнѣе—тоже войсковою) телефонною сѣтью: даже телефонъ бездѣйствуетъ въ первые два дня багренья, и начинаетъ работать только послѣ 4-хъ часовъ, когда наступившая темнота заставляетъ прекратить ловлю.

Мнѣ лично не довелось видѣть ни одного изъ уральскихъ „рыболовствъ“. Но говорятъ, что багренье—увлекательная картина. Разбитые на небольшія артели, ловцы по пушечному выстрѣлу, „удару“, бросаются на замѣченныя еще съ лѣта мѣста, гдѣ рыба залегла на зимнюю спячку; съ необыкновенною быстротой каждый продавливается, въ одиночку, небольшую прорубь, сквозь нее небольшимъ багромъ нащупываетъ бѣлугу или осетра и крикомъ „скоро!“ созываетъ артельщиковъ,

которые помогают ему вытащить на ледь огромную рыбу. Словно муравьи, копошатся на льду тысячи людей, и въ немного часовъ ледь покрывается массивными осетровыми или бѣлужьими тушами. Не менѣе эффектна, говорятъ, и „плавня“, когда тысячи промышленниковъ, тоже по „удару“, въ одинъ моментъ сбрасываютъ въ воду свои утлыя ладьи и спѣшать съ сѣтями, каждый на заранѣе намѣченное для лова мѣсто.

Рыболовство—та область хозяйственной жизни казачества, гдѣ въ наибольшей чистотѣ сохранились старые общинные порядки, хотя—надо замѣтить—и въ этой области общинное самоопредѣленіе въ значительной мѣрѣ вытѣснено распоряженіемъ казачьяго начальства. Здѣсь, по крайнѣй мѣрѣ въ процессѣ производства, другими словами въ моментъ самого лова, въ наибольшей чистотѣ сохранился принципъ первобытной, до-передѣльной общины:—„каждому по его трудамъ“, осложненный, конечно, и другимъ принципомъ: „каждому по его удачѣ“. Каждый казакъ, будь онъ рядовой или полковникъ, только лично можетъ принимать участіе въ багреньѣ или плавнѣ. Наемные работники на ловлю рыбы не допускаются вовсе, и нанимать дозволяется только при раздѣлкѣ и посолкѣ пойманной рыбы. Капиталъ проникъ, пока, только въ область сбыта продуктовъ рыболовства, и напримѣръ вся рыба съ низовыхъ промысловъ скупается десятью или двѣнадцатью рыботорговцами.

Гораздо сильнѣе выражаются дифференціація и вліяніе капитала въ другихъ отрасляхъ казачьяго землевладѣнія и хозяйства—въ земледѣліи и особенно въ скотоводствѣ. Такъ, каждый казакъ имѣетъ право распахать не болѣе опредѣленнаго числа десятинъ, офицеръ или чиновникъ — вдвое, втрое или впятеро, смотря по чину, а запахивающий сверхъ этой пропорціи обязывается вносить „акцизы“ въ войсковую кассу. Но

акцизь вносится весьма неисправно; богачи, засѣвающіе сотни, а то и тысячи десятинъ, предпочитаютъ пользоваться разными обходными путями, стоящими во много разъ дешевле, нежели стоилъ бы акцизь. Весьма строго регулированы и порядки пользованія покосами: въ первые три дня „валового“ покоса каждый казакъ можетъ косить только самъ, безъ наемныхъ рабочихъ, и однимъ лишь офицерамъ дозволяется ставить за себя наемныхъ замѣстителей. Въ слѣдующіе три дня дозволяется нанимать по одному работнику, позже—по два и больше. Такимъ образомъ обычай, не устанавливая безусловнаго равенства въ пользованіи покосомъ (да въ этомъ не было бы и необходимости, потому что покоса пока хватаетъ на всѣхъ съ избыткомъ), однако обезпечиваетъ и бѣдняку возможность накопить, сколько ему нужно, сѣна. Но богачи скупаютъ пай у бѣдняковъ, и такимъ образомъ накашиваютъ тысячи копенъ. Наконецъ, и право выпаса на войсковыхъ степяхъ ограничено, на каждаго казака, опредѣленнымъ числомъ головъ скота, и за каждую лишнюю скотину тоже полагается „акцизь“; но мнѣ называли казака-скотопромышленника, властвующаго въ районѣ одной изъ уральскихъ станицъ, который ежегодно скупаетъ и нагуливаетъ на войсковыхъ степяхъ до полусотни тысячъ головъ скота, оплачивая „акцизомъ“ какую нибудь десятую долю.

Вообще, едва ли гдѣ либо такъ сильна дифференціація, такъ велика власть богачей и такъ безгранично ихъ вліяніе на общественныя дѣла, какъ въ казачьихъ общинахъ и въ частности—въ уральской. И, пожалуй, правы тѣ мѣстные люди, которые приводятъ это явленіе въ прямую связь съ полувоенною казачьею общественною организаціей. Станичный или поселковый атаманъ—это офицеръ, въ худшемъ случаѣ—урядникъ, воздѣйствующій на рядового казака не только своею

выборною властью, но и авторитетомъ своего военного чина; а между тѣхъ станичная казачья власть, какъ и сельская власть у крестьянъ, всегда имѣетъ болѣе тягостныя къ сильнымъ, богатымъ элементамъ, чѣмъ къ заурядной массѣ казачества.

III.

Зауральская степь.

Въ воздухѣ не менѣе 50 градусовъ. По горячему песку больно ступать въ тонкой обуви, а желѣзные поручни тарантаса, если къ нимъ нечаянно прикоснуться, обжигаютъ пальцы. Раскаленный воздухъ дрожить и колеблется, и на горизонтѣ то тамъ, то сямъ, появляется марево: передъ глазами путника разстилаются фантастическія озера; среди нихъ плаваютъ какія-то неясныя очертанія, какъ потомъ оказывается—юрты, или верблюды, или стога сѣна, а надъ мнимыми озерами, повыше горизонта, мерещится сплошная полоса высокаго лѣса. Впрочемъ, иллюзія лѣса иногда является и безъ марева. „На степи,—говоритъ киргизская поговорка,—сурокъ съ сурчатами—что верблюдъ съ верблюжатами“: всѣ предметы, выдающіеся надъ ровною поверхностью степи, издали кажутся несоразмѣрно-огромными, и сплошь и рядомъ насыпанные сусликами курганы можно издали принять за киргизскія юрты, а поросшія по залежи бурьянъ—за высокую лѣсную заросль.

Начало іюля. А жгучее солнце и горячій вѣтеръ, безъ устали дующій изъ средне-азіатской пустыни, съ начала мая высушиваютъ степь, вытягивая изъ почвы послѣдніе слѣды весенней влаги. Лишь кое-гдѣ, узкою

полосою, прошелъ случайный ливень,—и такую полосу можно сразу узнать по густой, высокой, ярко-зеленой травѣ или по роскошно наливающемуся хлѣбу. Гдѣ не случилось ливня, тамъ выжженная степь переливается всевозможными оттѣнками блѣдныхъ и тусклыхъ, желтоватыхъ и буроватыхъ тоновъ, рѣзко контрастирующихъ съ ярко-голубымъ, безоблачнымъ небомъ. Палево-желтый ковыль, съ его серебриющимися на косомъ вечернемъ солнцѣ метелками, смѣняется то ярко-желтыми кисточками или султанчиками типца, то сѣро-сизою, некрупную полыню-джусанъ, то приземистою, буроватою майкара¹⁾, изъ-подъ которой выступаетъ бѣлесо-ватая, не то известковатая, не то солонцеватая почва. Кое-гдѣ на этомъ тускломъ фонѣ, то узкими, извилистыми ложбинками, „саями“, то широкими „лиманами“, выдѣляются блѣдно-зеленые пятна сѣнокосовъ или темно-зеленые квадраты излюбленнаго киргизами проса. Отъ посѣвовъ, большею частью, остались лишь жалкіе слѣды, сиротливо выдѣляющіеся на сѣромъ или буромъ фонѣ начисто выжженныхъ полей; но гдѣ земля была вспахана съ осени, а посѣвъ произведенъ самую раннюю весной, тамъ хлѣбъ, несмотря на засуху, стоитъ сплошной стѣною и обѣщаетъ обильный урожай.

На первыхъ перегонахъ отъ Уральска (я ѣду на Темиръ и Мугоджары, пересекая Уральскую степь съ сѣверо-запада на юго-востокъ) поминутно встрѣчаются длинныя вереницы нагруженныхъ воевъ, запряженныхъ быками или верблюдами, и караваны вьючныхъ верблюдовъ, съ ихъ вытянутыми, безобразными шеями и большими умными глазами. Изъ степи эти обозы и караваны везутъ огромныя кипы шерсти, рѣже—кошмы или ковры; въ степь—чугунные котлы, полосовое желѣзо, тюки съ мануфактурою, ящики съ бакалейнымъ

¹⁾ Киргизское названіе нѣкоторыхъ видовъ полыни.

товаромъ, зеркала, рѣшетчатые остовы для киргизскихъ юртъ. Попадаются на встрѣчу и большія отары барановъ, съ полуголыми, темно-бронзовыми погонщиками-киргизами.

Подальше отъ Уральска обозы исчезаютъ; почти не попадается гуртовъ, и на широкой караванной дорогѣ, „кара-джоль“, съ ея десятками параллельно-проторенныхъ верблюжьихъ тропъ и колесныхъ слѣдовъ, лишь изрѣдка попадается верховой киргизъ, трусящій своею излюбленною „ходдою“.

Гдѣ дорога пересѣкаетъ лѣтовки, тамъ степь десятками верстъ пустынна, и ея мертвое однообразіе нарушается только хищными птицами, да сусликами. Рыжевато-бурые звѣрьки, этотъ будущій бичъ развивающагося въ степи земледѣлія, съ любопытствомъ высовываются изъ своихъ норокъ, слѣдятъ за приближающимся экипажемъ, а затѣмъ, быстро и граціозно, ныряютъ обратно въ свои подземныя жилища.

Гдѣ дорога пересѣкаетъ долину рѣчки или большого „сая“, или тянется вдоль такой долины,—тамъ мѣстность принимаетъ болѣе оживленный видъ. Вдоль рѣчекъ и ручьевъ рѣдкою цѣпью разбросаны, то по одной, то небольшими группами, киргизскія зимовки: жилые дома изъ саманнаго кирпича или дерна, съ плоскими земляными крышами, съ вынутыми на лѣто оконными рамами и дверьми, и такіе же, тоже саманные или дерновые, только безъ крышъ, загоны для скота; возлѣ многихъ зимовокъ большіе стога сѣна и коническія кучки кизяка: у сѣверныхъ киргизъ кизякъ — единственное топливо, и только дальше къ югу онъ замѣняется одервенѣлыми корнями кокпека и разныхъ видовъ полыни.

Тутъ же, около зимовокъ или немного поодаль, стоятъ киргизскіе аулы, прикочевавшіе къ зимовкамъ на время сѣнокоса. Это—группы круглыхъ войлочныхъ

юртъ, или, какъ ихъ называютъ киргизы,—кошей, съ куполообразнымъ кровомъ, однѣ закрытыя наглухо, другія съ приподнятыми, для провѣтриванія, боковыми полами и пріоткрытымъ сверху „тюдюкомъ“. Юрты—то большія, бѣлыя, изъ свѣжихъ, чистыхъ войлоковъ или кошемъ; то потемнѣе и посѣрѣе, обыкновенно, при этомъ, и поменьше; то совсѣмъ маленькія, покрытыя изодранными, заплатами, почти черными, лоснящимися отъ жира и просвѣчивающими отъ ветхости тряпичами, утратившими, можно сказать, всякое подобіе кошмы. Около юртъ играютъ до-нельзя грязныя, полуголыя ребятишки и копошатся киргизскія женщины, однѣ въ бѣлыхъ платкахъ, другія въ бѣлыхъ же — обязательно бѣлыхъ—тюбанообразныхъ головныхъ уборахъ, одѣтыя то въ длинныя, неуклюжіе капоты, то въ какія-то безобразныя шаровары или брюки. Одна моетъ чугунный котель—универсальную посуду, которая служитъ и для варки пиши, и для стирки бѣлья, и для формовки кизяка; другая мѣшаетъ или взбиваетъ въ кожаной „сабѣ“ кумысъ, этотъ національный киргизскій напитокъ; третья что-то чинить или штопаетъ; четвертая подтыкаетъ и подтягиваетъ расштанную вѣтромъ юрту. Ихъ супруговъ и повелителей не видно: кто вынужденъ работать, тотъ косить сѣно или пасеть скотъ гдѣ-нибудь на недалекой лѣтовкѣ; кто можетъ себя избавить отъ этой непріятности—кейфуетъ въ юртѣ, а то уѣхалъ въ гости, попить кумыса и подѣлиться свѣжими новостями.

Нестерпимо хочется пить. Мы подѣзжаемъ къ группѣ особенно бѣлыхъ и чистыхъ кошей.

— Кмызь баръ (кумысъ есть)?—спрашиваю я стоящую у одной изъ юртъ молодую женщину, въ ослѣпительно-бѣломъ головномъ уборѣ и рѣдкостно-чистой, почти европейскаго покроя одеждѣ.

— Пожалуйста, зайдите,—отвѣчаетъ она на чистомъ

русскомъ языкѣ, съ едва замѣтнымъ киргизскимъ акцентомъ:—отдохнете съ дороги, покушаете кумысу.

Я, удивленный, всматриваюсь—лицо какое-то необычное для киргизки, и въ темныхъ глазахъ глубокая грусть.

И обстановка въ юртѣ не совсѣмъ обыкновенная: къ одѣвающимъ юрту изнутри коврамъ приколото нѣсколько картинокъ, въ томъ числѣ портреты Пушкина и еще кого-то изъ писателей; а изъ пріоткрытаго сундука выглядываетъ нѣсколько книжекъ и брошюръ.

— Откуда вы такъ хорошо по-русски говорите?—спрашиваю я, жадно выпивъ первую чашку кумыса.

— Училась въ прогимназіи.

— А потомъ?

— Потомъ, видите, замужъ вышла, въ степи живу.

Еще пара чашекъ кумыса, и въ путь.

— Не знаешь, чья жена?—спрашиваю ямщика, обѣднѣвшаго уральскаго казака.

— Какъ не знать... Баймухамета Иманбаева ⁴⁾, вторая жена. Не впрокъ ей наука-то пошла,—сталъ рассказывать ямщикъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ моихъ вопросовъ.— Въ городу-то, въ пансіонѣ какъ жила, другую жисть увидала, хлѣбъ выучилась ѣсть. Кончила ученье—ужъ въ грязи, да во вшахъ, не глянется. Да это бы еще ничего... А то, пока она въ книжкахъ училась, отецъ ее продалъ въ жены Дюсенбаю—это у Баймухамета братъ былъ. А Дюсенбай года два пожилъ, да и померъ, а она, по ихнему закону, къ Баймухамету перешла. Она, сказываютъ, и въ рѣкѣ топилась, и бѣгала отъ мужа. Губернаторъ тутъ проѣзжалъ—я и везъ его,—вставилъ ямщикъ не безъ гордости, — она къ нему, такъ при всемъ народѣ, съ прошеніемъ: вы, говоритъ, меня въ школѣ

⁴⁾ Имена и названія мѣстностей здѣсь и въ дальнѣйшемъ вымыслены.

учили, такъ я, молъ, не могу по старому заведенію жить. А онъ что можетъ?! Я, говорить, противъ вашего закона не могу идти,—пошлѣ тебя отецъ въ емназію отдавалъ!..

— А этотъ Баймухаметь богатый?

— Какъ не богатый! Уже коли двѣ жены, значить богатый. Лошадей у него, должно, ста три, да рога-тыхъ сотъ пять будетъ; деньги въ банкѣ лежать; хлѣба тоже сталъ помногу сѣять.

— А это весь аулъ его?—спрашиваю я, указывая на исчезающую на горизонтѣ группу изъ четырехъ или пяти кошей, стоявшихъ полукругомъ около обширной и аккуратно построенной, крытой тесомъ зимовки съ обширными хлѣвами и огромными ометами сѣна.

— Его. Вонъ, въ трехъ кошахъ самъ живетъ—у нихъ вѣдь, у кого двѣ аль три жены, у каждой своя юрта. А тамъ двѣ кибитки, — онъ указалъ при этомъ на двѣ маленькихъ, черныхъ, ободранныхъ юрты,—байгуши.

— Что это за байгуши?—спрашиваетъ мой спутникъ, которому въ первый разъ довелось быть въ киргизской степи.

— А которые вовсе бѣдные, скота не имѣютъ; вотъ, они около богатыхъ и живутъ. У киргизъ на этотъ счетъ лучше нашего: который бѣдный—за него богатый и подати платитъ; дастъ ему богатый коровенку или двѣ,—съ того онъ и питается; барана богатый зарѣжетъ—байгушъ костями пользуется. А ужъ они у него—что твои, рассказываютъ въ Расеѣ были, крѣпостные. Самъ вотъ откочуетъ на лѣтовку, кумысъ лакаетъ да барановъ рѣжетъ, а байгуши ему и зимовку укараулять, и сѣно накосятъ, и хлѣбъ сожнутъ.

Нигдѣ, можетъ быть, разница въ богатствѣ не ведетъ за собою такого рѣзкаго соціального разслоенія, какъ среди кочевниковъ. Безскотные киргизы—байгуши или джатаки—это въ полномъ смыслѣ слова паріи, илоты,

которые живутъ милостями богатаго „бая“ и которыми онъ, дѣйствительно, распоряжается, какъ рабами. Богачи-баи, богатство которыхъ исчисляется тысячами головъ скота и десятками, а то и сотнями тысячъ денегъ, это—„бѣлая кость“, маленькіе князьки, и ихъ власть надъ рядовою киргизскою массой усугубляется сохранившимися еще традиціями родового быта и памятью о тѣхъ временахъ, когда они, или отцы ихъ, были султанами-правителями или дистанціонными начальниками, съ довольно большою административною властью.

Припоминается мнѣ мой визитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ нѣкому Нурали Асанову, благодушствующему гдѣ-то невдалекѣ, кажется, отъ Петропавловска. Раньше прошедшій цѣлый рядъ должностей по киргизскому выборному, а потомъ и по уѣздному управленію, потомокъ султановъ, Нурали въ то время не занималъ никакого оффиціальнаго положенія, хотя и числился какимъ то чиновникомъ особыхъ порученій. И тѣмъ не менѣе, когда мнѣ понадобилось ѣхать въ степь, объ этомъ, кромѣ казенныхъ предписаній и открытыхъ листовъ, было написано частное письмо Нурали Асанову, и мнѣ было настоятельно рекомендовано посѣтить его зимовку.

Я не преминулъ исполнить этотъ совѣтъ. „Зимовка“ оказалась обширнымъ каменнымъ домомъ въ 12 комнатъ, и на крыльцѣ этого дома меня встрѣтилъ типичный, полуграмотный киргизъ, но въ очкахъ, въ какой-то полуполицейской формѣ, съ вереницею медалей и орденовъ на короткой шеѣ. Не помню уже, чѣмъ онъ угостилъ меня къ обѣду—на столѣ стояла цѣлая батарея разнообразныхъ бутылокъ и вереница не менѣе разнообразныхъ закусокъ; знаю только, что пріемъ для меня былъ второго, а то и третьяго разряда,—кого нужно, Нурали встрѣчаетъ съ оркестромъ музыки, и шампанское льется рѣкою. Послѣ обѣда Нурали ушелъ

въ свою юрту (Нурали тоже „лѣтуеть“!), разбитую въ полусотнѣ шаговъ отъ дома, а черезъ полчаса я пошелъ туда же, отдавать ему визитъ. Огромная бѣлая юрта, увѣшанная внутри дорогими текинскими коврами и уставленная горами сундуковъ, въ красиво расшитыхъ войлочныхъ чехлахъ; немного сбоку—широкая желѣзная позолоченная кровать, съ пружиннымъ матрацомъ, а надъ кроватью, на длинной лентѣ, виситъ старшій орденъ хозяина кибитки. На почетномъ мѣстѣ, на грудѣ подушекъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ Нурали, уже не въ полицейской формѣ, а въ тонкомъ шелковомъ бешметѣ, и творилъ судъ среди своихъ вѣрно-преданныхъ киргизъ; попарно, съ низкими поклонами, подходили къ нему тяжущіеся,—нѣкоторые пріѣхали для этого за сотню верстъ; длинно и многословно они излагали сущность своей тяжбы, и Нурали, задавъ два-три вопроса, изрекалъ свои рѣшенія—рѣшенія болѣе крѣпкія, чѣмъ приговоры оффиціального киргизскаго „народнаго суда“.

О самомнѣніи и чванствѣ Нурали—а знаетъ его всякій, кто бывалъ въ Петропавловскомъ уѣздѣ и имѣлъ дѣло съ киргизами, рассказываютъ не мало анекдотовъ.

„Пріѣзжаетъ какъ-то Нурали въ городъ, — рассказывалъ мнѣ одинъ мѣстный обыватель, — узнаетъ, что въ городѣ предсѣдатель суда. Сейчасъ мундиръ, орденъ—айда съ визитомъ къ предсѣдателю. Тотъ съ нимъ поговорилъ о томъ, о семъ, а на прощаніе спросилъ, гдѣ онъ остановился. Значить, визитъ будетъ отдавать... Нурали сейчасъ домой, облекся въ халатъ, ждетъ визита. Сидитъ часъ, два, три—нѣтъ предсѣдателя. Наскучило ему сидѣть, посылаетъ чавара¹⁾—спросить его—ство, можетъ ли онъ, Нурали, отлучиться изъ дому,

¹⁾ Родъ конныхъ разсыльныхъ, которыхъ держатъ при себѣ киргизскія должностныя лица и просто богатые киргизы.

или надо дожидаться визита; тотъ ему въ отвѣтъ—сейчасъ, молъ, буду. А Нурали какъ услыхалъ, что предсѣдатель будетъ, сейчасъ чаваровъ на базаръ — сгонять къ нему на дворъ киргизовъ; сотни двѣ согнали,—кто только подъ руку попался: „смотрите-молъ, какъ начальство меня почитаетъ“...

Вліяніе Нурали даетъ однако пищу не одному только его тщеславію и властолюбію. Нечего уже говорить о томъ, что его огромныя стада вытравляютъ десятки тысячъ десятинъ пастбищъ, которыхъ хватило бы для сотенъ кибитокъ рядовыхъ киргизъ,—это, при киргизскихъ порядкахъ, совершенно нормально. Но вѣдь всѣ тѣ тяжущіеся, которыхъ разбираетъ Нурали, не являются къ суду съ пустыми руками—а правый и виноватый несетъ ему „бійлыкъ“... Изрядную часть своего скота Нурали раздаетъ на зиму „кунакамъ“ которые кормятъ этотъ скотъ, а къ веснѣ возвращаютъ его своему высокому покровителю. И last not least—разсказываютъ о чемъ-то въ родѣ настоящаго сбора даней, которыя Нурали взимаетъ—неизвѣстно за что — съ такихъ киргизъ, которымъ, казалось бы, до Нурали нѣтъ никакого дѣла.

„Посылаетъ Нурали чавара съ письмомъ въ Аккелинскую, скажемъ, волость: „милые мои аккелинцы, я о васъ соскучился и собираюсь къ вамъ въ гости“; цѣлый мѣсяцъ ѣздитъ изъ аула въ аулъ, и глядишь—ѣдетъ домой, а за нимъ большой табунъ скота гонятъ: это все ему понадавали подарковъ“...

Да не посѣтуетъ на меня читатель, что я столько времени занималъ его личностью Нурали. Нурали—это не только личность,—это собирательный типъ. Такіе Нурали, то болѣе крупные, то помельче, одни въ халатахъ и съ какою-нибудь маленькою медалькой, другіе, пожалуй, въ сюртукахъ, съ хорошими орденами и даже съ дипломами, раскинули

сѣтъ своего не основаннаго ни на какомъ писанномъ правѣ, но крѣпкаго господства, по всей необъятной киргизской степи. Это они скрываются за тою „борьбою партій“, которая такъ разлагаетъ общественную жизнь киргизъ, проводя на выборныя, якобы, должности управителей, старшинъ и судей своихъ сыновей, племянниковъ или просто зависящихъ отъ нихъ людей. Это они, время отъ времени, появляются въ Петербургѣ въ богатыхъ, съ золотыми галунами, халатахъ и въ тысячныхъ поясахъ, именуя себя „представителями киргизскаго народа“, собирая съ рядовыхъ киргизъ десятки тысячъ рублей „на ходатайство“ и отстаивая, подъ фирмою „народныхъ“, интересы малочисленнаго, но вліятельнаго богатаго класса. Это они первые пустили въ киргизскую степь русскихъ поселенцевъ, сдавая имъ въ аренду огромныя пространства самовольно присвоенной ими общественной земли, и они же теперь—главные противники русской колонизаціи: теперь земля отводится переселенцамъ правительствомъ, и богачамъ уже не достается отъ этого никакихъ выгодъ; а подъ заселеніе отдаются тѣ земельные излишки, которые вовсе не нужны рядовому киргизу, съ его парюю десятковъ головъ скота, но необходимы богатому „баю“, для его огромныхъ табуновъ.

Вечерѣтъ. Жаръ начинаетъ спадать, и только на нѣсколько минутъ по степи проносится горячій, какъ изъ печки, вѣтеръ, отъ котораго захватываетъ дыханіе и кровь приливаетъ къ головѣ. Неподалеку, въ вечерней дымкѣ, виднѣется вытянувшаяся вдоль какой-то рѣчки густая цѣпь зимовокъ; кое-гдѣ около самихъ зимовокъ—кучки куполообразныхъ юртъ и какихъ-то палатокъ, а по степи, то тамъ, то сямъ, пасутся огромныя стада.

Отъ одной изъ зимовокъ отдѣляется фигура верхомъ и несется вскачь, на перерѣзъ намъ. Оказывается—

взъерошенный, до крайности оборванный киргизъ, съ двумя длинными, только-что начавшими подживать, ранами или царапинами на лицѣ и шеѣ. Быстро и взволнованно онъ что-то рассказываетъ по-киргизски, все время показывая то въ сторону зимовокъ, то на пасущіеся табуны.

— Чтò такое?—спрашиваемъ ямщика.

— Адаевцы,—отвѣчаетъ тотъ:—стали на лугахъ, все вытравили—вонъ скота какая сила!.. Стали ихъ сживать, а они дратся; ишь какъ его ножами исполосовали...

Черезъ посредство ямщика мы объясняемъ израненному киргизу, что не можемъ ничѣмъ помочь его бѣдѣ. Киргизъ потихоньку плетется назадъ, а мы ѣдемъ своею дорогою.

— Сладу нѣтъ съ этими адаевцами,—продолжаетъ ямщикъ:—придутъ съ табунами и станутъ, хоть тебѣ тутъ покосъ, хоть чтò. Учнутъ имъ чего говорить, а они: не троньте молъ насъ, дратся будемъ. И ничего съ ними подѣлать не могутъ: свой управитель у нихъ—ищи его! здѣшніе волостные ихъ не знаютъ, а кого и знаютъ—боятся. А пока до уѣзднаго дойдетъ, они и откочуютъ—не сыщешь. Такъ имъ все и сходить!..

Вотъ и Уиль—бывшее Уильское укрѣпленіе. Въ центрѣ небольшая, совсѣмъ новая каменная церковка: справа—большой крестьянскій поселокъ, съ правильно расположенными домами, крытыми то тесомъ или жельзомъ, то соломой; еще правѣе—обнесенная валикомъ старая крѣпость, гдѣ и сейчасъ стоитъ небольшая казачья команда. Слева—обширная ярмарочная площадь, а посреди нея—большое каменное зданіе съ помѣщеніями для управленія ярмарки и для многочисленнаго, съѣзжающагося на ярмарку, начальства.

Мы заѣзжаемъ въ это зданіе, и какой-то не то сторожъ, не то писарь начинаетъ хлопотать о самоварѣ.

— Удачно прошла ярмарка?—спрашиваемъ.

— Ничего... Народу больше всѣхъ годовъ съѣхалось — киргизъ тысячъ за пятьдесятъ было, торговцевъ тоже много. Хохлы въ поселкѣ большія деньги нажили.

— На чемъ это?

— Какъ на чемъ! Они на ярмаркѣ и хлѣбомъ торгуютъ, и яйцами. Народу-то сколько съѣзжается, а кромѣ нихъ и взять не у кого... Ну, и брали: за хлѣбъ по восемь да по десять копѣекъ фунтъ, за десятокъ яицъ по сорока да по пятидесяти копѣекъ. Хорошее имъ житье!.. Имъ бы и хлѣба сѣять не надо: одними ярмарками да базарами будутъ сыты...

— А все-таки сѣютъ?..

— Сѣютъ. Только плохо здѣсь для пашни: кругомъ то все подъ ярмарку отведено, а крестьянскій надѣлъ въ одну сторону въ семи верстахъ, въ другую—всѣ десять. И земля тоже: тамъ вотъ—собесѣдникъ нашъ показалъ рукою въ одну сторону—песокъ гольный, а тамъ—горы да глина. Не выпалъ во время дождь — и безъ хлѣба. И отъ адаевцевъ плохо: того и гляди все вытравятъ. Много хлопотъ тутъ съ этими адаевцами,—продолжалъ нашъ собесѣдникъ: то у нихъ съ торговцами-татарами джанджалъ ¹⁾ выйдетъ, — нонче вотъ изъ-за возжи такое вышло... еле татаръ отбили!—то съ здѣшними киргизами, то съ крестьянами изъ-за потравы. Ну, а хохлы, тѣ тоже спуска не даютъ: изловятъ у адаевцевъ скотъ на потравѣ—вдесятеро сдерутъ: и за себя моль, и за другихъ. Много начальству возни съ адаевцами — ни одна ярмарка не пройдетъ, чтобы казаковъ не вывели. Въ прошедшемъ годѣ такая вышла драка съ хохлами... мы располагали, намъ всѣмъ конецъ пришелъ; вѣдь казаковъ то пол-

¹⁾ Скандалъ, драка по-киргизки.

сотни, да еще кони у нихъ на травѣ ходили,—а ихъ вонъ какая сила!..

— Ну, и что же?

— Да ничего,—пронесъ Господь.

Адаевцы—это больной вопросъ и для киргизъ средней полосы Уральской области, и для русскихъ поселенцевъ, гдѣ такіе есть, и для мѣстнаго начальства. И корень этого больного вопроса—въ столкновении двухъ культуръ: первобытной кочевой, въ лицѣ ея типичныхъ представителей—адаевцевъ, и осѣдло-земледѣльческой, сдѣлавшей большіе успѣхи на сѣверѣ и въ средней части Уральской области.

Еще не такъ давно вся миллионная масса киргизъ свободно кочевала по необъятному пространству степей, отъ рѣки Чу и озера Зайсана до границъ Тобольской губерніи, и отъ Оренбурга и Троицка до Сырь-Дарьи и хивинскихъ владѣній. Киргизы не имѣли осѣдлости, и даже зиму проводили въ юртахъ, обкладывая ихъ, на холодное время, снѣгомъ и навозомъ. Земледѣлія вовсе не было. Скотоводство (все больше бараны и верблюды; лошадей держали немного, а рогатаго и вовсе не было) было совершенно первобытное: киргизы не косили сѣна, и скотъ всю зиму оставался на подножномъ корму. На зиму кочевникъ-киргизъ уходилъ на югъ—на Чу, на Сырь-Дарью, въ хивинскія владѣнія, гдѣ легче было перетерпѣть сравнительно мягкую зиму, а главное—гдѣ скотъ зимой могъ добывать изъ-подъ неглубокаго снѣга отросшую послѣ осеннихъ дождей траву. При первыхъ признакахъ весны, въ мартѣ или въ февралѣ, киргизъ снимался съ зимового стойбища, навьючивалъ свой скарбъ на верблюдовъ и со своимъ скотомъ спѣшилъ на сѣверъ, чтобы перекочевать по свѣжей весенней травѣ черезъ безводныя и бесплодныя, въ теченіи всего лѣта, степи и пустыни, отдѣляющія лежащія на югѣ зимовочныя районы отъ тучныхъ

ковыльныхъ пастбищъ сѣверной степи, и захватить при этомъ высыхающую позже снѣговую воду. На сѣверныхъ лѣтовкахъ киргизы проводили два, три или четыре лѣтнихъ мѣсяца, а съ приближеніемъ осени откочевывали на югъ, чтобы во время осеннихъ дождей перейти обратно чрезъ „голодные“ степи и пустыни и во-время добраться до песковъ, гдѣ киргизы охотнѣе всего становились на зимовку.

Въ тѣ времена вся степь была какъ-бы одинъ, для всѣхъ открытый, кочевой путь, необъятный и безпредѣльный; каждый киргизъ могъ кочевать, какъ вздумается, и пасты свой скотъ, гдѣ ему угодно и удобно, хотя привычка и соображенія практическаго удобства заставляли cadaго держаться какого-нибудь одного пути и становиться на лѣтовку на однихъ и тѣхъ-же урочищахъ: на своемъ обычномъ пути киргизъ доподлинно зналъ, гдѣ можно найти воду и удобное мѣсто для ночлега, гдѣ искать корма для своихъ стадъ; главное же—на этомъ пути онъ могъ всегда найти своихъ родовичей, а потому не чувствовалъ себя одинокимъ и безпомощнымъ среди необъятнаго степного простора.

Теперь совсѣмъ не то. Отчасти благодаря примѣру русскихъ, съ которыми киргизы приходили все въ болѣе близкое соприкосновеніе, главнымъ же образомъ подъ вліяніемъ прироста населенія и сокращенія прежняго безграничнаго земельного простора, киргизы понемногу стали заниматься земледѣліемъ и параллельно съ этимъ—переходить къ осѣдлому быту. У громаднаго большинства киргизъ сѣверныхъ областей—формы быта у сыръ-дарьинскихъ киргизъ пока совершенно иныя—теперь уже есть постоянныя зимнія жилища, зимовки, и при нихъ крытыя помѣщенія для скота; громадное большинство киргизъ косить сѣно на зиму, и все больше и больше распространяется среди нихъ зе-

мледѣліе. У большинства киргизъ это все пока—на зачаточной ступени: зимовки — жалкія землянки, напоминающія жилища троглодитовъ; скоть проводить зиму въ легкихъ шалапахъ, на зиму обкладываемыхъ дерномъ и снѣгомъ; сѣно косится только для дойныхъ кобылицъ и рогатаго скота; остальной скоть круглый годъ ходитъ на подножномъ корму, и только больныя и слабыя животныя кое-какъ подкармливаются сѣномъ; земледѣліе—ничтожные посѣвы проса на кое-какъ подарпанной допотопнымъ омачемъ землѣ. Но во многихъ мѣстностяхъ эволюція киргизскаго хозяйства ушла уже значительно дальше. Поѣзжайте хотя бы въ Актюбинскій уѣздъ, Тургайской области. Вдоль Илека вы увидите сплошную цѣпь киргизскихъ селеній, съ аккуратно сложенными саманными домами, съ такими-же, теплыми хлѣбами, и каждая киргизская усадьба окружена огромными стогами сѣна и ометами обмолоченной соломы. Сѣна каждый киргизъ въ этой мѣстности накашиваетъ тысячи пудовъ, и сотни тысячъ пудовъ проса и другого зерна продаются киргизами на ближайшихъ базарахъ. Параллельно измѣняется весь хозяйственный и домашній бытъ киргизъ: хлѣбъ, правда не печеный (киргизы еще не выучились печь хлѣба!) а въ видѣ похлебки или лепешекъ, становится предметомъ первой необходимости; кумысъ замѣняется айраномъ—кислымъ коровьимъ молокомъ, разбавленнымъ водою; въ обиходъ киргизъ все больше проникаютъ фабричныя матеріи, и гдѣ-нибудь по близости Уральска не рѣдкость увидѣть на киргизѣ русскую жилетку; среди киргизъ, особенно среди богатыхъ и вліятельныхъ, ужъ не мало такихъ, которые тяготеютъ верховою ѣздою, предпочитая ѣздить въ „ходкѣ“ или крытомъ тарантасѣ, а для перекочевокъ и для перевозки кладей, вмѣсто вьючныхъ верблюдовъ, употребляются арбы или телѣги, которыя запрягаютъ верблю-

дами или быками. И что особенно важно—совершенно измѣняется самый характеръ, такъ сказать размахъ перекочевокъ. Киргизъ, который косить сѣно и сѣять хлѣбъ, уже не можетъ откочевывать, какъ прежде, за сотни верстъ отъ своихъ зимовокъ, покосовъ и полей: въ апрѣлѣ онъ долженъ пахать и сѣять, въ концѣ іюня начинается покосъ, который затягивается до поздней осени, чередуясь съ уборкою хлѣба. Свободны отъ полевыхъ работъ какіе-нибудь два мѣсяца, которые киргизъ и проводитъ на ближайшихъ лѣтовкахъ, въ тридцати, много въ пятидесяти верстахъ отъ своей зимовки. Къ началу сѣнокоса киргизъ уже прикочевываетъ къ зимовкамъ и покосамъ,—и только у богатыхъ пастухи съ частью скота остаются на лѣтовкѣ, какъ прежде, до глубокой осени.

Попутно съ этимъ осѣданіемъ киргизъ идетъ постепенное освоеніе отдѣльныхъ участковъ степи, раньше составлявшей общее киргизское владѣніе. Исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ ауловъ, этихъ мельчайшихъ ячеекъ киргизскаго общежитія, а то и просто отдѣльныхъ семей, становятся прежде всего мѣста подъ зимовками и прилегающее къ нимъ пастбище—овечій тебень; затѣмъ—сѣнокосы, которыхъ сравнительно мало и которыми, поэтому, дорожатъ несравненно больше, нежели степными пастбищами и даже больше, чѣмъ землею, годною для распашки. Необъятная степь мало-по-малу испещряется множествомъ обособленныхъ усадебныхъ, пахатныхъ, покосныхъ владѣній,—и кочевать становится неудобно даже и по тѣмъ, все еще необъятнымъ пространствамъ, которыя продолжаютъ, пока, числиться общимъ достояніемъ. Чуть распустилъ табунъ—онъ забредетъ на чужую пашню или сѣнокосъ, а потому, вмѣсто прежней вольной пастбы, поневолѣ приходится держать скотъ подъ постояннымъ надзоромъ пастуховъ.

Адаевцы—одно изъ самыхъ многочисленныхъ киргизскихъ племень—послѣдніе могикиане стараго, чисто кочевого быта и хозяйства. Безъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ, они круглый годъ живутъ въ юртахъ или даже джуламейкахъ—небольшихъ двускатныхъ, войлочныхъ палаткахъ. Превосходные овцеводы и коневоды—адаевскія лошади на славѣ и въ Оренбургѣ, и въ Уральскѣ!—они еще не сѣютъ хлѣба и не косятъ сѣна, а потому, въ поискахъ подножнаго корма и воды, до сихъ поръ продолжаютъ совершать тысячеверстныя перекочевки: къ зимѣ—они уходятъ въ пески и камыши Аральскаго побережья и Закаспійской области, къ началу лѣта прикочевываютъ на ковыльные и полынные степи въ окрестности Уила и Темира. Здѣсь, на ярмаркахъ, они промѣниваютъ лишній скотъ и шерсть своихъ барановъ на тѣ немногіе покупные продукты, которые уже вошли въ кругъ ихъ несложнаго потребленія. Но съ каждымъ годомъ имъ все больше приходится сталкиваться съ новыми формами хозяйства и владѣнія землею: гдѣ еще недавно было общее пастбище,—тамъ, оказывается, выросла чья-нибудь зимовка, распахана пашня, поставлены стоги. Увѣренные въ своемъ исконномъ кочевомъ правѣ, адаевцы все-же разбиваютъ свои джуламейки, гдѣ лѣтовали ихъ дѣды и отцы; скотъ ихъ, не привыкшій къ стѣсненіямъ, разбредается во всѣ стороны, не разбирая ни пашенъ, ни покосовъ. Отсюда безконечныя потравы и непрерывныя распри, въ которыхъ всегда вооруженные, смѣлые, какъ истые кочевники, адаевцы не останавливаются и передъ насиліемъ, а ихъ полуосѣвшіе сородичи охотнѣе, нежели къ оружію, обращаются къ защитѣ „подлежащаго начальства“. И нетрудно предвидѣть, чѣмъ кончится эта борьба. И адаевцы осядутъ, какъ осѣли сѣверные киргизы; уже теперь они ходатайствуютъ объ отводѣ мѣстъ подъ зимовки,—и можетъ быть, черезъ немного

лѣтъ и они сдѣлаются такими-же полуосѣдлыми полужемледѣльцами, какими стали уже киргизы средней полосы Уральской и Тургайской области.

Изъ Темира—жалкаго степного поселенія съ десяткомъ чиновниковъ и нѣсколькими сотнями прочихъ жителей—я ѣду къ Мугоджарскимъ горамъ. Благодаря любезности путейскаго начальства, я попадаю въ рабочій поѣздъ строящейся Ташкентской желѣзной дороги, который и везетъ меня до станціи „Мугоджары“.

Если вы читатель, хотите выучиться терпѣнію, я совѣтую вамъ почаще ѣздить въ рабочихъ поѣздахъ строящихся желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь господинъ положенія—это балластный или матеріальный поѣздъ, подвозящій, куда нужно, шпалы или рельсы, водопроводныя трубы или мостовыя фермы. Вы неукоснительно пропускаете всѣ балластные и матеріальные поѣзда и ждете на станціяхъ, пока они выгружаются гдѣ-нибудь на серединѣ перегона; вашъ поѣздъ стоитъ на станціяхъ по шести, двѣнадцати, восемнадцати часовъ, и что самое скверное—вы никогда не знаете заранее, пойдетъ ли поѣздъ черезъ часъ или черезъ полсутокъ, а потому не можете даже развлечься болѣе продолжительною прогулкой.

Мы ѣдемъ въ единственномъ классномъ вагонѣ рабочаго поѣзда—прекрасномъ, особенно послѣ 600 верстъ на лошадяхъ—вагонѣ III класса, въ отдѣленіи, предназначенномъ, какъ гласитъ надпись, для построечной аристократіи: „для старшихъ агентовъ и подрядчиковъ“ строящейся дороги. Кромѣ насъ въ отдѣленіи помѣщаются и другія лица, не принадлежащія къ этому почтенному роду людей: офицеръ въ полицейской формѣ и два или три господина въ фуражкахъ съ гражданскими кокардами. Поѣздъ довольно быстро

мчится, энергично потряхивая по небалластированному пути. Изъ оконъ, по обѣимъ сторонамъ, видна все та же сѣро-желтая, слегка увалистая степь; какъ будто только больше сѣро-сизаго джусана и сѣро-бурой майкара, съ проглядывающею изъ-подъ нея бѣлесоватою почвой. Навстрѣчу поѣзда, по „временкѣ“, иногда попадаются верховые киргизы, по одиночкѣ или небольшими группами, но киргизы уже не въ жилеткахъ и низкихъ татарскихъ шапкахъ, какъ въ окрестностяхъ Уральска, а въ четырехугольныхъ остроконечныхъ шапочкахъ или ушастыхъ малахаяхъ, и въ пестрыхъ, яркихъ цвѣтовъ, бухарскихъ халатахъ. Поравнявшись съ поѣздомъ, киргизъ останавливается и провожаетъ глазами „шайтанъ-арбу“, а то заворачиваетъ лошадь и скачетъ нѣкоторое время въ перегонку съ „чортовою таратайкой“.

— Ишь, мерзавцы, бездѣльники—негодуетъ господинъ въ полицейской формѣ: нажрались кумысу въ гостяхъ и скачутъ, сволочь эдакая...

— Чѣмъ это они, Петръ Васильичъ, такъ васъ прогнѣвили?—недоумѣваетъ одинъ изъ господъ съ кокарами, какъ потомъ оказалось—врачъ: вѣдь это довольно невинное удовольствіе, немножко проскакать въ перегонку съ поѣздомъ; а вы кипятитесь, точно ни вѣсть что...

— Какъ чѣмъ-съ! — вспыхнулъ Петръ Васильевичъ.—Вы вотъ здѣсь вновь, не знаете, что за народъ: лѣнтыя, лодыри! Только у нихъ и дѣла, что кумысъ тянуть да въ гости ѣздить! Вы посмотрите только, какъ онъ, мерзавецъ, работаетъ: взмахнетъ раза два косою—и отдыхать! трава и достаивается до осени, а что въ ней тогда толку? все равно, что солома... Или пашни ихнія—вѣдь срамъ смотрѣть, какъ они землю ковыряютъ. Воры всѣ—поголовные: ни одного нѣтъ, кто бы

лошадь не украсть, если подвернется а кто не воруетъ, все равно—переводить краденыхъ лошадей...

— Ну, знаете ли, насчетъ воровства, пожалуй, что вы немного и того!.. Первое дѣло—вѣдь не всѣ же киргизы, въ самомъ дѣлѣ, конокрады или укрыватели; а потомъ, конокрадство—это вѣдь особь-статья. Киргизъ и сейчасъ душою кочевникъ; для него лошади—не только „живой инвентарь“, а спортъ, охота; увести лошадь—не постыдная кража, а проявленіе удали, память о вооруженной барантѣ; это—его излюбленная месть за всякую обиду и несправедливость. Возьмите у насъ голубиную охоту: какой завзятый голубятникъ постѣснится переманить чужого голубя? такъ и у киргиза насчетъ лошадей... Знаете ли,—продолжалъ господинъ съ кокардой,—я какъ-то разъ попалъ въ лечебницу для душевно-больныхъ въ Казани и видѣлъ тамъ одного киргиза—настоящая „бѣлая кость“; такъ знаете, какъ онъ всѣмъ рекомендуется? „я,—говорить,—внукъ султана Аблайхана и извѣстный конокрадъ“... Ну, а въ другомъ, пожалуй, не найдете народа честнѣе киргизъ. Вѣдь у нихъ въ юртахъ ничего не запирается: отлучается куда-нибудь семья—перевяжутъ поперекъ двери арканъ, и все тутъ: ни одинъ киргизъ не войдетъ въ юрту. У бѣднѣйшаго киргиза можете оставить тысячную сумму—ни копѣйки не пропадетъ. Вотъ, конечно, каравай хлѣба или конецъ веревки—это ужъ не оставляйте: больше не увидите!.. Или вотъ вы все твердите: лѣнтыи да лѣнтыи. А здѣшнему кочевнику-киргизу откуда было взять привычку пахать и косить? Вѣдь онъ и сейчасъ только балуется пашней, а давно ли еще и не косили? А возьмите на казачьей линіи: кто на казака работаетъ? все киргизъ; казакъ знай себѣ киргиза поругиваетъ: лѣнтыи, да лодырь, да орда нехрещионая,—а то и „тварью“ обзоветъ; а киргизъ ему и пашетъ, и коситъ, и молотитъ, и за скотомъ

ходить. Напротивъ, знаете ли, поражаться надо, какъ быстро они приучаются къ земледѣлю!..

— И очень жаль, что приучаются,—подхватилъ господинъ въ полицейской формѣ:—для киргиза земледѣліе—не благо, а зло-съ; не способствовать надо развитію земледѣлія, а всемѣрно препятствовать! Пока киргизы были скотоводами, ни недоимокъ не было, ни этихъ кормежекъ имъ не устраивали, какъ вотъ нашимъ мужичкамъ,—жили себѣ безбѣдно, а то и богато. А теперь вотъ, изволите-ли видѣть, новыя вѣянія пошли—земледѣліе насаждать, русскую культуру... Вѣдь съ развитіемъ земледѣлія скотоводство упадетъ, а сохраненіе киргизскаго скотоводства—дѣло общегосударственной важности-съ! Откуда теперь лошадей берутъ для оголодавшихъ мужиковъ? Откуда брать ремонтъ для кавалеріи? Все изъ киргизской степи-съ! А разведемъ земледѣліе—лошади киргизскія переведутся, въ урожай еще больше завалимъ рынки хлѣбомъ, а въ неурожай—пожалуйте продовольственныя ссуды-съ!..

— Ну, и это все тоже подъ большимъ сомнѣніемъ. Вы вотъ, Петръ Васильчъ, все съ волостными управителями возитесь да съ богатыми баями, такъ съ ихъ голоса—простите меня—и поете. Кто благоденствуетъ при кочевомъ быту? Вѣдь только богачъ со своими тысячными табунами; а бѣдняки—сами знаете, какъ они живутъ, чѣмъ питаются... хуже собаки! Знаете и то, что значитъ киргизская безнедоимочность: внесетъ богачъ впередъ за весь аулъ, а потомъ и выбираетъ съ бѣдноты, вдвойнѣ да втройнѣ. А главное—про куянжилы¹⁾

¹⁾ „Куянжилъ“—годъ зайца,—каждый 12-ый годъ по киргизскому лѣтосчисленію: приблизительно въ 12-лѣтніе промежутки времени повторяются страшныя безкормицы, особенно обостряемыя „джутомъ“—гололедицею и буранами; скотоводство въ такіе годы сокращается, въ общихъ итогахъ, на половину и болѣе, а затѣмъ постепенно восстанавливается до слѣдующаго „куянжила“.

забыли?... Хороша устоячивость хозяйства! придетъ куянь, настанетъ гололедица—и бывшій богачъ, если не поспѣлъ отогнать скоть куда-нибудь за тридевять земель, становится чуть не байгуномъ—у цѣлыхъ ауловъ скоть до-чиста вываливается... Вы вотъ, кажется, не служили въ уѣздахъ, гдѣ киргизы больше осѣли; а тамъ вамъ даже богачи не посмѣютъ сказать, что земледѣліе—зло для киргизъ. Каждый прямо скажетъ, что жить стало много лучше: прежде на одной ногѣ хозяйство стояло, а теперь на двухъ—скоть и запашка; и „куяна“ не бояться—на зиму сѣно есть, да солома. Вы вотъ говорите—гдѣ земледѣліе, тамъ киргизъ бѣднѣетъ; какъ разъ навыворотъ—гдѣ киргизъ бѣднѣе, тамъ онъ охотнѣе берется за земледѣліе. И понятно: богачу-то и раньше хорошо жилось! А у кого пара лошадей да двѣ или три рогатыхъ—тотъ какъ жилъ? только милостями богатыхъ; а милости эти ахъ какъ дорого доставались! А теперь—съ парой лошадей или быковъ онъ съ кѣмъ-нибудь спряжется, а старую землю и одинъ вспашетъ; запасся хлѣбомъ—и самъ себѣ хозяинъ.

Я не знаю, чѣмъ кончился споръ у моихъ случайныхъ попутчиковъ. На станціи Мугоджары я долженъ былъ сходить, чтобы верхомъ проѣхать немного въ горы, а потомъ посмотреть прилегающую степь. Горы по величинѣ игрушечныя—въ теченіе двухъ часовъ, верхами, мы взобрались на три вершины и перебрались черезъ четыре или пять переваловъ. Тѣмъ не менѣе, это настоящія горы: голыя скалы, поросшія лишаями самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ; лишь кое-гдѣ горная порода немного вывѣтрилась, и въ такихъ мѣстахъ до самаго верху всползаетъ тотъ самый ковыль и тѣ самыя полыни, которыя такъ наскучили намъ на ровной степи. Среди скалъ—множество глубоко врѣзавшихся извилистыхъ долинокъ, гдѣ какъ-то успѣлъ образоваться толстый слой наноснаго чернозема, съ прекраснымъ

травянымъ покровомъ, а кое-гдѣ и съ мелкою лѣсною порослью.

По одной изъ такихъ долинокъ выбираемся на слегка волнистую степь и скачемъ къ виднѣющимся вдали скаламъ, какъ бы оторвавшимся отъ Мугоджаровъ. Съ нами нѣсколько киргизъ, между ними полу-интеллигентный волостной управитель, окончившій не то учительскую, не то фельдшерскую школу.

Скакать приходится по неширокой долинка ручья Тасъ-Булакъ, т. е. „каменный ручей“—большая часть киргизскихъ названій мѣстностей не что иное, какъ описаніе ихъ характерныхъ признаковъ: „Ушь-Томаръ“—три болота, „Акъ-Тюбе“—бѣлая сопка, „Кара-Молла“—черная могила. Долина—сплошь роскошный лугъ. По всему лугу разсыпаны косящіе или гребущіе сѣно киргизы, а по окраинѣ долины, на небольшихъ интервалахъ, стоятъ зимовки—у каждаго киргиза среди освоеннаго имъ сѣнокоснаго участка.

Поднимаемся по отлогому увалу на слабо всхолмленную степь. Степь то суглинистая, съ джусаномъ и май-кара, то супесчаная, поросшая типчакомъ или рѣдкимъ ковылемъ. Кое-гдѣ, исключительно по супесчаной почвѣ, мѣстами чуть не на сыпучемъ пескѣ, небольшія полосы, засѣянные просомъ или брошенные въ залежъ, послѣ двухъ или трехъ посѣвовъ.

— Отчего это у васъ все по песку посѣвы? спрашиваетъ управителя мой товарищъ-агрономъ.—Вѣдь песокъ неплодородный, да и выгараетъ на немъ хлѣбъ сильнѣе, при здѣшнихъ жарахъ... Глинистая земля куда лучше!

— Глину вовсе пахать нельзя... У насъ считаютъ—гдѣ песокъ, тамъ пашня, а глину не годится пахать; да и какъ ее вспахать нашими омачами!.. Вотъ на глину зато корма хороши! больно хороши!

— Какіе же корма?—восклицаемъ мы.—Одна полынь!

— Помилуйте! какъ не корма? Вотъ посмотрите, майкара,—и нашъ управитель показалъ рукою на буроватую, рѣдкую полынь:—ее всякій скоть хорошо ѣсть, нагуливается.

— И лошади? — спрашиваемъ мы, привыкшіе къ тому, что лошадей можно кормить только самою лучшею травой.

— Лошади-то и ѣдятъ. А то вотъ кокъ-пекъ, чагырь—тоже всякій скоть хорошо кушаетъ. Вотъ посмотрите—это эбелекъ, указалъ управитель на сѣроватозеленныя шапки какого-то колючаго бурьяна:—адаевскія лошади какъ имъ отъѣдаются—лучше овса!

Я слѣзаю съ лошади, срываю пару такихъ шапокъ, которыя колютъ руки, и подношу своей лошади; лошадь, дѣйствительно, ѣсть съ величайшимъ аппетитомъ.

— Чортъ знаетъ что такое!—негодуешь товарищъ-агрономъ.—Вотъ тебѣ и наше ученіе о кормовыхъ средствахъ, когда у нихъ скоть всякую мерзость ѣсть! Недалеко тутъ съ нашей агрономіей уѣдешь!

Вотъ „гнилыя скалы“—Котуръ-тасъ. Точно остатки какихъ-то доисторическихъ укрѣпленій, выдаются невысокія гряды скалъ, образуя что-то въ родѣ правильнаго прямоугольника, отъ котораго во всѣ стороны отбѣгають каменные ребра, едва выдающіяся надъ поверхностью земли.

На Котуръ-тасѣ кипитъ жизнь: заготавливаютъ камень для желѣзной дороги, и нѣсколько артелей каменщиковъ-туляковъ разбили свои землянки у ручья, протекающаго у подножія скалы.

Мы останавливаемся у землянокъ—отдохнуть и утолить томящую жажду. Одинъ изъ каменщиковъ приносить изъ ручья холодной, кристально-чистой воды. Завязывается разговоръ—прежде всего, конечно, о ра-

ботѣ и заработкахъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, каменщики работаютъ задѣльно, на отрядѣ.

— А почему на день зарабатываете?

— Да рубля по два выйдетъ на брата.

— Два рубля!—воскликаетъ киргизскій управитель.— Вѣдь это шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ! чиновники въ Темирѣ меньше получаютъ жалованья...

— А прожить то чего стоитъ! Вѣдь здѣсь ничего не достать: за хлѣбъ отдай по четыре да по пяти копеекъ фунтъ, за барана—сколько вашъ братъ киргизъ заломить, столько и отдай. Половину заработка продаемъ! А работа то какая! киргизы вотъ возятъ камень, сколько зарабатываютъ,—а это дѣло легкое. А полома-ли бы себѣ горбы, камень тесать...

— А киргиза,—спрашиваю,—можно выучить камень тесать?

— Выучишь его! Лѣнивъ онъ—не станетъ, за двадцать верстъ убѣжить.

— А если бы захотѣлъ, можно бы его выучить?

— Какъ не можно! И медвѣдя учать! Вотъ, кабы заставляли его ренду платить, какъ нашего брата, по двадцати рублей за десятину, тутъ бы и камень тесать выучился. А сейчасъ чего ему—степь вольная, владай сколько хочешь...

Пока каменотесъ-тулякъ коротко и отчетливо объяснялъ, такимъ образомъ, формулу экономическаго прогресса, наши киргизы заинтересовались небольшимъ точильнымъ камнемъ, который между дѣломъ обдѣлалъ кто то изъ каменотесовъ. Одинъ изъ киргизъ нечаянно выплеснулъ на камень остатки воды, которую камень жадно впиталъ въ себя.

— Ой бо-о-о-ой!—воскликнулъ изумленный киргизъ... И всѣ киргизы, въ томъ числѣ и почти интеллигентный, выдавшій виды управитель, присѣли на корточки, вокругъ камня, и съ дѣтскимъ любопытствомъ, съ воз-

гласами „ой б6-о-ой“, подливали воду на камень, покачивая головами и изумляясь диковинному явленію...

IV.

Бродячая Русь.

Ковыльная степь съ рыхло-супесчаною, темнобурою почвой; кое гдѣ небольшія пятна, въ родѣ солонца—бѣлесоватая почва, едва прикрытая рѣдкою полынью. Мѣстами неширокія, безпорядочно раскиданныя полосы киргизскихъ пашенъ, съ выжженными засухою посѣвами проса, въ перемѣшку съ десятками верстъ цѣльной пастбищной степи, на которой въ это время не видно ни киргизъ, ни киргизскихъ стадъ. Затѣмъ, картина сразу измѣняется: по обѣ стороны дороги, на нѣсколько верстъ, тянутся сплошныя пашни, уже не узкими полосками, а широкими „холстами“ или „стеклами“; просо теряется въ сплошномъ морѣ пшеницы-кубанки, которая мало пострадала даже отъ одолѣвшей край засухи.

— Киргизскія пашни? — спрашиваемъ ѣдущаго съ нами волостного управителя.

— Нѣтъ, русскія; въ арендѣ земля у мужиковъ.

— Самую лучшую, видно, землю имъ сдали, что хлѣбъ такой хорошій?

— Земля, пожалуй, не лучше, а только они съ осени пахали подъ перегаръ, да рано весной сѣяли,—вотъ хлѣбъ у нихъ и взялъ силу до большихъ жаровъ. А наши киргизы поздно посѣяли,—хлѣбъ и посохъ.

Вотъ Джиренькупинскій базаръ: большой каменный волостной домъ, довольно обширная базарная площадь, а въ сторонѣ—русскій самовольный поселокъ,

возникшій лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и съ тѣхъ поръ, съ непреклонною вѣрой въ конечный успѣхъ, добывающійся земельного надѣла. Сначала этихъ самовольцевъ было всего-то четырнадцать семей—все больше мелкіе торговцы, которые ютились около базара и скромно арендовали у мѣстнаго аульнаго общества нѣсколько десятковъ десятинъ пахатной степи. Къ 1895 году набралось уже до полусотни семей, опять-таки всякаго сброда, собравшагося со всѣхъ концовъ русской земли,—и они уже начинаютъ ходатайствовать объ отводѣ имъ, распоряженіемъ правительства, земельного надѣла. Имъ отказываютъ; киргизы, которымъ наскучили постоянныя распри и которые были бы рады избавиться отъ непрощенныхъ гостей, рѣшительно отказываются сдавать имъ землю въ аренду,—тѣмъ не менѣе поселенцы сидятъ и посеишь, и поселокъ разросся уже чуть не до трехсотъ домовъ. Мѣстное начальство не перестаетъ внушать крестьянамъ, что они не могутъ рассчитывать на отводъ земельного надѣла. Но поселенцы—живые, при томъ русскіе люди; имъ нельзя дать подохнуть съ голоду,—и то же начальство, поневолѣ, всякими мѣрами склоняетъ киргизъ сдавать переселенцамъ, хотя бы на одинъ посѣвъ, необходимую имъ землю. Это—исторія десятковъ, если не сотенъ русскихъ самовольныхъ поселеній, раскинувшихся то поодиночкѣ, то группами, по всей сѣверной полосѣ киргизскихъ степей. Въ Акмолинской и Тургайской области переселенцы, въ концѣ концовъ, добились своего: имъ отвели или отводятъ земельные надѣлы, вырѣзывая для этого „излишнія“ земли изъ владѣнія киргизъ, и русская колонизація вошла въ болѣе или менѣе правильное русло. Не подлежитъ сомнѣнію, что то же будетъ и въ Уральской области, и что Джиренъ-купъ изъ киргизскаго базара, рано или поздно, сдѣлается большимъ русскимъ поселеніемъ.

Омывъ съ себя дорожную пыль и грязь, отправляемся

бродить по базарной площади. Вотъ рядъ то войлочныхъ, то досчатыхъ лавокъ, одна—съ лукомъ и огурцами, другая—съ паласами (ковры безъ ворса) и кошмою, третья—съ дегтемъ, четвертая—съ просомъ и мукою, а въ концѣ—небольшой щепной рядъ съ оглоблями, колесами, осями и всякою лѣсною мелочью. По широкой улицѣ, между лавокъ, бродятъ джиренькупинскіе поселенцы-крестьяне въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о сбродномъ характерѣ населенія, и казаки-оренбуржцы изъ ближайшихъ станицъ, въ фуражкахъ съ синими околышами; киргизы, верхами, то подѣзжаютъ къ лавкамъ, купить какую нибудь мелочь, то стоятъ посреди улицы живописными группами и оживленно разговариваютъ, обмѣниваясь новостями. Нѣсколько въ сторонѣ скотскій базаръ—неогороженная площадь, гдѣ такіе же киргизы, крестьяне и казаки продаютъ или покупаютъ кто лошадь, кто корову, жестоко торгуясь и сопровождая торгъ безконечными рукобיתьями. И надъ всѣмъ этимъ жесточайшая пыль, покрывающая все сѣроватымъ налетомъ.

— Какъ у васъ нонѣче хлѣба?—спрашиваю я, подходя къ небольшой группѣ крестьянъ.

— Да разное, ваше почтеніе. Вотъ старожители, тѣ во-время посѣяли—у нихъ ничего хлѣба, можетъ видали по дорогѣ?..

— Какіе это старожители?

— А сорокъ семь семей. У нихъ вотъ ужъ седьмой годъ пятьсотъ десятинъ въ арендѣ; они, значить, во-время и спалили, и посѣяли. Ну, а насъ новенькихъ-то, семей до двухсотъ; намъ киргизцы вовсе не хотѣли земли сдавать. Спасибо уѣздному—самъ на ихній сходъ пріѣзжалъ, насилу уломалъ; да и то, только на годъ согласились сдать триста десятинъ—по полторы, значить десятины на брата. Всю осень этакъ мы съ ними

пробились,—пахать, значить, пришлось весной, посѣвъ запоздалъ, ну, хлѣбъ безъ-мала что весь и пропалъ... Только которые частно землю укупили у киргизца, да во время спалили, у тѣхъ и хлѣбъ есть.

— Ну, а потомъ что будете дѣлать?

— Да что Господь дастъ, ваше почтеніе. Киргизцы уходить велятъ; опять же и начальство объясняетъ, чтобы уходили,—надѣла, молъ, не будетъ. Видно придется намъ на другое мѣсто идти, гдѣ правительство земли отводить.

А глаза моего собесѣдника такъ лукаво поблескиваютъ изъ-подъ густыхъ бровей...

— А можетъ и милость отъ начальства выйдетъ,—вмѣшивается въ разговоръ другой крестьянинъ, раньше молчавшій:—они, вѣдь, что? нехристи, орда, а мы царскіе, въ солдатахъ служимъ, тяготы несемъ; не миновать того, что намъ землю отведутъ; храмъ тоже Божій построили, неужто киргизцамъ оставлять?!

— А много васъ здѣсь сидитъ?

— Да не сочтешь настояще; которые приходятъ, а которые и поуходилили—позорились вовсе: когда засуха ударить—не родится хлѣбъ; когда сусликъ повредить, аль кобылка; а когда и такъ случится, что сдадутъ киргизцы землю—частно, значить, потому по приговорамъ они не стали сдавать,—а потомъ и назадъ отберутъ.

— А глянется вамъ,—спрашиваю,—здѣшнее мѣсто?

— Чего тутъ глянется—худое вовсе мѣсто:—глина да солонецъ! вотъ который годъ сидимъ, а хлѣба настоящаго не видали. Какое здѣсь житье! вотъ только тѣмъ и живешь, что около базара кой-чего промыслишь, а то кладь какую свезешь, кой-что заработаешь.

— Зачѣмъ же вы здѣсь сидите, хлопчете о надѣлѣ, когда мѣсто такое худое? Шли бы въ Кустанайскій уѣздъ, гдѣ землю отводятъ!

— Да и поразошлись которые! Сколько народу на чугунокъ живетъ—зарабатываютъ. А которымъ все-таки жалко: землянки поскладали, какія ни на есть, опять-же храмъ Божій...

Подхожу къ другой небольшой группѣ поселенцевъ. Опять тѣ-же вопросы: давно ли живутъ, какой хлѣбъ, какіе урожаи.

— Да не похвалишь больно здѣшнія мѣста! Слабый грунтъ: два раза кубанку посѣешь,—на третій годъ она ужъ и не поднимается: приходится русскую пшеницу сѣять, а на четвертый годъ развѣ ужъ только рожь родится¹⁾. Вотъ для проса—ужъ чего говорить!—хороша земля: по три года кряду падалица родится, по сту пудовъ даетъ, а то и больше.

— А пшеница?

— Да въ добрый годъ сотню пудовъ дастъ съ сороговой десятины, а то и сто двадцать.

— И чего ты зря говоришь! вмѣшиваются другіе крестьяне, прислушивавшіеся къ нашему разговору:—ты что-ль, Петруха, по сту пудовъ намолачивалъ? Вотъ люди по десятку лѣтъ живутъ, а все голодаютъ, по сороку десятинъ которые сѣютъ, а все хлѣба нѣтъ! Тридцать да сорокъ пудовъ—вотъ здѣшніе урожаи, да и то въ добрый годъ!..

— Оно конечно,—начинаетъ выпутываться сконфуженный Петруха, сообразившій, что попалъ не въ тотъ тонъ, котораго слѣдовало держаться съ наѣзжимъ, невѣдомо по какимъ дѣламъ, бариномъ: земля здѣсь, извѣстно, жидкая, слабая; вотъ у казаковъ—у тѣхъ земля! и урожаи у нихъ не нашинскіе!

— Ладно, рассказывай,—вмѣшивается стоящій тутъ-

¹⁾ Такіе четыре посѣва подрядъ, безъ унаваживанія и даже безъ пара, возможны, конечно, лишь при большемъ плодородіи почвы. *Авт.*

же синій околышъ: грунтъ одинъ, да еще здѣсь свѣжая земля, вѣковѣчная, а у насъ на линіи ужъ сколько ее, матушку, ковыряютъ!

Проходятъ мимо киргизъ и крестьянинъ, оживленно разговаривающіе по-киргизски.

— Всѣ у васъ по киргизски говорятъ?

— Всѣ-то не всѣ: изъ стариковъ мало которые выучились, а молодежничекъ, пожалуй, и всѣ говорятъ по ихнему. Нельзя—живемъ съ ними, какъ не говорить... Кунаки тоже у которыхъ есть—они на это охочи; придетъ—сейчасъ давай ему чаю, кренделей. Ну, вѣстимо, и самъ угостить, коли къ нему пріѣдешь,—просты они на этотъ счетъ: и барана зарѣжетъ! Можно съ ними жить-то! Конечно, сдася онъ тебѣ землю, ну, тутъ ужъ отъ него не отдѣлаешься: то тѣмъ угости, то того дай; а не угодишь—отниметъ землю, и нѣтъ на него управы, потому частно мы у нихъ арендуемъ, безъ бумаги. Ну, конечно, и мы тоже: заплатишь ему за пять десятинъ или за десять,—а кто ихъ мѣрилъ, десятины-то! Вотъ только сейчасъ опасаться стали: землю молъ подъ поселоки отнимутъ; ну, и наровятъ—какъ бы насъ выжить...

Еще группа крестьянъ, какого-то неопредѣленнаго обличья—не то хохлы, не то великороссы: оказывается—нѣчто среднее: переселенцы-куряне, успѣвшіе пожить и „на донщинѣ“, и „на самарѣ“, и на „господскомъ“ участкѣ въ Оренбургскомъ войскѣ. Опять тѣ же разговоры: земля, урожай, храмъ Божій, надежды на милость начальства. Одинъ изъ разговаривающихъ не перестаетъ въ меня внимательно всматриваться.

—Ровно, ваше благородіе, я васъ ужъ видалъ,—говоритъ онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ—вы въ Боровскомъ поселкѣ, подъ Кустанаемъ, бывали?

—Бывалъ,—отвѣчаю я: дѣйствительно, семь лѣтъ тому назадъ я объѣзжалъ поселки Кустанайскаго уѣзда, изучая земельныя отношенія русскихъ поселенцевъ.

— Ну, вотъ, стариковъ вы звали, про землю спрашивали,—и я тутъ былъ, рассказывалъ.

— Такъ ты и въ Боровскомъ поселкѣ тоже успѣлъ пожить,—изумляется мой товарищъ по поѣздкѣ, ранѣе уже выслушавшій длинное повѣствованіе о скитаніяхъ нашего собесѣдника.—Когда это ты успѣлъ?!

— Да вѣдь мнѣ, ваше благородіе, шестой десятокъ доходить, а съ отцовщины-то меня еще дѣдъ увелъ, махонькій я былъ. Я еще и въ Кустанаѣ жилъ, въ вольномъ городѣ ¹⁾—изъ первыхъ жителей былъ, какъ начальство накликъ дѣлало, Кустанай населять.

— Чтѣ же, хорошо было въ вольномъ городѣ?

— Больно хорошо!.. Народу первое время мало было, киргизы вовсе были просты, землю задаромъ отдавали: почтующеши его немножко, дашь ему тамъ зеркальце или что нибудь такое, — онъ земли безъ мѣры отведетъ: паши сколько хошь. Выгонъ тоже городской пахали—первые года онъ недѣленный былъ; у кого сколько силы было, столько и запахивалъ. Ну, опять же и воля была: начальства никакого не было; изъ писарей только какой-то былъ, Ивановымъ звали; мы его въ старосты выбрали, онъ у насъ всѣми дѣлами и правилъ. Потомъ ужъ стали начальство присылать: судья пріѣхалъ, изъ киргизцевъ, потомъ лѣсничій, уѣздный сталъ наѣзжать,—ну, тоже, и на нихъ по началу мало глядѣли. Какъ что съ киргизцами выйдетъ—сейчасъ въ дреколья, аль тамъ чего. Народъ тоже всякій былъ: съ каторги которые попали, бѣглеы значить. Киргизцы то, какъ стали споры насчетъ земли выходить, къ лошадямъ нашимъ

¹⁾ Кустанай — нынѣ уѣздный городъ Тургайской области, въ 300 верстахъ южнѣ Челябинска. Городъ возникъ въ 1878 году, по иниціативѣ мѣстной администраціи, и сдѣлался центромъ самовольной русской колонизаціи сѣверной Тургайской степи. Исторію его см. въ моей книгѣ «Переселенцы-арендаторы Тургайской области», Спб., 1896.

стали подбираться: какъ на межѣ чего выйдетъ — глядишь, лошадей десятка аль полуторыхъ какъ не бывало. Ну, наши тоже спуску не давали: на кого подумаютъ—безъ суда вѣшали, да въ колодцахъ топили; которыхъ, ужъ правду сказать, пожалуй и занапрасно. Трехъ киргизцевъ у судьи въ оградѣ убили—самъ едва живой ушелъ: ты, молъ, самъ изъ орды, конокрадовъ укрываешь... Лѣсъ рубить въ Арѣ ¹⁾, бывало, по сотнѣ подводъ заразъ выѣзжало—полѣщикъ и подступиться не смѣлъ; развѣ на какого одинокого нападетъ, опишетъ. Лѣсничій пріѣхалъ, сталъ лѣсъ продавать,—а народъ на него: гдѣ, молъ, у тебя царская золотая грамота?! Хорошо—судья подѣхалъ, улестилъ народъ, а то бы и лѣсничаго, пожалуй, порѣшили... а пока судъ да дѣло—лѣсъ то весь по дворамъ растащили; такъ лѣсничій ни съ чѣмъ остался. На уѣзднаго разъ насѣли—за попомъ послалъ, тотъ съ иконой вышелъ; насилу угомонился народъ!.. Ну потомъ ужъ того не стало: казаковъ въ Кустанаѣ поставили, уѣздный на жительство перешелъ. Ну, тоже не сразу смирились: только съ голоднаго году—вотъ тому десятокъ лѣтъ былъ, аль поболѣ—присмирѣли: поразбредились тоже которые: кто на Ишимъ ушелъ—знаете небось, подъ Кочетовомъ ²⁾ городомъ—тамъ нашихъ мно-ого; кто въ Ташкентъ, кто въ поселки да на хутора—безъ мала что половина народу поразбѣжалась...

— И ты въ то время ушелъ изъ Кустанаѣ?..

— Нѣтъ, я то пораньше, годовъ за пять: шесть лѣтъ я прожилъ въ Кустанаѣ. Утѣсненіе стало, городскую землю всю повыпахали, хлѣбъ не сталъ родиться; ну, которые у киргизцевъ покортостили землю,—а я такъ себя расположилъ, что лучше въ деревнѣ жить. Въ тѣ поры

¹⁾ Аракарагайскій боръ, недалеко отъ Кустанаѣ.

²⁾ Кокчетавъ, Акмолинской обл.—одно изъ переселенческихъ эльдorado.

Игнатій Семеновъ—можетъ припомните, ваше благородіе, онъ тоже къ вамъ приходилъ, какъ вы народъ опрашивали,—сталъ народъ собирать на Боровое озеро. Ну, я домъ свой продалъ—хорошій барышъ взялъ, потому въ то время народу еще много приходило въ Кустанай,—да и перешелъ на Боровое.

— Ну, что же?

— Да ничего—годовъ десятокъ прожилъ. По началу общество то маленькое было. Я какъ пришелъ, домовъ десятка три засталъ, съ пяткомъ, пожалуй. Ладовъ тоже большихъ не было: по началу то, сказываютъ, тихо было, смирно: наши, пока въ умаленьѣ были, киргизцевъ не трогали, аренду платили, да и киргизцы нашимъ тоже уважали. Много народу не хотѣли киргизы пускать: себѣ, молъ, земля нужна. А потомъ изъ Кустаная Худяковы перешли—пять семей ихъ было разомъ, пятьдесятъ рублей за пріемъ заплатили; киргизцы то, какъ такія деньги увидѣли, ровно сбѣсились; кто придетъ—переночевать не даютъ—дѣньга, молъ, надо; кто переночуетъ — утромъ ужъ приходятъ: давай деньги, не то ступай вонъ. Которые изъ нихъ поумнѣй, пытали унимать прочихъ, а они хоть бы что: „земля—говорять,—много, сдавай больше“. Опять же и Игнатій Семеновъ своею волею тоже принимать сталъ народъ: ни общества не спрашивалъ, ни киргизцевъ, а такъ, самовольно: могоарыча возьметъ, тамъ пятерку или десятку, глядя по состоянію, да и пишетъ въ списокъ; въ два года эдакъ за сто семей напринимали. Ну, тутъ ужъ киргизцы видятъ—дѣло плохо, большое село стало, да и наши тоже имъ спуска давать не стали. Почали киргизцы насъ выживать: озеро купцу Поспѣлову сдали—тотъ насъ и водой сталъ тѣснить, и моху не сталъ давать, аль рыбки половить; спасибо уѣздному — Поспѣлова прогналъ и озеро намъ велѣлъ сдать. Пришелъ срокъ нашимъ усадьбамъ — у насъ подъ усадьбы мѣ-

сто на десять лѣтъ было окортомлено, отъ общества ихняго; киргизцы говорятъ: не станемъ больше вамъ сдавать, ступайте себѣ куда хотите. Ну, опять уѣздный выѣзжалъ: сходъ ихній собралъ, и такъ ихъ, и этакъ—и кричалъ на нихъ, и добромъ говорилъ — ну, сдали опять мѣсто подъ поселокъ да подъ выгонъ. А сейчасъ, сказываютъ, имъ ужъ и настоящая нарѣзка вышла —землемѣры пріѣзжали, года два ходили.

— Ну, а ты-то что же?

— Да я, баринъ, не сталъ жить: тоже, какъ земля повыпахалась, изъ Борового много народу поразошлось: кто на Ишимъ же ушелъ, кто по ауламъ сталъ жить у киргизъ, исполу пахать, кто подъ хуторъ окортомилъ землю. Ну, я тоже пошелъ,—на Аулькеулъ озерѣ года два пожилъ.

— Это что за озеро?

— А за Арами, по Тургайской дорогѣ. Школа тамъ волостная была, киргизцы подъ нее землю отвели. Ну, крестьяне про это спознали и стали проситься на жительство. Пошли къ инспектору, который насчетъ училищъ, — а тотъ говоритъ: „проситесь у губернатора“. Сождали губернатора, какъ онъ ѣхалъ,—стали прошеніе подавать. А тотъ имъ: „ладно, — говоритъ, мнѣ что, — селитесь, коли инспекторъ дозволить; а только, — говоритъ,—насчетъ земли сходите съ киргизцами по согласію; надѣла, молъ, вамъ не будетъ“. Ну, мы опять къ инспектору,—тотъ бумагу далъ къ учителю,—учитель и мѣста отвелъ подъ усадьбы, на самой межѣ участка. По началу туговато пришлось: хлопотали насчетъ выгону да полевой земли—къ уѣздному начальнику прошенія подавали; губернаторъ проѣзжалъ, — ему подавали,—ничего не выходитъ: „я,—говоритъ,—жить вамъ дозволилъ на участкѣ, ежели глянется, а насчетъ земли ничего не могу—земля киргизская“. А киргизцы земли не сдаютъ; мы ихъ и такъ и этакъ—не даютъ приговора

на землю, да и только: не хотимъ, молъ, а то у насъ землю подъ поселокъ возьмутъ. Такъ и жили — кто частно сниметъ, сколько ему надо, кто изъ третьей части съ киргизцами пашетъ. А дождались таки своего: въ третьемъ годѣ и туды землемѣръ пріѣхалъ, надѣлъ сталъ отводить. Только не ладно какво то отвелъ: пашня далеко, покоса нѣтъ, къ самому поселку казенный лѣсъ подошелъ, — я и не сталъ тамъ жить: прошелъ слухъ про Жиренькупу, продалъ я домашность, да и пошелъ сюда...

— А много здѣсь, въ Джирень-купѣ, кустанайцевъ?

— Есть которые—со всего свѣту здѣсь народъ сошелся. Вонъ мужичокъ стоитъ—тотъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ жилъ, на Новоуральскомъ хуторѣ.

— А родомъ ты откуда,—обратился я къ указанному мнѣ, довольно молодому, здоровенному мужику въ красной кумачной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ.

— Отецъ то Тульской губерніи былъ. А я—ужъ на хуторѣ родился, въ Уфимской губерніи: башкирскій участокъ наши отцы купили, да хутора построили. Только не пожилось имъ тамъ: пока земля была непаханая — хорошо родился хлѣбъ; а какъ повыпахалась — хоть сѣй, хоть нѣтъ. Продали землю и пошли по арендамъ жить: кто у башкиръ же покормомилъ землю, а кто — офицерскіе участки; мой вотъ родитель—онъ не больно справный былъ, такъ пошелъ на линію, у казаковъ землю снималъ, въ Орскомъ уѣздѣ. Пожилъ годовъ съ десятокъ — тоже житья не стало, станичники прижимать начали; и за усадьбу подай, и за скотину, и за водопой, и за то, и за другое, а подъ конецъ отъ ихняго начальства приказъ вышелъ: вовсе не сдавать земли иногороднимъ. Поглядѣлъ мой родитель, да и пошелъ жить въ Новоуральскій хуторъ.

— Какъ же онъ туда попалъ?

— А ходатель сговорилъ. Отецъ то, какъ выжили

его изъ станицы, съ мѣсяцъ въ Орскомъ городѣ прожилъ — мѣсто призывсквалъ. Ну, еще съ однимъ мужичкомъ они сговорились, да и высмотрѣли мѣсто на киргизской землѣ. Киргизцы—тѣ ничего: живите, молъ, земли у насъ достаточно. Восемь кибитокъ ихъ было. Сдѣлали наши условіе: поселку; быть не больше пятнадцати домовъ, подъ жилье да огороды мѣсто на самомъ Уралѣ, подъ хлѣбопашество — сколько нужно; плата—двѣсти рублей въ годъ. Написали условіе—къ уѣздному пошли дозволенія просить. Да не тутъ то было: „ты, — говоритъ, — мнѣ приговоръ отъ аульнаго схода подай, а то я почемъ знаю, кто вамъ землю отдалъ—можетъ, и не его земля“. Собрали сходъ—день шесть поили и кормили выборныхъ, подарки имъ давали—безъ мала полтысячи рублей приговоръ сталъ.

— Чтò же, набрали пятнадцать дворовъ.

— Какое тебѣ пятнадцать!.. одинъ за однимъ — за полсотни набралось. Много изъ за этого спору было въ обществѣ: условіе-то съ киргизцами на шестерыхъ хозяевъ было писано — они и принимали новенькихъ; а прочимъ обидно — зачѣмъ молъ эти шестеро пріемными деньгами да магарычами пользуются, — ренду, молъ, всѣ собчѣ платимъ. До уѣзднаго доходило—тотъ велѣлъ деньги промежъ всѣхъ дѣлить. Съ киргизцами тоже много было дѣловъ. Какъ отъ нашихъ они деньги получили за первый годъ — не подѣлили какъ то промежъ себя, пошли у нихъ споры да тяжбы, — до того дѣло дошло, что аулъ на двое раздѣлился. А въ поселкѣ какъ набралось много народу—земли то, которую первоначатія окормили, и не хватило. Стали киргизовъ улещать — чтобъ еще земли сдали; четверо киргизцевъ согласились, а четверо—нѣтъ. Бились-бились—нѣтъ промежъ ихъ согласія. Подѣлили киргизцы землю напополамъ—четверо свою землю намъ отдали, а Берестанъ Баймуратовъ да еще трое такъ и не сдали; а

земля то ихняя подь самый поселокъ подошла; потравы тутъ всякія пошли, Берестанъ съ прошеніями до губернатора доходилъ: наши у нихъ скотъ загоняють, они у нашихъ посѣвы травятъ; ну, побились, побились, да и пошли прочь — отецъ мой, значитъ, да еще которые. Потомъ слыхать, у нихъ и суды были, и бои выходили — не дай Богъ...

— А вы чтò же, прямо сюда?

— Нѣтъ, еще на хуторѣ пожили годовъ пятокъ, за Актюбой; Каргала есть рѣчка — больно хороши мѣста!.. Впятеромъ сняли землю у киргизцевъ. Ну, тутъ спокойно жили, хорошо: товарищи собрались спокойные, хорошіе. Киргизцы тоже смиренныя попались, земля — отдай все и мало.

— Что же вы не остались жить?

— Да отъ начальства запрещеніе вышло: мы то, какъ контрактъ отошелъ, ладили было оставаться; условіе написали, аульный сходъ угостили — все честь-честью. Пошли къ уѣздному начальнику, — анъ-нѣтъ: новые, говоритъ, порядки вышли: землю арендовать отъ волостного схода. Посудили мы — порядили, потолковали съ тѣмъ да съ другимъ — выходить несходное дѣло: волостному управителю дай, да писарю дай, всѣмъ выборнымъ по пятеркѣ, да угощать ихъ, а киргизы, чья земля, тоже несогласны: „наша, — говорятъ, — земля, не позволимъ волостному сходу нашу землю сдавать“. Побились-побились, да и ушли...

V.

По средне-азіатской дорогѣ.

У хорошенькаго, ослѣпительно бѣлѣющаго на яркомъ южномъ солнцѣ Красноводскаго вокзала, съ его вычурными восточными узорами и граціозными полуарками,

стоитъ готовый къ отправкѣ пассажирскій поѣздъ; вагоны выкрашены въ бѣлую или блѣдно-желтую краску, чтобы не такъ поглощать солнечные лучи. Съ высоко приподнятаго перрона чудный видъ на изумрудно-зеленую Красноводскую бухту, съ ея пристанями и съ нагружающимися и разгружающимися пароходами. По другую сторону вокзала городской садъ—довольно большая, чѣмъ то огороженная площадь, засаженная чахлыми, выжженными солнцемъ, едва достигающими человѣческаго роста, деревцами какихъ то неизвѣстныхъ мнѣ породъ, а кругомъ, въ видѣ амфитеатра, расположенъ городъ: одноэтажные, ярко-бѣлые или блѣдно-голубые домики съ плоскими азіатскими крышами, окруженный полукругомъ невысокихъ, лишенныхъ всякой растительности горъ.

— Скучно у насъ,—разсказывалъ мнѣ еще на пароходѣ одинъ красноводскій служащій обыватель, — да жить можно: все-таки у насъ тысячъ до двѣнадцати жителей; развлеченія кой-какія есть—въ клубъ можно пойти, въ картишки перекинуться; пароходы каждый день изъ Баку приходятъ—пойдешь на пароходъ, позавтракаешь, водки выпьешь, на людей посмотришь. Насчетъ провизіи тоже ничего: своей-то провизіи, положимъ нѣтъ, кромѣ баранины, да вотъ еще раки въ бухтѣ водятся, но все привозятъ на пароходахъ—голодомъ не сидимъ. Вотъ насчетъ воды, дѣйствительно, слабо: опрѣснитель только теперь достроили,—а то никакой воды не было, кромѣ кяризовъ. Вы посмотрите только, какъ у насъ голо—безъ воды ничего не разведете...

Первый звонокъ. Публика стремглавъ бросается въ вагоны; второклассные и первоклассные пассажиры осаждаютъ начальника станціи разными основательными и неосновательными претензіями: второклассный пассажиръ не желаетъ сидѣть въ купѣ, куда „затесались“

сарты, и требуетъ на этомъ основаніи, чтобы его перевели въ первый классъ; первоклассные пассажиры прибѣгаютъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы остаться вдвое (а хорошо бы и одному!) въ четырехмѣстномъ купѣ; начальникъ станціи мечется, чтобы поудобнѣе устроить въ первомъ классѣ многочисленную семью какого-то средней руки желѣзнодорожнаго служащаго, съ безконечными кулками, корзиночками и самоваромъ, и, не успѣвъ въ этомъ, приказываетъ прицѣпить лишній вагонъ.

Наконецъ, суматоха затихаетъ. Третій звонокъ, поѣздъ трогается. Публика начинаетъ облегчать свою одежду: дамы облакаются въ тончайшіе капоты, дѣти остаются въ рубашкахъ и передникахъ. Потъ со всѣхъ катится градомъ.

— Помилуйте, тридцать три градуса въ вагонѣ—это что-жъ такое!—жалуется пассажиръ, первый разъ попавшій въ Среднюю Азію.

— Это, батенька, чтò,—утѣшаетъ его другой, мѣстный: вѣдь ужъ августъ мѣсяцъ, какія теперь жары! Вотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ вагонахъ чуть не до сорока доходило—это въ самомъ дѣлѣ плохо было! Въ то время вѣдь и ночью градусовъ тридцать стояло, а теперь ночью, вотъ увидите,—совсѣмъ прохладно.

— Двадцать два года живу въ краѣ,—слышу разговоръ въ другомъ концѣ поѣздного клуба, вагона столовой, а не могу къ этимъ проклятымъ жарамъ привыкнуть! Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе! Просто не живу все лѣто, а страдаю...

Поѣздъ, однако, отошелъ отъ Красноводска и идетъ сначала, нѣсколько станцій кряду, вдоль самого берега Каспійскаго моря. Голая, сѣровато-бурая пустыня, съ изрѣдка-сидящими, то бурыми, то сѣрыми, то ярко-зелеными шапками „колючки“—двухъ-трехъ видовъ не то бурьяна, не то кустарника, которые только одни и

могутъ выносить нестерпимый зной и лѣтнее безводье этой пустыни.

Станціи—маленькіе бѣленькіе домики; около нихъ—ни травинки, не говоря уже о традиціонныхъ станціонныхъ садикахъ и огородахъ. Во всѣ стороны, кряду отъ станціи, все та-же бурая, унылая пустыня. На станціяхъ ни души, кромѣ очередныхъ станціонныхъ служащихъ. На одной станціи пробую напиться чаю—нѣтъ возможности пить мутную, солоновато-горькую бурду...

На первой же станціи, потомъ на другихъ, нашъ поѣздъ скрещивается съ „водянкой“; это—поѣзда изъ однихъ платформъ съ громадными водяными баками, или изъ употребляемыхъ подъ перевозку воды нефтяныхъ цистернъ. И красноводская, и всѣ ближайшія къ ней станціи не имѣютъ своей воды, и получаютъ водусо станціи Джебель, въ 125 верстахъ отъ Красноводска...

Джебель проѣзжаемъ уже поздно вечеромъ. Я успѣваю однако замѣтить, что станція окружена довольно большимъ садомъ, что по платформѣ движутся какія-то высокія фигуры въ черныхъ, мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, что третьеклассная публика несетъ къ себѣ въ вагоны кто бутылку молока, кто каравай хлѣба, кто арбузы или дыню.

Гдѣ вода, тамъ и жизнь!..

Мало воды, мало и жизни, до самаго Асхабада. Мѣстность до послѣдней степени однообразна: ровная, плоская степь или пустыня, только не бурая, какъ около Красноводска, а сѣровато-желтая, то усѣянная тоже рѣдкими шапками разнообразной „колючки“, съ ея удивительными влагосберегающими и затѣняющими приспособленіями, то покрытая блѣдно-желтымъ ковромъ какой-то мелкой и тощей, совершенно высохшей травки. Параллельно желѣзной дорогѣ тянется невысокая, также совершенно голая, покрытая безконечными складами, горная цѣпь Копетъ-дага.

На этой пустынь не видно никакихъ признаковъ жизни и культуры, и только изрѣдка въ окнѣ вагона мелькаетъ одинокій тощій верблюдъ, уныло подбирающій бурю колючку, или показывается всадникъ въ мохнатой бараньей шапкѣ, потихоньку пробирающійся, невѣдомо куда. Однако, кое-гдѣ начинаютъ попадаться какія то развалины, мѣстами еще сохранившія очертанія саклей или оградъ, мѣстами превратившіяся въ простыя кучи глины; вокругъ каждой такой развалины степь изрѣзана слѣдами дѣйствовавшихъ когда-то оросительныхъ канавокъ, и гдѣ нибудь по близости, непременно, вьется высохшее ложе горнаго ручья. Что это? слѣды бывшихъ войнъ и междоусобій, или просто высохла вода въ ручьѣ, а съ нею изсякла и жизнь?!¹⁾

Вотъ, однако, начинается попадаться и живая жизнь: здѣсь нѣсколько рослыхъ человѣческихъ фигуръ, точно вылитыхъ изъ темной бронзы, въ однихъ широкихъ штанахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ, углубляютъ и расчищаютъ сухое ложе оросительной канавки. Тамъ, около самаго полотна дороги, разбросано нѣсколько квадратиковъ темно-зеленой люцерны или рослой джугары²⁾. Тутъ, подъ желѣзнодорожнымъ мостикомъ, протекаетъ небольшая канавка съ оросительною водой, и гдѣ нибудь поодаль виднѣется питаемый этою канавкой туркменскій кишлачекъ — свѣтло-сѣрыя глинобитныя стѣны, свѣтло-сѣрые глинобитные домики, съ плоскими или куполообразными крышами, окруженные темною зеленью садовъ и блѣдно-зелеными или желтыми, мелко-разбитыми квадратиками полей. На поляхъ копошатся рослыя фигуры туркменъ, всѣ въ тѣхъ-же

¹⁾ По мнѣнію покойнаго академика Коржинскаго, обиліе развалинъ въ этой мѣстности — слѣдствіе именно недостатка воды, заставившаго бросить многія ранѣе разрабатывавшіяся земли и перенести аулы на другія мѣста.

²⁾ Мѣстное названіе сорго.

огромныхъ бараньихъ шапкахъ; кто полуголы, кой въ короткой, темной, неподпоясанной рубахѣ съ пестрыми разводами; незанятые работой — въ буровато-красныхъ, съ черными полосками, халатахъ бухарскаго фасона.

Это начинается такъ недавно покоренный Ахаль-Текинскій оазисъ. Сѣро-желтая почва той безплодной равнины, которую дорога прорѣзываетъ почти отъ самаго Красноводска, — это знаменитый среднеазиатскій лёсъ, ожидающій только орошенія, чтобы изъ безотрадной пустыни превратиться въ хлопковое поле или роскошный фруктовый садъ. Когда нибудь человѣкъ добудетъ эту воду, и тогда закаспійскія пустыни, съ ихъ плодороднымъ лёсомъ и горячимъ солнцемъ, будутъ кормить сотни тысячъ, если не миллионы, новаго населенія. Но пока въ распоряженіи туземцевъ — только немногіе мелкіе ручьи, стекающіе съ Копетъ-дага, и потому небольшіе аулы и незначительныя площади посѣвовъ, почти до самаго Асхабада, теряются среди необъятной пустыни.

А вотъ и памятникъ недавняго завоеванія: около станціи Геокъ-Тепе — развалины туркменской крѣпости, прославившейся мѣсячною геройскою защитой, съ ея высокими, чуть что не отвѣсными лёссовыми стѣнами. Внутри крѣпости — братская могила безвѣстныхъ героев-солдатъ, павшихъ при штурмѣ, а у входа въ крѣпость, въ полусотнѣ шаговъ отъ станціи, небольшое, хорошенькое зданіе „военно-историческаго музея“, съ разными реминисценціями текинскаго похода. Чуть не весь поѣздъ — офицеры, текинцы, дамы, персіяне, гимназисты — устремляется въ музей; я иду вслѣдъ за другими.

Музей — какъ всѣ военно-патріотическіе музеи; самый интересный экспонатъ — карты, принадлежавшія Скобелеву и, повидимому, бывшія съ нимъ во время текинскаго похода: нѣсколько картъ знаменитыхъ осадъ, съ пространными критическими примѣчаніями покойнаго

полководца, и небольшая, тоже съ его помѣтками, карта театра войны. Карта эта — не русскаго, а англійскаго изданія.

Отъ Геокъ-Тепе къ Асхабаду—уже сплошной оазисъ: непрерывая цѣпь кишлаковъ или ауловъ, потонувшихъ въ зелени пирамидальныхъ тополей или развѣсистыхъ карагачей; около глинобитныхъ саклей разбросаны камышевые юрты, въ которыхъ проводятъ лѣто туркмены, хоть и осѣвшие, но не забывшіе еще кочевыхъ традицій. Вокругъ—обширныя поля, изрѣзанныя арыками и, какъ и вездѣ, разбитыя на маленькія клѣтки; однѣ изъ этихъ клѣтокъ только что политы подъ какой то посѣвъ, на другихъ стоитъ лѣсомъ джугара или стелется арбузная ботва, на третьихъ разставлены высокія кучи уже обмолоченной и измельченной соломы — самана, а около этихъ кучъ текинцы, въ бараньихъ шапкахъ, молотятъ хлѣбъ, гоняя по нѣскольку запряженныхъ въ рядъ быковъ или лошадей.

— Славный народъ, — говоритъ попутчикъ, старый туркестанскій офицеръ, выглядывая изъ окна столоваго вагона:—посмотрите, какіе здоровенные, молодецъ къ молодцу; и настоящіе труженики, не то, что персюки или сартишки.

— Сартовъ то вы напрасно обижаете,—возражаетъ другой пассажиръ, статскій: вѣрно по городскимъ сартамъ судите... ну тѣ конечно, больше наровятъ надуть или смошенничать. А кишлачный сартъ, земледѣлецъ,—такой же труженикъ, какъ и туркменъ.

— А скажите, — вмѣшивается въ разговоръ третій пассажиръ, впервые ѣдущій въ край: война съ ними—развѣ она была серьезная? Вотъ въ музеѣ я видѣлъ ихъ самопалы да единственную пушку — развѣ это оружіе?!

— Оружіе то, конечно, неважное. А какъ они имъ владѣютъ! туркменъ ни одного выстрѣла даромъ не

пустить! Потомъ — у нихъ вѣдь и англійское оружіе было, почище нашего. А главное — сами то настоящіе герои, чудные всадники. Нѣтъ, это, знаете ли, противникъ былъ настоящій, не то, что, вотъ, въ 1900 году китайцы! За тѣхъ то и Георгія получать какъ то неловко было, а текинскій Георгій — это въ самомъ дѣлѣ Георгій... Да и сейчасъ то: вы не глядите, что они на видъ такіе смиренные! или вотъ тоже сартишки: кулдукъ дѣлаешь, руки къ брюху прижимаетъ, а выведите отсюда одинъ корпусъ — они вамъ покажутъ!..

И страна, дѣйствительно, на военномъ положеніи. На станціяхъ кишмя кишатъ солдаты всѣхъ родовъ оружія, въ бѣлыхъ рубахахъ и характерныхъ красныхъ шароварахъ изъ туземной замши, какія читатель, вѣроятно, помнитъ по туркестанскимъ картинамъ Верещагина. На каждой станціи въ нашъ поѣздной клубъ заходятъ пѣхотные, казачьи, желѣзнодорожные, пограничные офицеры, требуютъ водки или пива и разговариваютъ объ окладахъ, лагерныхъ сборахъ и производствахъ.

Скоро за Асхабадомъ оазисъ опять смѣняется безводною степью: тотъ же желтоватый лёссъ, покрытый, большею частью, блѣдно-желтою рѣденькою травкой. Раннею весною эта степь покрыта сплошь зеленою травой, густо усѣянною всевозможными цвѣтами; но въ какой нибудь мѣсяць это все выгораетъ до тла, и на степи не остается ничего, кромѣ приспособившейся къ засухѣ „колючки“ и пожелтѣвшихъ метелочекъ высохшей травы. Мѣстами лёссовая степь прерывается неширокими полосками песковъ. Эти песчанья полоски не только не выдѣляются особеннымъ бесплодіемъ — напротивъ, онѣ покрыты лучшею растительностью и болѣе цѣнны для населенія, нежели неорошенный лёссъ: на пескахъ растутъ высокіе, кудрявые кусты саксаула, который даетъ столь драгоцѣнное здѣсь топливо и матеріаль

для обжига на уголь; на нихъ даже косятъ мелкую травку; наконецъ въ пескахъ всегда близко подпочвенная вода, и зимою пески—излюбленные стойбища кочевниковъ... Но пески въ этомъ видѣ—это спящій звѣрь, который не опасенъ, пока его не раздражили...

А отъ Мерва до Чарджуя, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, вы видите проснушагося, разнuzданнаго звѣря: дорога сплошь идетъ сыпучими песками, которые за ночь покрываютъ васъ, черезъ открытое окно вагона, густымъ слоемъ тончайшей пыли. И эти пески не вездѣ голы: и здѣсь попадаются то единичные экземпляры, то негустыя заросли саксаула или джиды. Но гдѣ человѣкъ уничтожилъ эти заросли, которыя когда то скрѣпляли песокъ своими вѣтвистыми корнями, тамъ на версты и на десятки верстъ тянутся зловѣщіе, темножелтые барханы: пустыня сплошь какъ бы покрыта длинными, темно-желтыми песчаными волнами, круто обрывающимися къ югу и отлого спускающимися къ сѣверу, откуда дуютъ господствующіе вѣтры. Поверхность каждой такой волны испещрена мелкою рябью, какую читатель, конечно, видѣлъ на песчаныхъ отмеляхъ на Волгѣ или на дюнахъ Балтійскаго побережья. И чуть легкій вѣтерокъ — все это море песку начинаетъ точно дымиться; песокъ потихоньку пересыпается по вѣтру, барханы медленно плывутъ одинъ за другимъ, въ направленіи господствующаго вѣтра, занося и полотно желѣзной дороги, и культурныя земли прилегающихъ къ барханамъ оазисовъ.

Человѣкъ много сдѣлалъ въ Туркестанѣ, чтобы оживить мертвую природу. Но онъ много сдѣлалъ и для того, чтобы разнuzдать тѣ губительныя силы, которыя ранѣе сдерживались ея мудрою распорядительностью. Онъ вырубилъ саксаулъ, чтобы пережечь его на уголь, и тѣмъ привелъ въ движеніе сыпучіе пески. Онъ уничто-

жилъ въ горахъ заросли фисташки и арчі¹⁾, скрѣплявшія своими корнями почвенный покровъ, вытравилъ травяной коверъ, задерживавшій атмосферную влагу и регулировавшій ея стокъ, и этимъ вызвалъ обвалы и бурные „силевые“ потоки, которые весною низвергаются съ горъ, не только тратя безъ пользы для культуры драгоцѣнную воду, но затопляя и занося камнемъ обработанныя земли и размывая оросительныя сооруженія. И десятки, а то и сотни лѣтъ пройдутъ, пока, съ громадными затратами, онъ вновь засадитъ лѣсомъ и зароститъ травой горы и пески и исправитъ послѣдствія своего былого легкомыслія.

Вотъ и Чарджуй, и около него—небольшой оазисъ, уже не съ туркменскимъ, а съ сартовскимъ или узбекскимъ населеніемъ. Въ общемъ видѣ селеній и полей вы не замѣчаете особой разницы — развѣ только немного больше стремленія къ изяществу въ постройкахъ и къ соблюденію нѣкотораго стиля: глухія стѣны, окружающія каждую усадьбу, прерываются небольшими башенками или пилястрами съ куполообразною верхушкой, вызывающими отдаленное представленіе о чудныхъ самаркандскихъ мечетяхъ и могилѣ Тамерлана. Какъ будто больше и стремленія къ комфорту: гдѣ линія проходитъ по окраинѣ кишлака или прорѣзываетъ его посрединѣ, вы видите около усадебъ небольшіе прудики съ напускною арычною водою; у каждого такого прудика—небольшая, аккуратно разровненная площадка, окруженная густо насаженными тѣнистыми деревьями и уложенная камышевыми циновками или дешевыми коврами; на нихъ въ жаркіе часы дня кейфуетъ сартъ, въ тѣни и сравнительной прохладѣ. Что то вродѣ стремленія къ изяществу мнѣ чудится и въ одеждѣ: болѣе яркіе цвѣта, и какъ

¹⁾ Арча—горный можжевельникъ.

будто нѣкоторая гармонія между господствующимъ тономъ пестраго верхняго халата и цвѣтомъ всеобщаго здѣсь головного убора—чалмы; головного убора, который служить вмѣстѣ съ тѣмъ и полотенцемъ, а при нуждѣ замѣняетъ веревку или ремень для увязки небольшого багажа.

За громаднымъ двухверстнымъ Чарджуйскимъ мостомъ—увы, Дарья мѣняетъ русло и собирается обойти это миллионное сооруженіе,—подъ которымъ протекають свѣтло-шоколадныя, отъ массы увлекаемыхъ теченіемъ частицъ взвѣшеннаго лёсса, воды Аму-Дарьи, дорога идетъ бухарскими владѣніями.

— За-границу выѣхали!—острить кто-то изъ пассажировъ въ поѣздной столовой.

— Какъ не за-границу!—отзывается другой, только что покупавшій фрукты:—посмотрите, и деньги не наши.

Всѣ начинаютъ разсматривать грубо отчеканенныя серебряныя „теньги“, величиною приблизительно съ нашъ пятиалтынный.

— По курсу онѣ до сихъ поръ ходили, — говоритъ пассажиръ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ: когда по 16, а когда и по 18 коп., а сейчасъ наше начальство установило постоянный курсъ. Бывало, наѣдутъ наши купцы въ Бухару хлопокъ закупать — безъ денегъ обойтись нельзя, бухарцы и поднимаютъ курсъ на 18 коп. На каждомъ рублѣ мы этакъ копѣекъ десять переплачивали, а то и двѣнадцать.

— Бывальъ я на монетномъ дворѣ у нихъ, — рассказываетъ третій пассажиръ: курьезно! обнесенъ цѣпами, и кто тѣда попалъ въ рабочіе, тотъ ужъ до самой смерти за эту цѣпь не выйдетъ. По тридцати лѣтъ иные безвыходно сидятъ...

— Это ужъ во восточному!—воскликаетъ кто то изъ пассажировъ.

— Ну, у нихъ еще много по восточному!.. Вѣдь бу-

харець богатый ни за что денегъ въ Бухарѣ держать не станеть,—все равно какъ въ Персіи; все у насъ въ банкахъ держать. Изъ-за этого у насъ и сторонниковъ такъ много въ ханствахъ, особенно среди состоятельнаго класса; хотя и гяуры мы, хоть и невѣсть какой у насъ „правовой порядокъ“, а все-таки за нами жить спокойнѣе, имущество обезпеченнѣе.

Отъ Бухары до самаго Самарканда дорога идетъ по окраинѣ прославившейся своимъ плодородіемъ Зеравшанской долины. Желѣзный путь то врѣзывается въ оазисъ, то идетъ по его окраинѣ, то выходитъ на голую, неорошаемую степь, и только издали виднѣются, сплошною темнозеленою полосой, высокіе пирамидальныя тополя, кудрявыя ивы и карагачи разведенныхъ вокругъ усадебъ и по арыкамъ насаждений. Воды здѣсь много больше, чѣмъ въ асхабадскомъ районѣ. Кишлаки, поэтому, сидятъ вплотную одинъ къ другому, усадьбы съ ихъ глинобитными стѣнами и куполообразными крышами располагаются гораздо гуще, а культурныя земли, разбитыя на мелкіе правильные квадратики, тянутся сплошною широкою полосой. И вся эта жизнь, и въ бухарскихъ, и въ нашихъ предѣлахъ, питается водой одного большого арыка, который выведенъ изъ Зеравшана, неподалеку отъ Самарканда.

— И войскъ намъ не надо, чтобы Бухару держать въ покорности,—говорить кто-то изъ пассажировъ: запри мы воду—и Бухара хоть пропадай съ голоду...

На поляхъ Зеравшанскаго района уже почти не видно ни кучъ обмолоченнаго самана, ни пшеничныхъ жнивьевъ, которыхъ такъ много въ Асхабадскомъ оазисѣ. Чаше всего, въ перемежку съ рослою джугарой, мѣстами вдвое превышающею человѣческій ростъ, съ темною зеленью люцерны, усѣянною фіолетовыми

цвѣточками, и съ полузатопленными полями риса, попадаются поля, не слишкомъ густо засаженные низенькими, раскидистыми кустиками хлопка, съ его желтовато-бѣлыми или розоватыми цвѣточками. Зеравшанская долина—одинъ изъ главныхъ хлопковыхъ и рисовыхъ районовъ края; подъ интенсивныя культуры занята почти вся площадь поливныхъ земель, а пшеница отгѣснена на неорошаемые предгорья, гдѣ производятся, на рискъ случайно выпадающаго дождя, такъ называемые богарные посѣвы.

Присматриваясь къ аккуратно разбитымъ сартовскимъ полямъ, густо-обсаженнымъ разными южными деревьями, и къ сартамъ, копошащимся какъ муравьи, я переношусь мыслью въ другія, отдаленныя страны. Общая картина Зеравшанской долины удивительно напоминаетъ мнѣ сѣверную Италію, гдѣ, точно также, мелкія полосы полей чередуются съ аллеями и куртинками насаженнаго лѣса. А сарты и ихъ культура вызываютъ во мнѣ воспоминаніе о культурѣ китайцевъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Какъ и уссурійскіе китайцы, сарты работаютъ самыми примитивными орудіями; мѣстный плугъ, по туземному омачъ,—какая-то деревянная рогулька съ небольшимъ желѣзнымъ наконечникомъ, вызывающая снисходительное презрѣніе нашихъ агрономовъ, и кетмень—универсальное орудіе, состоящее изъ почти круглаго желѣзнаго диска, насаженнаго перпендикулярно, однимъ краемъ, на длинную деревянную ручку,—вотъ и весь мертвый инвентарь сартовскаго хозяйства. А между тѣмъ, благодаря неусыпному труду—сартъ, какъ и китаецъ, труда своего не жалѣетъ и не считаетъ,—благодаря тысячелѣтнему приспособленію къ требованіямъ климата и почвы, сартъ, какъ и уссурійскій китаецъ, поставилъ свое хозяйство на такую высоту, что мы пока только учимся у него, только перенимаемъ понемногу и его

технику орошенія, и его приемы обработки орошаемой земли. И все это—при полномъ отсутствіи самыхъ азбучныхъ теоретическихъ представленій и при болѣе нежели элементарныхъ техническихъ приемахъ. Взять хоть такую вещь, какъ ирригація—дѣло, которое требуетъ, по нашимъ понятіямъ, серьезныхъ специальныхъ знаній и сложныхъ техническихъ приемовъ. Такъ вотъ вамъ, читатель, технические приемы сарта: чтобы опредѣлить уклонъ проводимой канавы (для этого мы съ вами дѣлаемъ инструментальную нивелировку!), сартъ... просто копаетъ канаву и смотритъ, какъ по ней бѣжитъ вода; а то поступаетъ такъ: ложится на землю, лицомъ вверхъ, и смотритъ, видны ли ему, при этомъ, собственные носки; видны—значитъ уклона нѣтъ, и чтобы найти уклонъ, онъ поворачивается вокругъ своей собственной головы, пока носки не уйдутъ ниже его поля зрѣнія. А вотъ образецъ его теоретическихъ представленій. Арыки сартовъ чрезвычайно извилисты; почему? А потому, что вода не любитъ идти въ арыкъ — она знаетъ, что ее зовутъ работать на чело-вѣка; чтобы вода пошла, надо обмануть ее,—а для этого и дѣлаютъ арыкъ извилистымъ, какъ русло рѣки. Правда, ученые инженеры не безъ основанія указываютъ на множество дефектовъ туземной оросительной системы: частые прорывы водоприемныхъ сооружений, вызывающіе огромныя затраты труда на ихъ возстановленіе, и, что еще хуже, оставляющіе поля, на мѣсяцы, безъ орошенія; неправильность уклоновъ, обуславливающую при чрезмѣрности уклона—зарываніе арыка и невозможность вывести воду на поля, при недостаточности его—заплываніе арыка и заболачиваніе полей; отсутствіе спусковъ для отработанной воды, являющееся, особенно при рисовыхъ посѣвахъ, одною изъ главныхъ причинъ развитія въ краѣ маляріи. Но... все-таки туземцы оросили милліоны десятинъ и пре-

вратили ихъ изъ голой пустыни въ цвѣтушіе сады; все-таки ихъ главные арыки стоятъ со временъ Тамерлана, а то и гораздо дольше. А мы все еще разрабатываемъ проекты многомилліонныхъ сооруженій...

Между тѣмъ, мы минуемъ все новыя хлопковые плантаціи и рисовыя поля, все новыя кишлаки, все съ тѣми же глинобитными оградами и кубической формы саклями. Вотъ поѣздъ проходитъ самую серединой кишлака—рядъ лавокъ съ дынями и чай-ханэ—харчевень или чайныхъ. Подъ легкими навѣсами, на крытыхъ циновками деревянныхъ нарахъ или земляныхъ платформахъ сидятъ, поджавши ноги, сарты въ чалмахъ и попиваютъ чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ или деревянныхъ чашекъ: а ишаки ихъ—туркестанскаго осла даже русскіе не зовутъ осломъ,—съ ихъ добродушными мордами и длинными ушами, и тощія лошади, запряженныя въ тяжеловѣсныя, съ огромными колесами, арбы, подѣдаютъ свѣжесрѣзанную люцерну.

— Много ли сарту нужно!—говоритъ попутчикъ, мѣстный обыватель: — лепешка, дыня, а главное побольше чаю. Чайникъ—три копѣйки; выпьетъ свой—къ другимъ подсядетъ, сказки рассказываетъ и чай пьетъ. Пока у него есть рубль ужъ онъ къ вамъ не пойдетъ работать,—и не зовите! Да и надоѣдливы! Наймется къ вамъ за полтинникъ въ день, заплатили ему—давай „силяу“; надо дать пятачокъ; потомъ—нѣтъ ли „сакаръ“, нѣтъ ли „клѣбъ“—не отдѣлаешься!.. Ну, надо сказать, все-таки порядочный народъ! Не любятъ, вѣдь, они насъ, въ краѣ насъ горсточка, а ѣдешь себѣ куда угодно одинъ, оставь у нихъ, что хочешь—ничего не пропадетъ. Ну, тоже и ихъ „цивилизациа“ трогаетъ! Я вотъ двадцать пять лѣтъ въ краѣ; прежде бывало туземной женщины ни за какія деньги не достанешь, а теперь въ одномъ Самаркандѣ чуть не сто сартовскихъ

„домовъ“!.. Сплошь и рядомъ въ одномъ „домѣ“ мать живетъ съ дочерью. За четвертной билетъ каждый сартъ родную дочь продастъ...

Поѣздъ проносится мимо небольшого прудика — „кауза“, съ мутною, свѣтло-сѣрою, арычною водою; у кауза сидитъ сартъ на корточкахъ и пьетъ изъ пригоршни мутную воду.

— Вотъ она, малярія то!—воскликаетъ попутчикъ.— И какъ они, подлецы, всѣ не передохнуть!.. Вѣдь знаете, у нихъ какое повѣрье: протеклавода три сажени—значить чистая; въ арыкѣ грязное бѣлье стираютъ, или промываютъ бараньи кишки, а тутъ же, десять шаговъ ниже по арыку, сырую воду пьютъ!..

Вотъ, около самой станціи, маленькій караванъ-сарай. Передъ чай-ханою, на цыновкахъ, сидятъ на корточкахъ фигуры въ бѣлыхъ чалмахъ и необыкновенно яркихъ и пестрыхъ, видимо шелковыхъ, халатахъ. Возлѣ стоятъ вѣсы и въ безпорядкѣ валяется нѣсколько кипъ сырого хлопка.

Я вопросительно смотрю на попутчика.

— Скупщики, хлопокъ-сырецъ скупаютъ. Сарту гдѣ же его везти въ городъ! Ну, эти вотъ господа авансовъ отъ фирмъ возьмутъ—кто три, кто пять тысячъ, ѣздятъ по киплакамъ и покупаютъ. Наживаютъ ловко: платятъ по рублю восьми гривенъ, а сдаютъ по два съ полтиной,—за какой-нибудь мѣсяцъ семь гривенъ на пудъ и нажилъ... Да это бы еще ничего. А худо вотъ что: деньги то они все больше впередъ даютъ подъ хлопокъ,—ну, тутъ ужъ сорокъ да шестьдесятъ процентовъ берутъ, кромѣ скидки на цѣнѣ. Запутаютъ бѣднаго сарта, а потомъ и землю у него отберутъ за безцѣнокъ...

— А много,—спрашиваю,—у нихъ земель уходитъ такимъ образомъ?

— Порядочно!

— А кто покупаетъ?

— Да коммерсанты все больше—русскіе, армяне, изъ сартовъ тоже есть. И за безцѣнокъ же скупаютъ! Вотъ у насъ, подѣ Самаркандомъ: сарту не на что засадить землю,—онъ и продаетъ по 30—40, а то и по двадцать рублей за танапъ ¹⁾, съ правомъ на поливную воду. А танапъ въ хорошій годъ дастъ восемьдесятъ батмановъ ²⁾ винограду; считайте батманъ по два съ полтиной—вотъ вамъ и 200 рублей валового дохода. Да теперь еще что! Вотъ погодите—пройдетъ дорога на Оренбургъ—тогда отсюда все въ ходъ пойдетъ, однихъ фруктовъ что повалить! Тогда земля еще не такъ изъ рукъ туземцевъ поплыветъ!.. Они, вѣдь, на этотъ счетъ просты...

Вотъ, наконецъ, и Ташкентскій оазисъ. На первый взглядъ все то же, что и въ Зеравшанскомъ. Но присматриваясь внимательнѣе, замѣчаете и нѣкоторыя особенности: гораздо больше древесныхъ насаждений, то въ видѣ ивовыхъ или тополевыхъ аллей, вдоль арыковъ и дорогъ, то въ видѣ небольшихъ, невѣроятно густыхъ рощицъ на усадьбахъ. На поляхъ особенно много хлопка и риса. Множество полей, занятыхъ подѣ огородную культуру, причемъ растенія, чтобы лучше использовать поливную воду, посажены у самыхъ краевъ и по откосамъ грядъ. Много полевыхъ квадратиковъ, сплошь заросшихъ густымъ, въ два человѣческихъ роста, камышомъ; попадаютъ и совершенно заболоченныя площади. Незначительныя у самой линіи желѣзной дороги, такія болота, образовавшіяся насчетъ излишковъ оросительной воды, занимаютъ сотни тысячъ десятинъ въ низовьяхъ Чирчика и Ахангарена, являясь главнымъ очагомъ маляріи для Ташкента и его окрестностей. Словомъ, вездѣ ясныя признаки избытка оросительной воды: въ изобиліи за-

¹⁾ Туземная мѣра, немного болѣе $\frac{4}{3}$ десятины.

²⁾ Батманъ—около 9—10 пудовъ.

ходя изъ Чирчика въ магистральные каналы, вода не используется сполна существующею культурой, а застаивается на низкихъ мѣстахъ, образуетъ болота, и такимъ образомъ, будучи источникомъ жизни въ краѣ, она дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ смерти; малярія обезлюдила уже не мало кишлаковъ, а въ одной сартовской волости за одинъ только годъ унесла 36/100 населенія!

Нѣсколько измѣняется подѣ Ташкентомъ и типъ населенія: преобладаютъ, правда, здѣсь тоже сарты, почему-то, однако, не въ чалмахъ, а въ однѣхъ только красиво расшитыхъ тюбетейкахъ. Но чѣмъ ближе къ Ташкенту, тѣмъ больше виднѣется своеобразныхъ сѣрыхъ войлочныхъ треуховъ, какъ носили во Франціи въ эпоху Людовика XI... Это—киргизы, которые на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Ташкента составляютъ главную массу населенія. Въ окрестностяхъ Ташкента они уже совершенно осѣдлы и ведутъ поливное хозяйство, почти не отличающееся отъ хозяйства сартовъ и другихъ осѣдлыхъ туземцевъ края.

VI.

Новый и старый Ташкентъ.

Случалось ли кому-нибудь изъ васъ, читатель, бывать въ городахъ нашего европейскаго и азіатскаго востока, въ родѣ Оренбурга, Омска, Красноярска, Благовѣщенска? Если бывали, то вы, конечно, представляете себѣ, какую безотрадную картину должны являть собою русскіе города Туркестана, заброшенные среди выжженныхъ солнцемъ средне-азіатскихъ пустынь!.. Но представленіе

ваше, читатель, окажется, если вы попадете въ Среднюю Азію, *не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительностью*. Та же вода, которая разноситъ жизнь по всему краю, которая превратила въ густонаселенные, цвѣтущіе оазисы голыя когда-то пустыни,—эта же вода, взятая изъ сооруженнаго туземцами, чуть ли не при Тамерланѣ, арыка, до неузнаваемости измѣнила фیزیомію русскаго города. Попадъ въ Ташкентъ, вы съ изумленіемъ видите себя среди сплошнаго, чисто итальянскаго сада, въ густой зелени котораго тонуть одноэтажные, по большей части аккуратны и не безъ вкуса выстроенные, свѣтло-окрашенные каменные домики. Вечеромъ даже старожилъ не легко оріентируется въ городѣ: при слабомъ, поглощаемомъ густою листвою, свѣтѣ керосиновыхъ фонарей, едва мерцающихъ среди темной южной ночи, всѣ улицы похожи одна на другую: это все—широкія, прямыя, по большей части шоссированныя (впрочемъ, плохо шоссированныя!) аллеи, и по обѣимъ сторонамъ каждой изъ нихъ, питаеь водою изъ пробѣгающихъ тутъ же небольшихъ арычковъ, высятся густо посаженные, въ два ряда, деревья. И что за деревья!.. Гигантскіе пирамидальныя тополя, айланты, съ ихъ громадными перовидными листьями и кистями желтовато-бѣлыхъ или красныхъ сѣмянныхъ крылатокъ, абрикось, шелковица, развѣсистый чинаръ или платанъ, кое-гдѣ туйя, адамово дерево съ остроконечными большими листьями и длинными, узкими стручками, и удивительные карагачи, съ ихъ густою яйцевидною кроной, не оставляющею никакого просвѣта для палящихъ солнечныхъ лучей... И благодаря постоянному поливу, при горячемъ средне-азіатскомъ солнцѣ и благодатной лёссовой почвѣ, деревья достигаютъ прямо-таки необыкновеннаго роста: тополь въ пять-шесть лѣтъ вырастаетъ на полную высоту; деревья 25 или 30-лѣтняго возраста имѣютъ десять, двѣнадцать вершковъ, а

то и аршинъ въ поперечникѣ. При каждомъ домѣ—садъ, съ тою же чудною растительностью; нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ садовъ,—словомъ, читатель, нигдѣ въ Россіи вы не найдете, въ большомъ городѣ, такого изобилія зелени и такой массы тѣнистой — слишкомъ тѣнистой!—прохлады.

Но тѣ же самыя небольшія канавки, расположенныя по обѣ стороны каждой улицы и забѣгающія во все двory,—канавки, которыя всюду разносятъ жизнь со своею весело журчащею, слегка мутною водою,—эти канавки, вмѣстѣ съ жизнью, всюду разносятъ и малярію. Малярія—это властительница думъ русскихъ жителей Ташкента, и куда вы ни зайдете, начиная отъ просторныхъ, тонущихъ въ дивномъ саду, генералъ-губернаторскихъ палатъ и кончая скромною квартирою мелкаго чиновника или торговца,—вездѣ вы непремѣнно услышите разговоры о маляріи и почти вездѣ увидите больныхъ этою скверною болѣзнію. И малярія, дѣйствительно, носится здѣсь въ воздухѣ: благодаря массѣ воды и тѣни, жара во время дня—не такая жгучая, какъ на открытой неорошенной степи, но зато тяжелая и душная, а вечеромъ, среди самаго жаркаго лѣта, чувствуется пронизывающая сырость.

Ташкентъ—по преимуществу городъ военныхъ и чиновниковъ, административный центръ обширной окраины, до сихъ поръ еще состоящей на военномъ положеніи. На каждой улицѣ—вывѣски штабовъ, управленій и канцелярій: на каждомъ шагу кокарды офицеровъ и чиновниковъ и красныя шаровары солдатъ. Магазиновъ и лавокъ въ русскомъ городѣ очень мало, и все они обслуживаютъ того же офицера или чиновника. Только въ самые послѣдніе годы среднеазіатская дорога соединила Ташкентъ съ Россіею, и то—очень длиннымъ и кружнымъ путемъ; строится Оренбургско-Ташкентская желѣзная дорога, обѣщающая открыть край настезь

для нашествія капитала, и уже теперь ташкентскій районъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ туркестанскаго хлопководства. Всѣ эти новыя явленія общають сдѣлать русскій Ташкентъ важнымъ промышленнымъ или, по крайней мѣрѣ, торговымъ пунктомъ. Но это—въ будущемъ, а пока постройка желѣзныхъ дорогъ и хлопковая горячка отразились только крайнею дороговизною жизни...

— Жить просто нельзя стало въ Ташкентѣ,—жалуется мѣстный служащій обыватель:—цѣны на квартиры—выше петербургскихъ; пять комнатъ, положимъ большихъ, но никакихъ удобствъ—пожалуйте 900, а то и 1.200 рублей; прежде, бывало, за три тысячи можно было домъ построить, мѣста отдавали по двадцати копеекъ за сажень, а теперь не угодно ли заплатить за сажень 25—30 рублей, а на бойкихъ мѣстахъ и того больше. За лучшія дрова платили рубля по три; а теперь за таловыя отдайте по семи, и горять какъ трутъ; а фруктовыя дрова ¹⁾—по десяти да по двѣнадцати рублей сажень! Джугару покупали по семи гривенъ за пятипудовый мѣшокъ—теперь восемь гривенъ пудъ; давно ли каждый подноручикъ держалъ по двѣ, по три лошади—прокормить лошадь стоило три рубля; а теперь тридцать рублей въ мѣсяцъ! Малайка ²⁾ простой—вотъ который дворъ подметаетъ—прежде жилъ изъ-за хлѣба, — много дашь ему три рубля, а теперь меньше двѣнадцати рублей не сыщете!..

Но жалуются, кажется, только служащіе, люди двадцатаго числа, которыхъ повышенные оклады, огромные при былой дешевизнѣ, оказываются очень скудными при теперешнихъ цѣнахъ. Неслужащій народъ не жа-

¹⁾ За отсутствіемъ естественнаго лѣса на топливо идутъ старыя деревья изъ фруктовыхъ садовъ.

²⁾ Собирательное имя или кличка для прислуги и работниковъ изъ туземцевъ.

лется: какъ и на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, гдѣ-нибудь въ Владивостокѣ или Благовѣщенскѣ, здѣсь дороги всякіе продукты, но еще дороже—люди и ихъ трудъ.

Но и люди двадцатаго числа, несмотря на лихорадки, несмотря на дороговизну, тоже часто привязываются къ Туркестану. Нечего уже и говорить о такъ называемыхъ „старыхъ туркестанцахъ“ (ни въ какомъ случаѣ не смѣшивать съ щедринскими ташкентцами!)—во многомъ симпатичный типъ, если не вымирающій, то во всякомъ случаѣ уже теряющійся среди массы наѣзжаго люда; для нихъ Туркестанъ—вторая родина. Но даже люди, сравнительно недавно пріѣхавшіе, сплошь и рядомъ укореняются въ краѣ и не мечтаютъ о возвращеніи „въ Россію“. Чтò ихъ привязываетъ къ краю,—они часто сами не могутъ сказать. Но не послѣднюю роль играютъ горячее южное солнце, длинное лѣто и яркая природа, послѣ которыхъ какъ-то странно возвращаться куда-нибудь въ Москву, съ ея полугодишною зимой, или въ Петербургъ, съ его туманами и слякотью.

Какъ я уже сказалъ, русскій Ташкентъ на видъ—довольно благоустроенный европейскій городъ, хотя въ немъ почему-то нѣтъ не только электрическаго освѣщенія, но и такой вещи, какъ телефонъ, вездѣ привившійся даже въ Сибири. Прекрасные тротуары изъ сырцовога кирпича, тщательная и даже чрезмѣрная—съ точки зрѣнія маляріи!—поливка улицъ, библіотеки, музеи, хорошіе на видъ магазины (торгующіе, впрочемъ, почти исключительно второсортнымъ товаромъ), приче́мъ ви́шнее благоустройство русскаго Ташкента поконится, главнымъ образомъ, на нераздѣльности его приходнаго бюджета съ бюджетомъ туземнаго, сартовскаго города. Но на каждомъ шагу вы видите, что этотъ почти европейскій городъ заброшенъ въ самое сердце Средней Азіи. Вотъ, наперерѣзъ Константинов-

скаго сквера, гдѣ на мѣстѣ бывшей могилы „устроителя края“, Константина Петровича фонъ-Кауфмана (теперь прахъ его перенесенъ въ соборъ), устроенъ оригинальный памятникъ, тянется караванъ верблюдовъ, несущихъ низкосортную московскую мануфактуру, „пунцъ“, куда-нибудь въ глубь киргизскихъ кочевьевъ; а навстрѣчу этому каравану, среди густого клуба пыли, нѣсколько киргизъ, въ сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, отороченныхъ черною тесьмою, гонять отару вымѣненныхъ, вѣроятно, на такой-же „пунцъ“ барановъ, съ отвисшими жирными курдюками. По всѣмъ улицамъ, въ перемѣшку съ цивилизованными пролетками (извозчики, впрочемъ, почти исключительно сарты или киргизы), медленно двигаются скрипучія арбы, съ ихъ огромными, чуть не въ два человѣческихъ роста, широко разставленными колесами, такъ хорошо приспособленными для передвиженія безъ дорогъ, черезъ крупныя рытвины и небольшіе арыки; а на арбахъ—то снопы люцерны, въ круглыхъ плетеныхъ кузовахъ, то мусоръ съ какой-нибудь постройки, то горой наваленныя дыни, то группа женщинъ-сартянокъ съ наброшенными на голову, обязательно сѣрыми, халатами и со спущенными на лицо частыми сѣтками изъ чернаго волоса. Около присутственныхъ мѣстъ всегда масса верховыхъ лошадей на привязи, а по улицамъ то и дѣло снуютъ или стоятъ, небольшими группами, верховые киргизы, или, чуть не волоча ногами по землѣ, проѣзжаетъ сартъ верхомъ на маленькомъ, длинноухомъ ишакѣ, который несетъ не только своего хозяина, но еще батманъ пшеницы или хорошій व्यюкъ люцерноваго сѣна.

На нашемъ Дальнемъ Востокѣ обязанности щедринскаго „мужика“ всецѣло предоставлены китайцу, манзѣ; въ Ташкентѣ эти обязанности, во всемъ ихъ безконечномъ многообразіи, лежатъ на смугломъ, чернобородомъ, по большей части благообразномъ сартѣ. Онъ,

въ чистомъ чичунчевомъ халатѣ и въ расшитой тибетейкѣ, встрѣчаетъ васъ на порогѣ самыхъ важныхъ домовъ русскаго Ташкента и замѣняетъ кухарку даже въ среднесостоятельныхъ русскихъ семьяхъ, которыя не нахвалятся его честностью и трудолюбіемъ. Онъ является въ гостиницу къ пріѣзжему „тюрэ“, въ видѣ комиссіонера и фактора, предлагая найти ковры, лошадей, квартиры, а то и такой товаръ, о которомъ говорятъ шопотомъ и полунамеками; онъ же, въ рубахѣ и широкихъ шароварахъ, ходитъ по улицамъ съ корзиной фруктовъ, заглядывая во все окна и оглашая воздухъ причудливо варіированными выкриками: „крупной винаградъ“, „французской пырсикъ“, „настоящій душесъ“, и въ тотъ самый моментъ, когда я пишу эти строки, я слышу въ окно: „таваръ не надо ли? шелковый платокъ? вышитой туфли“? Сартъ быстрыми и ровными взмахами ведра поливаетъ улицу, стоя по колѣни въ арыкѣ, подметаешь колею трамвая, бьетъ щебень для шоссе. Онъ же, одѣтый въ лохмотья или полуголый, строить все эти европейскаго вида дома, окруживъ постройку, вмѣсто забора, камышевыми плетенками — „чіями“ (совсемъ какъ въ Италіи!) и, проѣзжая по улицамъ русскаго Ташкента, вы вездѣ видите сарта, то штукатурящаго по-европейски домъ, то размѣшивающаго кетменемъ лёссовую замазку для облицовки сложенной изъ комьевъ того же лёсса изгороди сада, то ловко перебрасывающаго лёссовые кирпичи на крышу, гдѣ другой такой же сартъ перекладываетъ дымовую трубу. А русскій обыватель Ташкента привыкъ и приспособился къ своему „мужику“ въ тибетейкѣ и, какъ на Дальнемъ Востокѣ, выработалъ для разговора съ нимъ особый жаргонъ, уснащаемый безконечными „маломало“ и отличающійся отсутствіемъ склоненій и упрощенными формами спряженій.

Открытый вагонъ трамвая биткомъ набитъ публикой. Двѣ-три русскихъ фizioномiи, остальное—сарты въ тюбетейкахъ, изрѣдка въ чалмахъ, нѣсколько сартянокъ, закрытыхъ частыми волосяными сѣтками, нѣсколько хорошенькихъ дѣтишекъ, съ черными, какъ изюминки, глазами. Хотя вагонъ открытый, но въ носъ такъ и бьетъ острый запахъ перепрѣлаго пота, неотступно сопровождающій не успѣвшего понатереться около русскихъ сарта.

— Вотъ вѣдь когда строили трамвай,—говоритъ мнѣ мой спутникъ, ташкентскій старожилъ, любезно взявшійся немного познакомить меня со „старымъ городомъ“,—говорили, работы ему не будетъ: сартъ, дескать, инертенъ и какъ привыкъ ѣздить на арбѣ—у нихъ вѣдь раньше арбы ходили въ русскій городъ, въ родѣ дилижансовъ, по двѣ копейки съ фizioномiи,—такъ и впередъ будетъ ѣздить. А теперь посмотрите-ка: всегда биткомъ набитые вагоны...

Вотъ и „старый городъ“: извилистая, вымощенная булыгой улица, съ узенькими, высокими, земляными валиками или троттуарами по бокамъ. По этой улицѣ проходитъ конка, на ней же и разные продукты цивилизаціи въ родѣ амбулаторіи (гдѣ только-что отняли ноги у попавшаго подъ конку сартенка!), русско-туземной школы, арестнаго дома; вправо и влево отъ нея, то въ гору, то подъ уклонъ, отвѣтвляются узкія боковыя улицы и переулки, уже не мощеные, или совсѣмъ узенькіе проходы, ведущіе то къ чьему-нибудь дому, то къ арыку, то къ кàузу—небольшому общественному пруду. По обѣимъ сторонамъ и этой улицы, и всѣхъ другихъ—безконечный рядъ невысокихъ, желто-сѣрыхъ, отъ лёссовой обмазки, по большей части двухъэтажныхъ построекъ: нижній этажъ—либо конюшни, съ узенькими, во всю длину, окнами или щелями, либо запертые на замокъ амбары, либо лавки, гдѣ торгуютъ дынями и

жевательнымъ табакомъ, цирюльни, чайханы, въ которыхъ на виду у всѣхъ брѣются, распиваютъ чай или просто, въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, предаются сладкому отдохновенію. Въ одномъ мѣстѣ—рядъ мастерскихъ кузнечнаго цеха; также на виду у всѣхъ, кузнецъ работаетъ сидя, какъ на стулѣ, на краю ямы, въ которой поставлена его наковальня. Во второмъ этажѣ иногда жилия помѣщенія—комнаты, террасы съ небольшими колонками, но чаще—тоже какіе-нибудь амбары или склады; жилище свое сартъ, какъ истый сынъ востока, старается запрятать подальше отъ любопытныхъ глазъ. Въ перемѣшку съ жилыми домами и лавками—нѣсколько мечетей или медресе, всѣ того же желто-сѣраго цвѣта, изъ характернаго мѣстнаго плоскаго кирпича, проложеннаго толстыми пластами лёссовой замазки, съ плоскими, тоже желто-сѣрыми, куполами и почему-то—съ очень низкими минаретами, которые заканчиваются полукруглымъ куполкомъ; на нѣкоторыхъ—полосы чудесныхъ изразцовъ, съ темно-синими и блѣдно-зелеными узорами. Зелени на улицѣ не видно: по-надъ невысокими домами и „дувальными“ стѣнами видна масса зелени: какъ и все, что онъ имѣетъ, сынъ востока и свой садъ прячетъ въ глубинѣ своей усадьбы.

— Вотъ это ужъ Азія!—восклицаю я, подъ впечатлѣніемъ всей этой своеобразной картины, на фонѣ которой кишмя кишитъ пестрая, шумная, полжизни проводящая на улицѣ толпа.

— Да, но сильно подчищенная, — замѣчаетъ мой спутникъ: вотъ посмотрите — мостовая, немудрая, положимъ, а все-таки мостовая, да еще политая. А вѣдь нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы съ вами задыхались бы отъ лёссовой пыли, а осенью тонули бы въ грязи; впрочемъ, на боковыхъ улицахъ и сейчасъ задыхаются и тонутъ... Ну, все-таки кое-какое освѣщеніе есть, что-то

въ родѣ ассенизаціоннаго обоза завели: теперь здѣсь воздухъ, какъ воздухъ, а вѣдь еще нѣсколько лѣтъ назадъ—хоть носъ заткни.

Однако, вагонъ добѣжалъ до конечнаго пункта. Нѣсколько сотъ шаговъ пѣшкомъ—и мы на базарѣ, въ этомъ сердцѣ азіатскаго города. Безконечный лабиринтъ широкихъ улицъ и узкихъ переулковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся досчатые балаганы-лавки. Всѣ улицы и переулки перекрыты навѣсомъ изъ нетолстыхъ жердей, поверхъ которыхъ кое-гдѣ набросана солома. Еще недавно надъ всѣми улицами и переулками базара были устроены плоскія земляныя крыши; но послѣ андижанскаго землетрясенія начальство велѣло снять ихъ и замѣнить нынѣшними легкими навѣсами. Но и подъ этими навѣсами—достаточно прохладно, и на постоянно поливаемыхъ бурдюками улицахъ стоитъ, мѣстами, порядочная грязь.

Недалеко отъ входа въ базарный лабиринтъ мой спутникъ останавливается около сравнительно большой лавки, мало отличающейся, впрочемъ, на видъ отъ другихъ окружающихъ лавокъ: всякая мелкая, низкопробная бакалея, и только стоящіе горою около лавки цибики чая позволяютъ предположить, что это—не простая мелочная лавочка. Передъ лавкой стоитъ невысокаго роста, худощавый, пожилой сартъ, одѣтый немногимъ лучше и не чище, нежели всѣ вокругъ, съ умнымъ и серьезнымъ лицомъ. Мой спутникъ подходитъ къ нему и здоровается за руку.

— Это,—говоритъ онъ, обращаясь къ сарту и указывая на меня, — мой знакомый, господинъ такой-то, пріѣхалъ изъ Петербурга. А это Юсупъ-аксакалъ, бывшій базарный староста, хорошій человѣкъ. Не пройдетъ ли вы съ нами, Юсупъ?.. Мы, можетъ быть, ковры покупать будемъ, такъ вы намъ поможете, да и такъ на базарѣ я одинъ, пожалуй, запутаюсь.

Юсупъ съ видимымъ удовольствіемъ соглашается быть нашимъ чичероне, и мы пускаемся въ дальнѣйшій путь уже втроемъ. Юсупъ, видимо, пользуется на базарѣ большимъ почтеніемъ: вездѣ, гдѣ мы проходимъ, ему дѣлаютъ кулдукъ—слегка наклоняются, прижимая обѣ руки къ груди; болѣе цивилизованные—впрочемъ, очень немногіе—дѣлаютъ подъ козырекъ или даже приподнимаютъ тюбетейку. Кто куритъ свой чилимъ ¹⁾, съ поклономъ протягиваетъ его Юсупу, который дѣлаетъ глубокою затяжку.

На базарѣ самая строгая спеціализація. Каждый видъ торговли, каждый промыселъ имѣетъ свою улицу или свой переулокъ. Вотъ длинный и широкій мануфактурный рядъ, съ сравнительно большими лавками, гдѣ торгуютъ либо сарты, либо бухарскіе евреи, рѣзко отличающіеся отъ сартовъ красивыми, правильными чертами лица, черными шапочками, вмѣсто сартовскихъ расшитыхъ тюбетеекъ, и непробритыми на вискахъ, хотя коротко подстриженными, прядками волосъ, выглядывающими изъ подъ шапочки; это — *туземные* евреи, пользующіеся въ Туркестанѣ всѣми правами мѣстныхъ обывателей, если только они или отцы ихъ проживали въ краѣ во время его присоединенія. Въ мануфактурныхъ лавкахъ—мѣстныя бумажныя матеріи, и тутъ же—„пунцъ“ россійскихъ фабрикантовъ. Среди массы розничныхъ лавокъ обычнаго восточнаго типа—нѣсколько фабричныхъ лавокъ,—Карла Шейблера, Морозовыхъ и другихъ, изъ Лодзи и подмосковнаго района. Вотъ шелковый рядъ—шелковые и полупелюшковые матеріи, платки, косынки и т. п. Покупатели почти вездѣ мужчины, и рѣдко-рѣдко на порогъ лавокъ сидятъ женщины-сартянки, совершенно закрытыя сѣрыми халатами и волосяными фатами, и ведутъ какіе-то переговоры съ продавцомъ.

¹⁾ Мѣстное названіе кальяна.

— Такъ вотъ у нихъ и романы происходятъ,—говорить мой спутникъ;—вотъ сидитъ она подъ своимъ халатомъ—кто ее знаетъ, покупаетъ она что, или совсѣмъ о другомъ рѣчь. У нихъ все это очень просто дѣлается: выйдетъ сартянка на улицу, за водой или за чѣмъ другимъ; ѣдетъ незнакомый сартъ верхомъ на лошади или на ишакѣ,—зашли вмѣстѣ въ переулокъ, перекинулись двумя-тремя словами, и готово: сѣла на крупъ лошади—и поминай какъ звали; какъ ее найдешь! мужъ и встрѣтитъ—не узнаетъ подъ фатою. Ну, положимъ, и ножомъ въ бокъ такіе романы тоже часто кончаются.

Еще и еще торговые ряды: вотъ специально сундучный рядъ; вотъ рядъ лавокъ съ кошмами, деревянными остовами для киргизскихъ юртъ, грубыми коврами и другими атрибутами кочевого киргизскаго обихода; здѣсь длинный рядъ небольшихъ лавочекъ, гдѣ торгуютъ дынями и арбузами; тамъ лавчонки съ сартовскимъ мыломъ, угольный рядъ, бакалейная улица, гдѣ располагаются въ перемѣшку, почти не отличаясь по наружному виду, маленькія торговлишки съ нѣсколькими десятками рублей оборотнаго капитала и большія оптово-розничныя дѣла съ оборотомъ въ сотни тысячъ.

На другихъ улицахъ — ремесленники разныхъ специальностей, которые тутъ и работаютъ, тутъ и продаютъ свои издѣлія. Громкій стукъ молотковъ по металлу привлекаетъ насъ въ мѣдный рядъ: нѣсколько десятковъ лавокъ, гдѣ куютъ мѣдныя издѣлія, дѣлаютъ на нихъ высѣчки, лудятъ; на выставкахъ готовые издѣлія—по большей части дешевые кумганы или мѣдныя ведра, но на вопросъ Юсупа выносятъ и показываютъ намъ и дорогія вещи, съ чудною, мелкою, художественною высѣчкой. Вотъ токарный рядъ, гдѣ на глазахъ у всѣхъ точатся и отдѣлываются ручки для бритвъ, дѣтскія люльки и всякія другія деревянныя издѣлія; первобыт-

наго устройства токарный станокъ приводится въ движеніе ремнемъ, который перекинуть черезъ ось и за который тянетъ то въ одну, то въ другую сторону, полуголый сартъ, помощникъ токаря. По сосѣдству изготовляются деревянные частые гребни, которые выпиливаются ручною пилою на небольшомъ, остроумно приспособленномъ станочкѣ. Вотъ продавцы тюбетеекъ. Заказчикъ выбираетъ у такого торговца матерію и указываетъ рисунокъ шитья по одному изъ готовыхъ, разложенныхъ на прилавкѣ штамповъ; торговецъ снимаетъ мѣрку, тутъ же, на глазахъ у заказчика, выкраиваетъ тюбетейку, отпечатываетъ на ней штампомъ рисунокъ и передаетъ другому работнику, который дѣлаетъ вышивку и сшиваетъ тюбетейку. Поблизости отъ мануфактурнаго ряда—лавки „машиначей“—портныхъ, которые кроютъ и на машинѣ шьютъ столь распространенные у сартовъ и у киргизъ бухарскіе халаты.

— Вотъ вамъ и капиталистическій промыселъ, — говоритъ мой спутникъ:—эти машиначи всѣ на торговцевъ работаютъ, получаютъ отъ нихъ весь матеріалъ, прикладъ и шьютъ поштучно.

— А зарабатываютъ почему?

— Копеекъ по тридцати кругомъ. Это здѣсь вродѣ нормы; чтò ни работаютъ, а заработокъ вездѣ одинъ—тридцать копѣекъ въ сутки. Да это и не такъ мало: вѣдь у нихъ у всѣхъ, кромѣ промысла, и земля есть—хоть какой-нибудь клочокъ за городомъ, --- а затѣмъ, вѣдь, и какія же у нихъ потребности!

Еще и еще разнообразные ремесленники. Вотъ, между прочимъ, пекаря, изготовляющіе излюбленные сартовскія лепешки; въ пекарнѣ работаютъ трое: одинъ раскатываетъ куски тѣста, другой на уже раскатанной лепешкѣ накалываетъ зубчатымъ колесикомъ традиціонные узоры, третій, полуголый, съ головою, повязанною платкомъ, влѣзаетъ въ жарко истопленную печь и прилѣпляетъ готовую лепешку къ ея своду, гдѣ она

печется „до готовности“. Рядъ серебрянниковъ, дѣлающихъ разнообразныя, по большей части очень грубыя по отдѣлкѣ, но красивыя по общему рисунку серебряныя украшенія. А вотъ среди горы битаго фарфора сидитъ старичекъ-клещикъ, который какъ разъ въ данную минуту чинитъ разбитую чашку. Мы останавливаемся посмотрѣть, какъ ловко и быстро онъ дѣлаетъ свою очень тонкую работу: составивъ чашку, онъ особеннымъ сверломъ продѣлываетъ въ ней небольшія дырочки, въ которыя вставляетъ металлическія скобки—и починенная такимъ образомъ чашка служить, нерѣдко, еще много лѣтъ. Юсупъ тѣмъ временемъ перекидывается какими-то непонятными намъ фразами со старикомъ, а старикъ, между дѣломъ, изподлобья разсматриваетъ насъ. Къ намъ присоединяется еще какой-то зритель, тоже русскій, въ фуражкѣ съ кокардою и съ толстою тростью въ рукахъ—тоже, очевидно, знакомый Юсупа. Старикъ и на него посматриваетъ изподлобья, не задавая никакихъ вопросовъ и не проявляя особеннаго интереса. Случайно этотъ новый зритель, все время опиравшійся на палку, перехватываетъ ее за середину,—палка оказывается съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ въ формѣ фантастической птицы, не то орла, не то пеликана. Старикъ-клещикъ сразу прерываетъ свою работу и закидываетъ Юсупа оживленными вопросами, все время посматривая на господина съ птицей. Я разбираю слова „улькунъ-тюрэ“: старикъ принялъ трость съ птицей за какой-то атрибутъ власти и рѣшилъ, что владѣлецъ палки—какой-нибудь „большой начальникъ“...

Базаръ—сердце стараго Ташкента; сердце базара—широкая улица, сплошь занятая чай-ханами—чайными, и анжъ-ханами—харчевнями; въ перемѣшку съ ними то цирюльни, гдѣ сарты на виду у всѣхъ брѣютъ голову и лицо, то лавочки, гдѣ продаются дыни и жевательный

табакъ. Тутъ же, на улицѣ, стоятъ нѣсколько мороженниковъ—роль мороженаго играетъ глыба снѣга, который поливается патокой и въ такомъ видѣ подается потребителямъ; тутъ же и фонографъ, съ множествомъ слуховыхъ трубокъ.

„Чайная“ улица биткомъ набита народомъ: во всѣхъ чайныхъ масса сартовъ и киргизъ, кое-гдѣ между ними русскіе, мѣщане или солдаты; на порогъ одной изъ чайныхъ попиваетъ чай туземный полицейскій, въ длинномъ коломянковомъ халатѣ и мерлушковой папахѣ, съ жгутами и пашкой, какъ у настоящаго городского, и мирно пьетъ чай изъ круглой чашки; завидѣвъ проходящихъ „тюрэ“, изъ которыхъ одинъ въ полувоенной формѣ, онъ приподнимается и дѣлаетъ подъ козырекъ.

Въ одномъ мѣстѣ большое собраніе народа: тѣсными рядами, по обѣимъ сторонамъ улицы, сидятъ сарты и киргизы, въ чалмахъ, тибетейкахъ и сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, а посреди улицы стоитъ длинноростый старикъ, въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, и что-то оживленно рассказываетъ, усиленно жестикулируя и оборачиваясь то къ одному, то къ другому ряду своихъ слушателей; порой онъ прерываетъ свое повѣствованіе какимъ-нибудь вопросомъ; ему отвѣчаютъ изъ толпы, иногда много человѣкъ заразъ, иногда только одинъ или двое, сидящихъ прямо противъ старика и, повидимому, поддерживающихъ съ нимъ особенно оживленную бесѣду. Это—„маддахъ“, профессиональ-разсказчикъ, который ходитъ по чай-ханамъ и увеселяетъ публику разказами на всевозможныя темы; чтобы не дать остыть живому интересу публики, онъ пересыпаетъ свой разсказъ разными вопросами, а среди слушателей сидятъ его негласные помощники, которыхъ обязанность—отвѣчать на его вопросы и такимъ образомъ придавать представленію „маддаха“ видъ оживлен-

наго діалога. Окончивъ какой-то длинный рассказъ, маддахъ обходитъ публику и собираетъ подаянія. Я тоже даю какую-то мелкую монету.

— Вотъ ему и тема для слѣдующаго разсказа,— говоритъ мой спутникъ:—какъ пришелъ на базаръ большой тюрэ, и какъ онъ, прослушавъ рассказъ маддаха, щедро одарилъ его.

Юсупъ утвердительно киваетъ головой.

Немного дальше, опять, сплошные ряды сидящихъ по обѣимъ сторонамъ улицы пестрыхъ халатовъ, всѣ въ чалмахъ или тибетейкахъ—киргизскихъ треуховъ не видно. Здѣсь уже нѣтъ никакой центральной фигуры, а просто ведется какой-то оживленный общій разговоръ.

— Маслякаты держать?—спрашиваетъ мой спутникъ Юсуна.

— Такъ тошно, маслякаты,—отвѣчаетъ тотъ.

Это оказывается, сарты собрались обсуждать какія-то свои общественныя дѣла.

Еще дальше—опять небольшая кучка халатовъ, на этотъ разъ уже не сидящихъ, а стоящихъ, а посреди этой кучки, оживленно жестикулируя, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ что то рассказываетъ точно сошедшій съ верещагинской картины дервишъ, въ остроконечной расшитой шапкѣ, обмотанной бѣлою чалмою, въ грязномъ и ободранномъ халатѣ, съ посохомъ и съ висящею черезъ плечо дорожною флягой изъ тыквы-горлянки: рассказываетъ, очевидно, о святыхъ мѣстахъ, чудодѣйственныхъ могилахъ и благочестивыхъ ишанахъ. Тутъ же среди толпы похаживаетъ мальчуганъ съ корзиною небольшихъ, незатѣйливо связанныхъ букетовъ.

— Это для кого букеты?—спрашиваю я моего спутника.

— Какъ для кого! Сарты страшно любятъ цвѣты... вотъ посмотрите,—указалъ онъ мнѣ на нѣсколько чловѣкъ изъ толпы: изъ-подъ тибетеекъ выглядывали, падая на лобъ, небольшія вѣточки цвѣтущей люцерны.

Заглянули въ двѣ-три чай-ханы: всѣ онѣ болѣе или менѣе одного типа; чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ чашекъ, сартовскія лепешки, дыни, горою наваленныя у входа; въ углу обязательный чилимъ, изъ котораго, по исконному обычаю, можетъ сдѣлать затыжку каждый прохожій, хотя бы онъ и не потребовалъ никакой платной порціи, и тутъ же обязательная туземная гитара или домра; на ней играетъ каждый потребитель, которому захочется усладить свой кейфъ тихимъ и меланхолическимъ перебираниемъ струнъ; въ нѣкоторыхъ висятъ своеобразныя коническія клѣтки съ перепелами, которые воспитываются то для пѣнья, то для боя.

Однако, чистота во всѣхъ этихъ чайныхъ болѣе, нежели сомнительна, и потому мы направляемся пить чай въ болѣе культурную чай-хану, извѣстную и среди жителей русскаго города. Передняя часть ея предоставлена туземцамъ, которые попиваютъ чай, сидя на корточкахъ на достаточно грязномъ коврѣ; тутъ же въ переднемъ углу сидитъ на корточкахъ небольшой оркестръ—четыре **человѣка, исполняющіе, между прочимъ, и русскія пѣсни;** за переложеніе ихъ на туземные инструменты содержатель ханы получилъ даже, какъ гласитъ висящій на стѣнѣ дипломъ, какую-то награду на мѣстной выставкѣ. Задняя часть чай-ханы, съ окнами, выходящими на большой, обсаженный деревьями арыкъ, предназначена для привилегированныхъ посѣтителей изъ русскаго города,—здѣсь стоитъ нѣсколько столовъ со стульями и не слишкомъ мягкими диванами. Мы располагаемся, вмѣстѣ съ Юсупомъ, за однимъ изъ нихъ; намъ подаютъ порцію чая, тѣ же сартовскія лепешки, еще какое-то печенье и тарелку съ фруктами, персиками и виноградомъ; мой спутникъ и Юсупъ дѣлаютъ по затыжкѣ изъ чилима, и лишь послѣ того приступаютъ къ чаепитію.

— Хорошо, небось, сегодня торгуете?—спрашиваю

владѣльца чай-ханы, довольно порядочно говорящаго по-русски.—Вотъ сколько народу!..

— Напротивъ,—вмѣшивается въ разговоръ мой спутникъ:—завтра пятница, большинство разъѣхалось по своимъ садамъ. Вы, пожалуй, Юсупъ,—обратился онъ къ нашему чичероне,—тоже уѣхали бы, если бы мы васъ не задержали?

— Нѣтъ, у меня дѣла есть въ городѣ,—отвѣчалъ тотъ;—ужь вечеромъ поѣду. А ужь разъѣхалось-то, правда, много: лавки, пожалуй, на половину закрыты, да и покупателей мало. Это Николай Семенычъ—такъ звали моего спутника—вѣрно говорить: здѣсь у каждаго, кто только не самый бѣдный, за городомъ садъ: самъ недѣлю въ городѣ сидитъ, на базарѣ торгуетъ или ремесломъ занимается; а женщины съ дѣтьми, а у кого есть—малайка, въ саду работаютъ. А на пятницу каждый въ свой садъ ѣдетъ; отдыхаютъ, по очереди другъ къ другу въ гости ѣздятъ—это у насъ „габъ“ называется; теперь вотъ только худо стало по садамъ жить...

— Что такъ?

— Да вотъ, дорогу строить: рабочіе отовсюду набрались—все больше персы; грабежи пошли, убійства...

На широкой базарной улицѣ слышится какое-то особенное движеніе: ѣдетъ офицеръ верхомъ, за нимъ два верховыхъ туземныхъ полицейскихъ; всѣ, кто сидѣлъ, встаютъ и дѣлаютъ кулдукъ.

— Полицмейстеръ туземнаго города, — говоритъ Юсупъ:—хорошій господинъ...

— Развѣ при ханахъ начальники не лучше были?

— Что вы, помилуйте,—чуть не испуганно восклицаетъ Юсупъ:—развѣ можно говорить!.. При ханѣ—просто бѣда было: тогда нельзя было такой халатъ надѣть, какъ этотъ!—и Юсупъ указалъ на свой хотя и довольно потрепанный, но все-таки чичунчевый халатъ:

—какъ только узнать бы датхѣ, что у меня деньги есть, сейчасъ бы какое-нибудь дѣло завелъ, самого въ тюрьму, а деньги—часть хану, а часть себѣ... Не дай Богъ!.. Чтò въ вахфѣ отдано, только того и не трогали...

— Вѣдь вы знаете,—вмѣшался мой спутникъ, Николай Семеновичъ,—здѣсь вѣдь почти всѣ лавки и кругомъ караванъ-сарай—все это вахфы: къ мечетямъ приписаны, къ медресамъ. Ну, мечетямъ и медресе, конечно, немного достается, главный доходъ идетъ мутавалію—душеприказчику, изъ потомковъ завѣщателя, который завѣдуетъ вахфомъ. Въ сущности, изъ-за этого больше и вахфы учреждались: оставить имущество просто дѣтямъ—того и гляди на хана отберутъ; ну и завѣщали въ вахфѣ, а потомковъ мутаваліями назначали; самое лучшее было обезпеченіе—ханъ не отбереть!..

VII.

Въ предгорьяхъ Алатау.

Вечерѣтъ. Необыкновенно тряскій экипажъ прославленной въ краѣ „ивановской“ почты, запряженный тройкою умѣренно скверныхъ—въ видѣ особаго одолженія—лошадей, верстъ десять подпрыгиваетъ по мелкой булыгѣ, прикрытой сверху толстымъ слоемъ тончайшей лёссовой пыли; за городскою чертой булыга исчезаетъ, и пыль принимаетъ прямо гомерическіе размѣры, временами застилая отъ путника даже везущихъ его лошадей: кто не видалъ лёссовой пыли, тому даже трудно себѣ представить, чтò это за ужасъ!.. До самой станціи Черняевской—верстъ, значитъ, двадцать отъ

Ташкента — дорога тянется между двумя рядами непрерывныхъ, сѣро-желтыхъ „дувальныхъ“ стѣнъ, то высокихъ и крѣпко сложенныхъ, аккуратно покрытыхъ лёссовою замазкой, то низенькихъ, вросшихъ отъ старости въ землю, а то и полуразвалившихся. Надъ этими стѣнами то высится сплошная, темная, но до послѣдней степени запыленная зелень рослыхъ древесныхъ насаждений, то обвивается, по высокимъ шпалерамъ, виноградникъ, то выглядываетъ, сквозь пріоткрытыя калитки или обвалившіяся стѣны, темно-зеленый бархатистый коверъ люцерны или правильно разсаженные невысокіе кустики американскаго хлопка. Жилья не видно вовсе — жилища попрятались въ самой глубинѣ садовъ или древесныхъ насаждений. Но чуть не на каждой верстѣ — то по одиночкѣ, то цѣлыми группами, располагаются чай-ханы и караванъ-сарай, служащіе пріютомъ для бесконечно тянущихся по тракту верблюжьихъ каравановъ и телѣжныхъ или арбяныхъ обозовъ. Въ чайханахъ вездѣ народъ: сидятъ кружками, попивая чай изъ круглыхъ чашекъ или потягивая забористый дымъ чилимовъ; вездѣ слышенъ оживленный разговоръ, мѣстами — тихіе звуки туземнаго струннаго инструмента.

И въ городской чертѣ, и дальше, до Черняевой — сплошной оазисъ, орошаемый водами одного изъ крупнѣйшихъ оросительныхъ каналовъ края — Захъ-арыка. Его главныя вѣтви проходятъ по гребнямъ невысокихъ холмовъ, заполняющихъ мѣстность, а выведенные изъ нихъ третьестепенные каналы разносятъ воду, а съ нею и жизнь, по склонамъ этихъ холмовъ.

— Вотъ киргизы какихъ садовъ поразводили, говорю я, обращаясь къ своему товарищу по экскурсіи, мѣстному жителю, большому знатоку туземнаго хозяйства.

— Ну, здѣсь киргизскаго мало! Вокругъ Ташкента киргизы ужъ всѣ свои земли пораспродали; кто уже

давно при ханахъ, а больше въ послѣднее время: получили землю на осѣдлыхъ основаніяхъ, на полномъ правѣ собственности, — и бросились продавать: все больше сартамъ, а кто и русскимъ.

На оставшемся почему-то незагороженнымъ небольшимъ пространствѣ — не то лагерь, не то киргизскій аулъ: маленькіе шалаши изъ камышевыхъ „чій“, кое какъ разставленныя войлочныя палатки, между шалашей и палатокъ — верблюды, быки, нѣсколько барановъ.

— Кунградцы, — говоритъ мнѣ мой спутникъ.

— Это чтó такое? — спрашиваю я.

— А это за Дарьей — Кунградская волость и кунградскій родъ; сами еще не занимаются земледѣліемъ, но бѣднота каждый годъ прикочевываетъ къ Ташкенту, къ русскимъ поселкамъ и къ кышлакамъ осѣдлыхъ киргизъ, — жать хлѣбъ изъ доли. Прежде жали изъ восьмого да изъ десятаго снопа, а нонѣче саранча у нихъ корма поѣла, такъ ихъ особенно много прикочевало; жали ужъ изъ шестнадцатаго, а то и изъ двадцать четвертаго снопа.

Темною ночью минуемъ Черняевскую станцію; сейчасъ же за нею Черняевскій крестьянскій поселокъ; — сплошная густая роща изъ пирамидальныхъ тополей и кудрявыхъ ивъ, изъ-за которыхъ едва виднѣются обмазанныя ^{тѣ}лѣссомъ крестьянскіе дома; кое гдѣ мелькаютъ огоньки, но большею частью уже совсѣмъ темно, — деревня рано ложится спать.

За Черняевой дорога выходитъ на открытую холмистую степь. Воздухъ совершенно другой: въ предѣлахъ орошеннаго оазиса сырой, а ночью прямо такъ пронизывающій, онъ становится сухимъ и теплымъ, какъ только вы выѣхали на неорошенную степь.

Нѣсколько верстъ — и опять густая роща изъ правильно посаженныхъ ивъ и пирамидальныхъ тополей. Это нѣмецкій поселокъ Константиновскій, гдѣ мы должны

заночевать. Насъ везутъ сначала къ старостѣ, котораго впрочемъ здѣсь зовутъ шульцомъ,—потомъ на Absteige-quartier. Черезъ сѣни, съ до-верху засыпаннымъ пшеницей глинобитнымъ закромомъ, мы проходимъ въ большую длинную комнату, съ глинобитнымъ же поломъ, чрезвычайно чистую и аккуратную. Обстановка—европейская: дѣтскія люльки, кровати съ пологамъ, столы, стулья, въ буфетѣ большой запасъ столовой посуды, на особомъ крючкѣ платяная щетка. Хозяинъ, начисто бритый, пожилой нѣмецъ въ жилеткѣ и кожаныхъ туфляхъ, встрѣчаетъ насъ привѣтствіемъ и нѣсколькими вопросами на ломаномъ русскомъ языкѣ; сынъ его, молодой парень, говоритъ по-русски совершенно свободно и съ едва только замѣтнымъ акцентомъ. Но женщины, съ которыми мы пытаемся вступить въ переговоры насчетъ самовара и ужина, по русски почти не понимаютъ—переговоры приходится вести на нѣмецкомъ языкѣ.

Пока грѣется самоваръ, я выхожу на дворъ, гдѣ вокругъ нашего тарантаса собралось съ полтора десятка нѣмцевъ разнаго возраста—старые въ жилеткахъ или пиджакахъ, молодые въ рубахахъ на выпускъ. Начинаются разговоры о томъ, о семъ, о быломъ и о настоящемъ житіи. Оказывается, въ поселкѣ за сто дворовъ, да нѣсколькихъ десятковъ не приписанныхъ,—изъ Самарской и Саратовской губерніи.

— Изъ двадцати трехъ колоній собрались—разсказывали нѣмцы:—все самый бѣдный народъ были—у однихъ вовсе земли не было, у другихъ совсѣмъ мало. Собрались идти на Амуръ; дошли до Оренбурга—а переселенческій начальникъ намъ говоритъ: вы, говоритъ, народъ бѣдный, куда вамъ такъ далеко идти—ступайте въ Ташкентъ. Дошли до Казалинска—у многихъ не то что дальше идти, ѣсть нечего стало. Прожили зиму въ Казалинскѣ; всю зиму намъ начальство помогало, а

потомъ до Ташкента провезли на казенный счетъ. Отвели землю—поливной по шести десятинъ на семью, да степи отвели кусокъ, да воду дали, сколько слѣдовало, изъ Ханымъ-арыка.

— Какъ же вы съ водой справлялись?

— Трудно было сначала!.. Часть земли намъ отвели съ готовыми арыками, на остальную пришлось проводить воду. Сами, первое время, не знали, какъ взяться—согласились съ киргизами: они арыки провели, а мы имъ дали два раза посѣять просо. Теперь хорошо выучились: гдѣ нужно—либо сами проводимъ арыки, либо киргизъ нанимаемъ и имъ показываемъ, гдѣ и какъ вести.

— Чтó-же, хлопокъ сѣете?

— Нѣтъ, не сѣемъ; у насъ все пшеница.

— Почему такъ? развѣ хлопокъ здѣсь не родится?

— Нѣтъ, родится—киргизы кругомъ сѣютъ, да намъ не подходитъ: работы съ хлопкомъ очень много, а намъ, нѣмцамъ, надо побольше хлѣба засѣять; есть вѣдь которые по пятьдесятъ да по шестьдесятъ десятинъ засѣваютъ. А потомъ, для хлопка надо много воды, а у насъ воды совсѣмъ мало. Вѣдь мы и подъ хлѣба почти не поливаемъ: поливать хорошо, если по три да по четыре раза,—на это воды не хватаетъ; а разъ полить—только хуже. Сначала мы тоже думали, что безъ полива нельзя,—а какъ стали пробовать,—видимъ, озимая пшеница и ячмень безъ полива больше пользы даютъ, чѣмъ на политой землѣ. Только подъ клеверъ ¹⁾ и поливаемъ—тутъ ужъ безъ полива никакъ нельзя... Вотъ, насчетъ яровыхъ хлѣбовъ у насъ плоховато: раннихъ яровыхъ—пшеницы, ячменя, эти года вовсе сѣять не стали—са-

¹⁾ Клеверомъ туркестанскіе жители—и крестьяне, и интеллигенты, называютъ люцерну; это названіе настолько укоренилось, что его употребляютъ въ обиходъ даже мѣстные специалисты-агрономы.

ранча съѣдаетъ; поздніе яровые безъ полива не родятся, а воды для нихъ не хватаетъ.

— Ну, а все-таки, какъ вамъ здѣсь живется? довольны, что сюда переселились?

— Довольны... Сначала трудно было: пришли ни съ чѣмъ, съ водой обходиться не умѣли, что можно безъ полива сѣять—не знали; а теперь хорошо живемъ—куда лучше, чѣмъ дома, въ колоніяхъ.

— А съ киргизами у васъ дружба, или нѣтъ?

— У насъ не можетъ быть съ киргизами дружбы—*sie sind ja Muhammedaner* (замѣчу—въ скобкахъ, что весь нашъ разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ): споровъ и обидъ нѣтъ, но и дружбы тоже нѣтъ. Съ крестьянами дружи́те живемъ—*die sind doch Christen, wie wir*.

Рано утромъ трогаемся въ дальнѣйшій путь—трогаемся не безъ затрудненій, потому что нѣмецкія лошади, привыкшія къ дышловой запряжкѣ, съ большою неохотою даютъ впредъ себя въ троечный тарантазь.

По обѣимъ сторонамъ сверхъестественно-пыльной дороги сильно-холмистая степь, заполненная послѣдними отрогами Таласскаго Алатау. Плоскіе сырты и пологіе склоны холмовъ покрыты саженымъ слоемъ сѣровато-желтаго лёсса и поросли густою, но выжненною палящимъ туркестанскимъ солнцемъ травой. Внизу, справа, долина небольшой рѣчки Келеса, а по долинь, вдоль рѣчки, аулы зачисленныхъ въ осѣдлое состояніе—какъ я узналъ отъ моего спутника—киргизъ Акъ-Джарской волости. Зимовки жалкія—небольшія глинобитныя „кур-ганчи“, съ крохотными огороженными двориками; на плоскихъ крышахъ небольшія скирды люцерны или соломы. Около зимовокъ—крохотные квадратики орошаемыхъ пашень, все больше подъ люцерной; повыше, по склонамъ холмовъ,—большіе квадраты и прямоугольники богары—посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія;

съ нѣкоторыхъ полосъ недавно снять хлѣбъ, другія—старыя залежи, поросшія характерною верблюжьею колючкой. Около зимовокъ разставлены куполообразныя киргизскія юрты.

— Прикочевали уже,—говоритъ мой спутникъ.

— Какъ прикочевали?—изумляюсь я:—вѣдь вы же говорили, они осѣдлые?

— Я говорю—*зачислены* въ осѣдлые—но они преспокойно продолжаютъ кочевать: вѣдь горы здѣсь подъ рукой, они и откочевываютъ на лѣто. А что ихъ зачислили въ осѣдлые, такъ вѣдь это такъ, зря: около Ташкента всѣхъ позачисляли, а подальше—оставили на кочевомъ положеніи; а разницы никакой нѣтъ. А вѣдь для киргизъ это зачисленіе—не шутка: осѣдлымъ полагается отводить одни культурныя угодыя,—а у нихъ много-ли такихъ угодій: всего-ничего!.. хорошо еще, что пока за казенными пастбищами почти нѣтъ присмотра—они себѣ и откочевываютъ на лѣтовку, хотя права уже не имѣютъ. А запереть ихъ на своей землѣ—хоть пропадай!“

Недоѣзжая почтовой станціи Шорапханѣ, цѣпь зимовокъ и полей прерывается на нѣсколько верстъ—очевидно, киргизы не сумѣли вывести сюда воды. Вдоль рѣчки, по широкой лужайкѣ, чуть не на версту вытянулся сплошной рядъ юртъ; вокругъ юртъ кишмя кишитъ народъ: гдѣ группа киргизъ верхами, гдѣ такіе же киргизы сидятъ небольшими группами въ кружокъ, на корточкахъ, и предаются пріятнымъ разговорамъ; женщинъ не видно, не видно и скота...

— Байга?—спрашиваетъ мой товарищъ ямщика-киргиза.

— Байга,—отвѣчаетъ тотъ:—Сандыбай байга дѣлалъ, отца поминалъ. Больше мѣсяцъ байга живутъ, купцовъ сколько собралось!.. Первой лошади семьсотъ рублей, второй—шестьсотъ, третьей—пятьсотъ рублей.

— Здорово!—восклицаю я.

— Хорошая байга,—соглашается киргизъ.—А Касембека поминали—куда больше байга была: сыновья больше трехъ тысячъ истратили, родственники давали кто пятьсотъ, кто тысячу рублей; да со всего рода по приговору собирали, по одиннадцать рублей съ кибитки, съ богатаго и съ бѣднаго,—а въ роду тысяча восемьсотъ кибитокъ! Однихъ барановъ пятьсотъ штукъ зарѣзали, да сорокъ лошадей. Первый призъ былъ—тысяча рублей, да пятьдесятъ верблюдовъ, да десять бобровъ, да китайская ямба серебряная. Народу много-много собралось: весь Аульеатинскій уѣздъ, изъ Акмолинскаго уѣзда пріѣхали, изъ Атбасарскаго—тоже больше мѣсяца жили.

— Вѣдь это-же чистое разореніе!—восклицаю я.

— Бываетъ, что и разоряются,—говоритъ мой спутникъ: нельзя—разъ родовитый киргизъ умеръ, сыновья не могутъ уклониться отъ байги. Если средства не слишкомъ большія остались—бываетъ, что и бѣлая часть наслѣдства на байгу уходитъ. Ну—да это рѣдко. А такъ—въ убыткѣ они не остаются: соберутъ народъ на байгу, угостятъ, дадутъ призы,—а понемногу все съ лихвою выберутъ: то подарками, то землей, то чѣмъ другимъ.

Станція Беклярбекъ, устроенная въ бывшей мечети. Комната для проѣзжающихъ — крохотная боковая каморка, а въ большой круглой залѣ мечети, съ закуреными стѣнами и куполообразнымъ потолокомъ, помѣщается ямщицкая. На полу валяются кошмы, шубы, по стѣнамъ развѣшана сбруя, а подъ однимъ изъ оконъ, гдѣ не такъ темно, столикъ станціоннаго писаря.

Еще пара перегоновъ, все по такой-же холмистой степи, мѣстами орошенной и обработанной, но увь, съ посѣвами сплошь выѣденными саранчею, и мы въ Чимкентъ.

И Чимкентъ и Аульеатъ—это, такъ сказать, Таш-

кенты въ миниатюрѣ: небольшой русскій городъ, съ тѣми же одноэтажными, свѣтло-окрашенными домами, кирпичными тротуарами, арыками и двойными аллеями рослыхъ деревьевъ, и такой же сѣро-желтый туземный городъ, съ многочисленными чай-ханами и обширнымъ базаромъ. На пригоркѣ старая крѣпость, которую когда-то штурмовалъ Черняевъ. Вокругъ города—широкій поясъ садовъ и полей, принадлежащихъ туземцамъ-горожанамъ. На степи—юрты наѣзжихъ изъ Ташкента кумысниковъ.

Вечеръ мы провели у одного изъ чимкентскихъ служащихъ нотаблей. Не то случайно, не то—чтобы посмотреть на проѣзжихъ людей, къ нему собралось еще нѣсколько нотаблей, также изъ служащаго класса. Поговорили по поводу послѣднихъ ташкентскихъ извѣстій и слуховъ, которыя привезъ съ собою мой товарищъ по поѣздкѣ. Потомъ стали разговаривать о мѣстныхъ дѣлахъ, о поселенцахъ, киргизахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

— Не похвалю я,—говорить одинъ изъ собесѣдниковъ,—нашихъ мужичковъ.—Возьмите киргизъ или сартовъ: подъ поселенія землю у нихъ отобрали, стѣснили порядочно, а между тѣмъ держатся тихо и смиренно, никогда сами не задѣнутъ русскихъ. А крестьяне—туземцевъ въ грошъ не ставятъ: басурманскую молъ землю нашъ царь завоевалъ, а мы царскіе, значить у басурманъ надо землю отобрать да раздать хрещенымъ. Только и слышать отъ нихъ киргизы: „орда некрещеная“, да „тварь“...

— Это вѣрно, — говоритъ другой. — Ко мнѣ вотъ приходили мѣщане да солдаты—на Каскасу проситься, такъ и говорятъ: „жителейъ тамъ нѣтъ, одна орда“. Точно орда не жители!..

— Это что за Каскасу?—спрашиваю я.

— А вотъ, вы завтра вверхъ по Сайраму поѣдете,—

такъ это еще повыше, въ горахъ; ужъ давно тамъ солдатскій поселокъ намѣчался; ничего изъ этого не вышло, но преданіе держится, и то одни, то другіе хлопочуть на водвореніе. И сейчасъ вотъ солдатъ одинъ—писаремъ онъ у пристава служить, набралъ народу чело-вѣкъ съ полсотни, взяли съ нихъ по три цѣлковыхъ и хлопочеть. Я вотъ,—замѣтилъ собесѣдникъ,—и самъ съ нимъ разговаривалъ; говорю ему: не выйдетъ ваше дѣло, много тамъ киргизъ лѣтуеть, а онъ мнѣ: чего,—говорить, на нихъ смотрѣть, мы, молъ, всѣ въ солдатахъ служили, такъ неужто изъ-за киргизъ намъ откажутъ?!

— Да ужъ, это чтó грѣха таить, — сказалъ третій собесѣдникъ...—Только и наровятъ, какъ-бы туземца обмануть или обидѣть. Вотъ возьмите, арыки: вѣдь мужика не выгонишь арыкъ чистить или поправлять. Гдѣ арыки общіе съ киргизами—чистое несчастье: мы, молъ, не затѣмъ сюда пришли, чтобы арыки копать; орда до насъ чистила, пускай и теперь чистить. А настоишь, заставишь выйти на работу,—ужъ мужикъ непременно въ какіе-нибудь десятники пристроится; киргизы да сарты работаютъ, а онъ себѣ стоитъ да покрикиваетъ.

— Ну, знаете-ли, — вставилъ свое слово еще собесѣдникъ,—имъ отъ киргизъ тоже не мало терпѣть приходится... Возьмите вотъ потравы,—вѣдь какъ мужиковъ донимаютъ!

— Господи, да какъ же можетъ быть иначе!.. Развѣ легко киргизамъ привыкнуть! Прежде было вольно, пасли скотъ гдѣ хотѣли, никакихъ границъ не знали. А теперь повыростали поселки—естественное дѣло, что скотъ нѣтъ-нѣтъ да и зайдетъ на крестьянскій надѣлъ; а крестьяне и рады,—загонять скотъ, да и сдерутъ вдесятеро. А киргизъ—онъ и понять не можетъ, за чтѣ съ него берутъ; крестьянскій-то скотъ тоже постоянно на киргизскую землю заходитъ, киргизы на это и не смотрятъ,—а съ нихъ за все дерутъ. Вотъ,

назадъ тому три года у покровскихъ мужиковъ саранча всѣ корма сожрала, киргизы весь ихъ скотъ на свои пастбища пустили, такъ, сами собой; ихъ и губернаторъ въ приказѣ благодарилъ... а дождитесь-ка отъ нашихъ мужичковъ чего-нибудь подобнаго... у нихъ первое время и своего скота-то не было, корма зря пропадали, а забѣжить киргизская скотина, сейчасъ скандалъ поднимуть. Ну, раза, два, три ихъ нагрѣютъ, они и мстить начинаютъ, лошадей уводятъ и все такое.

— Напрасно вы, Михаилъ Ивановичъ, такъ на нашихъ мужиковъ нападаете,—вмѣшался въ разговоръ другой собесѣдникъ. Ну, конечно, не легко имъ ужиться съ киргизами, народъ чужой, другой крови и другой вѣры. А отъ сартовъ киргизамъ лучше? Нашъ мужичекъ, онъ конечно своего не упуститъ, но гдѣ ему до сарта! Сартъ—тотъ ужъ такъ киргиза опутаетъ, что твой паукъ; дай ему только волю,—у киргизъ и земля вся уйдетъ, и скота не останется, цѣликомъ слопаютъ! Притомъ же,—не забудьте, Михайло Ивановичъ—нашъ мужикъ несетъ къ нимъ болѣе высокую культуру!.. значить, не одинъ вредъ отъ него киргизамъ...

— Хороша культура!—воскликнулъ Михайло Ивановичъ, къ которому довольно дружно присоединились и остальные собесѣдники,—что же такое особенное крестьяне принесли киргизамъ по части культуры?..—разскажите пожалуйста!

— Какъ, помилуйте, а коса-литовка!—развѣ это для киргизъ не благодѣяніе?.. вѣдь до русскихъ они руками траву рвали или серпомъ рѣзали, много ли онъ могъ къ зимѣ корма заготовить?.. а теперь чуть не каждый киргизъ косить выучился.

— Ну, только и есть... косы да косы... А въ остальномъ не киргизы у русскихъ учатся, а рускіе у киргизъ: всѣ приемы поливки полей у нихъ переняли,

культуру люцерны, кунакъ ¹⁾; а кетмень!.. вѣдь мужикъ теперь шагу безъ кетменя ступить не можетъ... Ужъ если кому киргизы обязаны своею культурой, то конечно сартамъ. А мужички у тѣхъ же сартовъ да киргизъ учатся, да и учатся то еще какъ... сартъ хлопокъ сѣетъ или рисъ, а нашъ братъ мужичекъ—пошенічку да ячменекъ,—съ хлопкомъ молъ работы больно много... Оно и выходитъ: сартъ на пяти десятинахъ поливной земли—чуть не помѣщикъ. А крестьянамъ отвели по двадцать да по тридцать десятинъ, воды—хоть отбавляй,—тутъ бы имъ рай земной, а имъ все мало. Выпашутъ свой надѣлъ, удобрять неохота,—и пошли арендовать киргизскую землю, а тамъ и прошенія подавать: „нельзя ли молъ прирѣзочки,—у орды вонъ сколько земли праздно лежитъ“...

На слѣдующее утро ѣдемъ въ сторону отъ большого тракта, въ Георгіевку и Петропавловку. Чуть не вплотную отъ самага Чимкента начинаются и тянутся на двадцать верстъ поля огромнаго сартовскаго кишлака Сайрама, главнаго торговаго пункта Чимкентскаго уѣзда. Вотъ и самый кишлакъ—все тѣ же массы сѣброжелтыхъ лёссовыхъ построекъ, такой же базаръ съ перекрытыми улицами—все эти сартовскія поселенія какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга.

— Сорокъ мечетей,—съ восторгомъ говоритъ, обращаясь къ намъ, ямщикъ-киргизъ!—Много святыхъ,—могила Мириамъ есть, матери Исѣ ²⁾.

Дорога тянется по долинѣ Сайрама. Долина сплошь разработана въ аккуратные квадраты поливныхъ полей, а довольно высоко по склону окаймляющихъ долину безлѣсныхъ горъ тянется то прямая, то изломанная

¹⁾ Кунакъ—мелкій видъ проса, употребляемый и въ пищу, и въ кормъ скоту, очень распространенный среди туркестанскихъ туземцевъ и особенно киргизъ.

²⁾ Мириамъ—Марія, Исѣ—Исусъ.

линія орошающаго эти поля арыка. Ниже арыка весь склонъ горы тоже разработанъ въ поливные пашни, выше—большіе квадраты то занятой хлѣбами, то оставленной въ залежь богары.

На встрѣчу намъ тянется верблюжій караванъ: перекочевываетъ съ горныхъ лѣтовокъ семья богатаго киргиза. Что онъ богатъ,—объ этомъ свидѣтельствуешь, со свойственною киргизскимъ „бѣямъ“ хвастливостью, каргаулъ,—„отличка богатыхъ“, объясняетъ намъ ямщикъ-киргизъ,—султанъ изъ перьевъ, торчащій надъ выюкомъ перваго верблюда. Но еще краснорѣчивѣе о томъ же говорятъ прекрасныя верховыя лошади, дорогіе серебряные пояса мужчинъ—у одного изъ нихъ на рукѣ соколъ въ изукрашенной шапочкѣ, и въ особенности—огромныя табуны скота, которые тянутся вслѣдъ за караваномъ, подъ конвоемъ одѣтыхъ въ лохмотья пастуховъ.

Сайрамскія пашни, долго тянувшіяся широкою сплошною полосой, начинаютъ чередоваться съ пашнями и усадьбами киргизъ. Аккуратныя сѣро-желтыя мазанки со сложенными на плоскихъ крышахъ скирдами соломы и люцерны, около нихъ небольшія по площади, но хорошо выросшія древесныя насажденія, чисто-раздѣланныя поля. Эти киргизы уже совершенно осѣли; „на джайляу не ходятъ“, — объяснилъ намъ нашъ киргизъ-ямщикъ. И, конечно, „числятся“ кочевниками.

А вотъ и надѣлъ Георгіевскаго поселка. Вправо отъ дороги — полоса поливныхъ земель, занятыхъ подъ бахчи и подсолнухъ. Влѣво полоса заброшенныхъ земель, поросшихъ верблюжьею колючкой и совершенно высохшею травою,—но со слѣдами когда-то дѣйствовавшихъ оросительныхъ канавокъ.

— Камень, нельзя пахать, объясняетъ, на наши вопросы, попавшійся навстрѣчу Георгіевскій мужикъ.— Опять же и подъ худобу мѣсто нужно.

— А киргизы не пахали этой земли?

— Они-то пахали! ихнимъ омачемъ можно пахать,— а нашимъ плугомъ нешто этакій камень спашешь!..

Вотъ и Георгіевскій поселокъ: такой же сплошной зеленый садъ, въ которомъ тонуть вымазанныя бѣлою глиной, крѣпкія и просторныя хохлацкія мазанки. По улицамъ—день былъ воскресный—разгуливаетъ деревенская молодежь и разѣзжаютъ верхами киргизы, въ праздничныхъ одеждахъ. То здѣсь, то тамъ, на завалинкѣ, сидитъ группа мужиковъ и мирно бесѣдуетъ съ сидящими на корточкахъ киргизами; кое-гдѣ, въ окнахъ, характерныя фізіономіи киргизъ—у кого-нибудь въ гостяхъ, за самоваромъ.

Заѣзжаемъ, тоже напиться чаю, къ волостному старшинѣ. За чаемъ, конечно, обычные разговоры: о землѣ, объ урожаѣ, объ уборкѣ.

— Можно здѣсь жить-то,—говоритъ старшина, потягивая изъ блюдечка чай. Наши-то, все больше, кто изъ Кустаная сюда пришелъ, кто изъ Актюбы; которые раньше и въ Оренбургской губерніи жили, у башкиръ, аль на Самарѣ,—ну, противъ здѣшняго тамошня мѣста ничего не стоятъ. Тамъ хлѣбъ два года родится, а два года засуха—**нѣтъ ничего. А здѣсь каждый годъ урожай.** Насчетъ покосу тоже хорошо: у киргизцевъ поле было подъ клеверомъ засѣяно,—мы подъ покосъ оставили; сейчасъ ужъ больше десятка годовъ косимъ, трава вонъ какая растеть...

— Но хлѣба-то вѣдь только съ поливомъ родятся!?

— Зачѣмъ!.. мы вотъ пришли—тоже располагали, безъ полива нельзя сѣять; ну, да и нечѣмъ было: скота не было, сѣмянъ тоже, дай Богъ хоть поливную-то землю какъ-нибудь засѣять. А сейчасъ заправился народъ, скотомъ завелись: у насъ въ поселкѣ однихъ быковъ рабочихъ за тысячу, два табуна рогатыхъ ходятъ, лошадей у каждого по двѣ али по три. Плугъ быковъ

всякій житель имѣеть, а у которыхъ по два, да по три плуга. Ну—воды-то и не хватаетъ всю землю полить. По началу боялись безъ поливу сѣять, а потомъ пытаться стали: гдѣ на бугоръ нельзя воды вывести—дай-моль попытаемъ, на фартъ, такъ посѣять; посѣяли—ладно вышло, что на поливной землѣ, что безъ поливу; дальше да больше,—теперь которые на богарѣ больше противъ поливной стали сѣять. А ужъ у киргизцевъ, повыше въ горахъ—тамъ хоть вовсе не поливай... За такую землю дороже поливной платить стали...

— А много арендуютъ мужики у киргизъ?

— Мно-ого... Безъ-мала все кругомъ пораспахали!. Наши мужики, да изъ-подъ Чимкента со всѣхъ поселковъ: тамъ, на степѣ-то, саранча больно обижаютъ,—ну, а въ горахъ саранчи нѣтъ. Вотъ мы на Майбулакъ па-шемъ—тамъ за полтысячи десятинъ хресъяне покортомили; подъ Каскасѣй скрозъ русскіе пахутъ,—киргизцы шибко сдавать стали: послѣ мужиковъ дескать хлѣбъ лучше родится. А которые посправнѣе—тѣ землю берутъ за проценты: дасть киргизу зимой денегъ, аль пшеницы, а весной за то пашетъ, сколько придется. Пропадаютъ тоже за которыми деньги... Въ нашемъ поселкѣ, пожалуй, за тысячу рублей за киргизцами осталось. Киргизцы—они сейчасъ въ рукахъ у нашего брата: всю зиму онъ то хлѣбъ беретъ, то чего! вѣдь бѣдны они, плохо работаютъ.

— А до васъ какъ они жили?

— Да такъ и жили! разъ въ день поѣстъ кузи, аль чего... а теперь попривыкли ѣсть по-русски-то; мы ихъ изъ-за этого и въ работники не больно охочи брать: работаютъ плохо, а съ ѣдой трудно: вари имъ все свое, мясо каждый день чтобъ было. До насъ и не знали, какой такой сахаръ,—а теперь работникъ безъ сахару чаю не пьетъ!.. Работать-то, положимъ, которые уже подучились: косятъ здорово, быковъ тоже запрягать

привыкли. Конечно, и киргизъ разный: и у нихъ есть честные, да работающіе,—и между нашимъ братомъ всякій народъ.

Версть десятокъ выше по Сайраму—небольшой поселокъ Петропавловскій, возникшій всего тому три года. Мазанки самого типичнаго хохлацкаго вида, вокругъ мазанокъ молодое древесное насажденіе; лишняя вода изъ арыковъ заливаешь дорогу и сбѣгаетъ внизъ, въ долину рѣки. По гумнамъ огромные стога сѣна и ометы соломѣ, на дворахъ и на улицѣ—каменные молотильные катки, ручныя вѣялки. И здѣсь множество киргизъ—угощаются, пьютъ чай, разговариваютъ.

Большинство жителей поселка—харьковцы, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, всѣ—изъ двухъ сосѣднихъ деревень. Послали „въ Ташкенъ“ ходоковъ,—тѣ прожили цѣлый годъ и высмотрѣли землю; потомъ, прямо уже на облюбованное мѣсто, пришли и остальные. Сначала заарендовали у сартовъ землю на тридцать лѣтъ,—а потомъ сарты сами предложили купить „на вѣчность“: по 65 рублей за пай, а въ паю по 20 десятинъ поливной земли, да „еще сколько-то неполивнаго выгона“,—да право на четыре кулака¹⁾ воды для поливки пашень, да два кулака на усадьбы.

— Чтò больно дешево?—спрашиваю я.

— Киргизцы имъ травили землю,—они и надумали насъ сюда пустить: располагаютъ такъ, что мужики киргизцевъ отвадятъ скотъ зря пускать,—тогда и сартамъ на своей землѣ вольготнѣе будетъ.

— Чтò-же, хорошее здѣсь мѣсто?

— Чѣмъ не хорошее! воды сколько хочешь, да и безъ полива хлѣба родятся. Только однимъ неловко: холстомъ земля вытянулась, безъ мала что на десятокъ

¹⁾ Кулакъ—мѣстная мѣра оросительной воды.

версть,—къ самому Егорьевскому поселку подошла. Мы было тамъ и поселились; да тамъ вода худая — стали болѣть, которые и примерли. Сюды перешли, у живой воды дома поставили,—такъ отсюда опять далеко на поля попадать, черезъ рѣчки да арыки; какъ вода съ горъ набѣжитъ, такъ черезъ рѣчки и вовсе не переѣхать: ужъ сколько воевъ съ хлѣбомъ, да съ сѣномъ потопили... Больно только общество у насъ несогласное!

— Чтò такъ?

— Да такъ вотъ: по началу все изъ-за усадебъ спорили. У насъ вѣдь въ поселкѣ не все хохлы — десять домовъ есть со всякихъ мѣстовъ: въ Чимкентѣ раньше жили да по поселкамъ,—такъ вотъ, съ ними все нелады; а теперь и изъ своихъ, кто побогаче, общественную землю запахиваютъ.

— А у васъ земля не разбита по паямъ?

— Какъ не разбита! Да они нешто глядятъ! пашутъ, сколько имъ надо, да и все тутъ; прогоны перепашиваютъ, ничего знать не хотятъ. Мы вотъ, которые побѣднѣе, хотимъ на вѣчность раздѣлиться, а то они намъ вовсе не даютъ житья.

— Чтò-жъ у васъ, развѣ уже вся земля распахана!

— Какой тебѣ вся! на первый разъ по три десятины на пай подѣлили, потомъ по пятку. Только еще обзаводимся,—все больше на заемныя деньги.

— У кого занимаете?

— Да у егорьевскихъ мужиковъ больше. Дастъ онъ тебѣ сто рублей,—а ему за процентъ десятину пшеницы отдай. А десятина пшеницы—она вѣдь тоже на сто рублей выйдетъ... Ну, сейчасъ ужъ которые изъ долговъ выходить стали. Тоже вотъ съ водою первое время намаялись. Первый годъ вовсе не поливали—не умѣли взяться; слава-те Господи, дожличка послалъ, такъ хлѣбъ хорошо уродился. А кто польетъ—пустить воду, стоитъ,

разставя руки, и глядять,—а вода на двадцать десятинь разольется. Стали киргизъ нанимать на поливку, а сами у нихъ учились. А то который видить—киргизъ пошелъ свою пашню поливать, за нимъ бѣжитъ, посмотрѣть, значить. Ну, сейчасъ-то ужъ выучились, воды зря не упустимъ...

Въ тотъ же день, вечеромъ, вернулись въ Чимкентъ, а на другое утро поѣхали дальше, по Аульеатинскому тракту.

Вотъ поселокъ Красныя-воды—какъ и всѣ другіе, въ густой, искусственно насаженной рощѣ. Изгороди плоховаты, воротъ у многихъ дворовъ вовсе нѣтъ. Нѣсколько просторныхъ домовъ съ раскрашенными оконными рамами и желѣзными крышами, но больше—сѣрыя мазанки съ камышевыми или глиносоломенными крышами; многія обнесены неширокими галлерейками, съ крышами на тоненькихъ столбикахъ. Передъ многими домами, на кучѣ бревенъ или прямо на землѣ, выложено по нѣскольку арбузовъ или дынь, предназначенныхъ для продажи возчикамъ проходящихъ мимо обозовъ или каравановъ. На трактѣ, въ самомъ дѣлѣ, огромное движеніе: верховые киргизы, арбяные обозы съ хлѣбомъ изъ Семирѣчья или съ „россійскою“ мануфактурою и бакалеей, верблюжьи караваны съ шерстью, мужицкія фурманки, запряженные парю быковъ, характерные колониетскіе фургоны, занесенные въ край мennonитами и константиновскими нѣмцами...

Вотъ стоятъ рядомъ, почти слившіеся другъ съ другомъ, поселки Черная рѣчка, Бѣловодовскій и огромный сартовскій кишлакъ Манкентъ. За Манкентомъ длинный-длинный спускъ къ рѣчкѣ Машату, на ней небольшой русскій поселокъ Антоновка.

Пока происходитъ перепряжка, къ почтовой станціи собирается небольшая кучка мужиковъ — не началь-

ство-ли, молъ, какое-нибудь ѣдетъ, которое могло бы „распорядиться“ и помочь ихъ горю...

— Житъя намъ не стало отъ общества — рассказываетъ одинъ изъ нихъ, немолодой мужикъ съ окладистою бородою.

— А вы то сами кто же?—спрашиваю.

— Новенькіе мы. Коренныхъ жителей этта шестнадцать домовъ, да насъ — вотъ, новенькихъ, шестнадцать.

— Чтò жъ вы, не приписаны, что-ли?

— Поштò не приписаны! приписаны, земскія платимъ, общественный сборъ платимъ, — да только приписать-то насъ начальство приписало, а земли на насъ нѣту — однѣ усадьбы отведёны; киргизскою землею пользуемся.

— Арендуете?

— Которые кортомятъ, а больше изъ третьей части пашемъ: киргизинъ, чья, значить, земля, полить должны, да сжать хлѣбъ, — а нашъ братъ спахать долженъ, да посѣять своими сѣменами; изъ урожая киргизину одна часть идетъ, а намъ двѣ.

— Житъя только намъ старожители не даютъ, вмѣшался другой, молодой мужикъ; дуютъ насъ и выживаютъ: за воду берутъ по три цѣлковыхъ съ усадьбы, — а у самихъ вода-то зря пропадаетъ; за скотину берутъ по три рубля, — а скотину-то мы и не пускаемъ на ихнюю землю, на казенной пасемъ.

— На какой это казенной?

— А киргизцы жейляу ¹⁾ зовутъ: лѣтомъ скотина ихняя ходить, съ Дарьи тоже киргизцы приходятъ скотъ пасты — тутъ она по-за околицей сейчасъ и подошла... Киргизцы-то намъ не препятствуютъ; смирёные они, не обижаютъ нашего брата, даромъ что орда...

¹⁾ Джайляу — лѣтнее пастбище.

Общественный табунъ, у старожителевъ, тоже на казенной землѣ ходить, заодно съ киргизскою скотиной. Обижаются только киргизы на общество-то: хресьянскій скоть на казенной землѣ завсегда ходить, а киргизская скотина какъ за хресьянскую межу зайдетъ—сейчасъ загонять и за протраву возьмутъ.

— Не сойтись намъ здѣсь видно съ обществомъ, продолжалъ первый мужикъ—говорять и себѣ земли мало. Высмотрѣли мы ужъ себѣ мѣстечко, въ горахъ, на Юрь-су. Хорошее мѣсто, проѣздъ удобный—можно мужику жить. Которые тамъ ужъ и землю покортмили, а сейчасъ покупать налаживаемся.

— Кто же продаетъ землю?

— Котунъ-бекъ тамъ есть—богатый киргизинъ... десятинъ тысячъ до десятка у него тамъ есть; спорять они насчетъ этой земли съ Иманбаемъ,—онъ и надумалъ продать землю; дешево беретъ, да еще воду вывести сулится; да туда и воды выводить не надо—безъ полива хлѣбъ родится.

— Да какъ же онъ можетъ продать? вѣдь земля не его, а общественная!

— У нихъ, ваше степенство, богатые все могутъ: захочетъ продать—и продастъ, никого не спросить... Вотъ, будете ѣхать, увидите—на Каракчи-булакѣ зимовки разломанныя: ужъ годовъ пятокъ антоновскіе мужики это мѣсто у богатаго киргизина окортмили—на тридцать лѣтъ, сказываютъ; курганчи поразломали, которыхъ киргизцевъ въ тотъ же часъ прочь согнали, а которыхъ на годъ оставили.

— Ну, и что же, такъ антоновцы и пользуются?

— Нѣтъ, не вышло: киргизцы жаловаться стали—до генераль-губернатора доходили; настоящаго-то рѣшенія, кажись, еще не вышло,—а только не сѣютъ они на той землѣ—не допускаетъ ихъ начальство.

— А нельзя ли, ваше благородіе,—вмѣшался третій

мужикъ, — на Юрь-су намъ землю подъ поселокъ отвести? больно удобное мѣсто!

Я начинаю объяснять, что въ той мѣстности земля не предназначена подъ заселеніе, а состоитъ въ пользованіи киргизъ.

— Да чего-же, ваше благородіе, на нихъ, на орду, глядѣть-то!.. прикажетъ имъ уѣздный начальникъ отдать землю подъ поселокъ—нѣшто они станутъ супорствовать! которые вотъ есть поселки—тоже не больно-то много киргизцевъ спрашивали: скажетъ уѣздный—пишите приговоръ, да и все тутъ...

Однако, лошади давно поданы—ѣдемъ дальше. Мѣстность замѣтно повышается, и лёссовая степь начинаетъ чередоваться съ каменистыми склонами и плато. Въ одномъ мѣстѣ, на самой дорогѣ, небольшой сартовскій кишлакъ съ многочисленными—почти сплошь—чайханами и каравансараями.

— Тюлькубашъ, говоритъ мой товарищъ по экскурсіи. Земля киргизская, — а сарты за долги получили дозволеніе поселиться. А мѣсто-то удобное: ровно полдороги между Чимкентомъ и Аулиеатъ — всѣ обозы останавливаются; даже русскіе, и тѣ охотнѣе кормятъ здѣсь, нежели въ Ванновкѣ. Вотъ, и выросъ настоящій торговый кишлакъ. Только въ преподлую исторію они попали!

— А что такое?

— Да вотъ—тоже изумительный примѣръ самовольства киргизскихъ богачей. Въ одинъ прекрасный день совершенно посторонній киргизъ — даже рода другого, взялъ, да сдалъ всю эту мѣстность въ аренду крестьянамъ изъ Корниловки да изъ Ванновки, вмѣстѣ съ киргизскими зимовками и съ сартовскимъ кишлакомъ; да еще какъ сдалъ — по нотаріальному договору!.. Тѣ конечно, какъ только договоръ заключили, первымъ дѣломъ обложили сартовъ въ свою пользу: по копѣйкѣ

съ квадратной сажени. Ну — тутъ ужъ казна вмѣшалась: возбудили дѣло объ уничтоженіи договора...

Поселокъ Ванновскій. На время перепряжки заѣзжаемъ къ священнику—чайку попить, побесѣдовать.

— Какъ же вамъ здѣсь живется, батюшка, спрашиваемъ мы послѣ обмѣна привѣтствіями?

— Да ладно жилось, — только общество больно несогласное. То есть общество-то ничего — а билетныхъ здѣсь очень ужъ много—столько же, сколько старожиловъ. Мучать ихъ просто старожилы: за каждую лошадь, хоть онъ ее въ пригонѣ кормить, по три рубля берутъ; живутъ они по квартирамъ—а съ нихъ берутъ за проживание по шести рублей съ семьи. Не жалѣеть мужикъ мужика — всѣ ихъ жалѣютъ, а сами они другъ дружку — нисколько... А больше они изъ-за того билетныхъ выживаютъ, что тѣ имъ у киргизъ воду воровать не даютъ.

— Какъ это такъ?

— Да такъ. Вода то у ванновцевъ изъ одного арыка съ киргизами, а киргизы народъ простой, мужикъ ихъ всегда на чемъ-нибудь нагрѣетъ. А вотъ, какъ пошли билетные у киргизъ землю арендовать,—имъ вода нужна, они и смотрять, чтобы на киргизскую землю воды попадало сколько слѣдуетъ. Аксакалу тоже платять, чтобы не обижалъ.

— Какому аксакалу?

— А который воду распредѣляетъ. Сейчасъ крестьянинъ выбранъ изъ Ванновки. Ну, жалованья ему полагается сорокъ рублей да по пуду хлѣба съ двора, а билетные и киргизы ему особо платять, чтобы киргизъ не обижалъ водою.

Отъ Ванновскаго опять замѣтный подъемъ до поселка Высокаго, расположеннаго на высотѣ свыше тысячи двухсотъ метровъ, на самомъ горномъ узлѣ, гдѣ отъ

Таласскаго Алатау отдѣляется невысокій Каратаускій хребетъ.

Въ Высокое приѣзжаемъ довольно поздно вечеромъ и остаемся ночевать. Пока грѣется самоваръ, мы выходимъ на улицу, полюбоваться чудною лунною ночью. Навстрѣчу намъ какой то мужичокъ съ лопатой, съ которымъ мы и пускаемся въ разные разговоры.

— Я то самъ,—разсказывалъ онъ,—Калудцкой губерніи. Только мало нашихъ, въ поселкѣ то три двора всего, аль четыре. А то все больше хохлы. Раньше то они по участкамъ жили, — кто на Донщинѣ, кто въ Астраханской губерніи, кто гдѣ; одинъ старикъ, сказываетъ, восемнадцатую хату строить. Споръ сейчасъ большой идетъ въ обществѣ, насчетъ земли. Прежде то, какъ пришли, землю по паямъ раздѣлили: не гнались поначалу за землей, располагали такъ, что на одномъ паю прожить можно. Ну, а какъ стали малолѣтки подрастать,—имъ земли то и нѣтъ; которые семейные, тоже на одномъ паю не прожить. Вотъ и просятъ—землю по душамъ подѣлить. Ноньче вотъ сходъ былъ: гомону было, не дай ты Господи! Да не взяла еще сила то; какъ стали голоса считать,—за передѣлъ пятьдесятъ семь набралось, а сорокъ три—по паямъ оставаться; двухъ то третей и не вышло. А только не обойтись безъ дѣлежа,—никакъ безъ этого невозможно. Мнѣ то самому и такъ хорошо, — одинакой я. А вотъ которые малолѣтки, да отдѣленные, — вонъ ихъ сколько, цѣлый выселокъ,—показалъ нашъ собесѣдникъ куда то въ темноту: тѣмъ худо; на каждый сходъ ходятъ, кланяются,—дайте, молъ, старички, земли; а тѣ не даютъ.

— А какъ же живутъ они?

— Да такъ, живутъ. По киргизамъ землю кортомятъ. Ну, у котораго земля вовсе выпахалась, аль ничего нѣтъ,—дадутъ ему какую десятинку; уходятъ вотъ тоже которые на новыя мѣста, отъ тѣхъ земля остается.

— А много уходить?

— Немного. Чего уходить то! Жисть здѣсь хорошая, бѣдныхъ во всемъ поселкѣ ни одного нѣтъ, а богатыхъ, по два да по три плуга,—порядочно. Первые то годы больше уходили: боязно было посередѣ орды жить, говорить по ихнему не знали. А сейчасъ привыкли: все съ киргизами, и нанять можетъ, и насчетъ земли сговориться; а ребятишки и вовсе выучились по ихнему балакать; съ пастухами гуляютъ, въ гости ходятъ. Работники тоже у богатенькихъ все изъ киргизцевъ; эти только года, какъ саранча на степѣ обижать стала, мѣщане изъ подѣ Чимкента въ работники стали наниматься.

Еще два или три станціонныхъ перегона. Дорога спускается съ перевала, сначала слѣдуя за едва замѣтнымъ пониженіемъ плоскогорья, потомъ извиваясь по узкой лощинѣ, вдоль небольшого ручья. Около станціи Куюкской, стоящей совершенно одиноко у самаго устья лощины, дорога выходитъ на широкое подгорное плато, протянувшееся, съ едва замѣтнымъ пониженіемъ, къ городу Аулиеатѣ и дальше на востокъ. Справа виднѣется невысокая передовая цѣпь главнаго Таласскаго хребта, но основной массивъ, съ его снѣжными вершинами, совершенно не виденъ изъ-за заволакивающей жаркій воздухъ сѣровой дымки.

На станціи Куюкской вниманіе наше привлекаютъ двѣ вещи: необыкновенная чистота на самой станціи, которую мы ставимъ въ прямую связь съ интеллигентнымъ и приличнымъ видомъ станціоннаго писаря, видимо какого-нибудь неудачника, выброшеннаго жизненною бурей на дикія скалы Куюкскаго ущелья,—и... русскій ямщикъ, сядящійся на козлы нашего экипажа; отъ самаго Ташкента ямщики были исключительно киргизы. Пустившись въ разговоры съ этимъ ямщикомъ, мы дѣлимся съ нимъ своимъ недоумѣніемъ по поводу этого поразившаго насъ факта.

— Побѣднѣе наша деревня-то, отвѣчалъ на это ямщикъ: изъ Головачевки мы — сейчасъ вотъ будемъ ѣхать; земля у насъ больно худая—одинъ камень; какъ были новыя земли, такъ хлѣбъ хорошо родился, а сейчасъ земля вовсе выпахалась, а назымить нечѣмъ — навозъ на кизяки идетъ. Сейчасъ своей земли совсѣмъ пахать не стали, все по киргизамъ кортомятъ. Которые на арендахъ хорошо заправились—тѣ ладно живутъ, десятины десятка по два засѣваютъ, а то и по три. А которые съ плохихъ урожаяевъ позорились—въ работахъ живутъ; насъ вотъ двое въ ямщикахъ на станціи. Пять семействъ и совсѣмъ ушли; дома-то продавали новенькимъ,—а земли имъ общество не даетъ: себѣ нужно.

— Не такая, значить, ужъ плохая земля, коли не захотѣли новенькимъ дать? кабы была негодная, небось силѣмъ стали-бы навязывать?!

— Нѣтъ, какая ужъ земля,—а только мужику земля завсегда нужна...

Вотъ и сама Головачевка—плохо обстроенная деревенька, и—что особенно бросается въ глаза—съ очень незначительными и малорослыми древесными насажденіями. Сейчасъ же за деревней переѣзжаемъ вбродъ, громыхая по крупнымъ каменнымъ обломкамъ, черезъ рѣчку Асу, текущую здѣсь тремя небольшими рукавами.

— Весной—разсказываетъ ямщикъ—общество наше мостъ ставить черезъ Асу — нынче вотъ паводкомъ снесло. Берутъ за проѣздъ по малости, а за годъ сотъ пять аль шесть обществу достается.

— А проѣзжіе не жалуются?

— Чего тебѣ жалуются—благодарятъ: сильно водная весною Аса-то, вбродъ когда и вовсе не проѣхать...

Изъ Аульеата намъ предстоитъ проѣхать въ горы, вверхъ по теченію Таласа, до расположенной въ семи-десяти верстахъ группы меноннитскихъ поселковъ.

Версть двадцать пять нашъ путь лежитъ по той же широкой подгорной террасѣ. Сначала—длинная цѣпь тѣнистыхъ садовъ, сѣро-желтыхъ усадебъ, окруженныхъ глинобитными зубчатыми стѣнами, и караванъ-сараявъ, принадлежащихъ аульеатинскимъ сартамъ. Затѣмъ — открытая степь. По сторонамъ виднѣется нѣсколько большихъ группъ густой зелени—то сартовскіе кипчаки, то русскіе поселки, посаженные на взятой у сартовъ и у киргизъ землѣ. Вдоль нашего пути то засѣянные пашни, то поля, освободившіяся изъ подъ раннихъ яровыхъ—пшеницы или ячменя, то дикая степь, но съ сохранившимися слѣдами оросительныхъ бороздокъ. Въ разныхъ направленіяхъ, длинными, но не частыми рядами, вытянулись киргизскія зимовки или курганчи, съ обязательными скирдами люцерны на плоскихъ крышахъ и съ небольшими древесными насажденіями, почти при каждой курганчѣ. Кое-гдѣ киргизы то жнутъ хлѣбъ, то косятъ второй или третій сборъ люцерны, то занимаются чисткою оросительныхъ канавъ.

Вотъ и ущелье Большая Капка, черезъ которое Таласъ прорывается изъ горъ на широкую предгорную равнину. Немного не доѣзжая ущелья дорога подходит почти вплотную къ самому Таласу. Въ то же время къ дорогѣ подступаетъ сначала одинъ арыкъ, потомъ другой, который идетъ откуда то совсѣмъ съ другой стороны (вѣрнѣе—бѣжитъ куда то совсѣмъ въ другую сторону), а у самаго выхода изъ Капки, примѣрно на версту, тянется совсѣмъ рядомъ съ первымъ; онъ только приподнятъ на искусственно насыпанное, немного повышенное надъ горизонтомъ, русло, потому что вода изъ этого арыка обслуживаетъ гораздо болѣе отдаленныя поля. Вотъ дорога подступила уже совсѣмъ къ

обрывистому берегу Таласа. Внизу, по узенькой прибрежной полосѣ, бѣжитъ еще третій арыкъ, на другомъ берегу рѣки — четвертый, еще съ полверсты дальше, уже у самого вѣзда въ Большую Капку, показывается пятый, уходящій куда то далеко въ противоположную сторону. Тутъ же и „головы“ двухъ изъ этихъ арыковъ: параллельно берегу рѣки, на нѣсколько вершковъ надъ водою, возвышается недлинная гряда камней, изъ подъ которыхъ торчитъ гдѣ дернъ, гдѣ хворостъ. Это немудреное сооруженіе отхватываетъ часть теченія рѣки и направляетъ воду въ оросительный каналъ; немного удлиняя эту гряду или сбрасывая часть камней, туземный ирригаторъ регулируетъ поступленіе воды въ арыкъ, сообразно часто измѣняющемуся уровню воды въ рѣкѣ и надобности въ ней для полива.

Слѣдомъ за остальными тремя арыками или, вѣрнѣе, навстрѣчу имъ, нашъ экипажъ вѣзжается въ узкое, длиною пару верстъ, ущелье. Дорога проложена по высѣченному въ скалѣ карнизу, то спускаясь почти къ самому руслу шумно бѣгущей по своему каменистому ложу рѣки, то поднимаясь надъ нею на нѣсколько десятковъ саженъ. Арыки бѣгутъ сначала по узенькой полосѣ прибрежнаго наноса, одинъ по одной сторонѣ рѣки, еще два, одинъ надъ другимъ,—по другой, а гдѣ теченіе рѣки непосредственно подступаетъ къ скалистому обрыву, тамъ арыкъ бѣжитъ по устроенному въ самомъ руслѣ рѣки искусственному каменному жалобу.

Изъ ущелья выѣзжаемъ въ неширокую — полторы или двѣ версты—горную долину. Правый берегъ Таласа крутой и обрывистый, безъ слѣда жилья или культуры. Лѣвый, по которому мы ѣдемъ,—ровная терраса, окаймленная также цѣпью невысокихъ скалистыхъ горъ. По ихъ склонамъ тянутся линіи арыковъ, взявшихъ воду либо изъ булаковъ ¹⁾, либо изъ Таласа, гдѣ-нибудь

¹⁾ Ключей.

выше по теченію и выводящихъ ее на культурныя земли долинной террасы.

Микуемъ, оставляя его нѣсколько въ сторонѣ, Ключевской поселокъ. Вблизи поселка, кое гдѣ, кучки вывезеннаго навоза.

— Подъ клеверъ вывозимъ, — объясняетъ мужикъ, сваливавшій навозъ съ телѣги на одну изъ непосредственно лежащихъ у самой дороги полосъ. Подѣлили поныче, на нѣмцевъ гляючи, по десятинѣ на домъ удворной земли. На вѣчность подѣлили, чтобы навозить. Раньше то у насъ вся земля была по дворамъ подѣлена. Спору много было въ обществѣ — а поныче всю землю, окромя клеверовъ, раздѣлили по душамъ; на три года подѣлили, которую землю эти года за-сѣвать; а прочая земля какъ отдохнетъ—тоже по душамъ подѣлять.

— А хорошо хлѣба родятся?

— Да всяко. Больно похвалить тоже нельзя—земля бѣлая, силы въ ней мало. А все же противъ расейскаго куда лучше.

— А откуда ваша деревня?

— Хохлы все больше, разныхъ губерній. По началу больше кустанайцы были, да никого не осталось; все поразошлись, кто куда,—а въ ихъ мѣсто новыхъ уѣздный начальникъ попричислялъ. Новенькихъ есть домовъ десятка полтора—все сродники, да сусѣди, да земляки. А только земли имъ ужъ не даютъ — себѣ, моль, не хватаетъ. Ну, этимъ, которымъ, худо живетъ. А у кого семья рабочая—тѣмъ ничего: зарабатываютъ. Кто гдѣ, *снимаютъ землю у киргизцевъ,—живутъ себѣ...*

Еще десятокъ верстъ, и мы добираемся до группы меноннитскихъ поселковъ. На самомъ тракту—сравнительно большой „колѣнокъ“ Орловъ (удареніе на о)—названіе, которое менонниты принесли съ собой откуда то изъ Пруссіи, которое они дали своей колоніи

въ Самарской губерніи и съ которымъ пришли сюда, въ глухія предгорья Алатау; немного поодаль—группа изъ четырехъ другихъ, меньшихъ по размѣрамъ „колонковъ“. Впрочемъ именно только эти колѣнки—чисто меноннитскіе. Въ Орловѣ только половина поселка—менонниты, и тѣ—отлученные отъ меноннитской общины за недостаточную твердость въ правилахъ вѣры и уступчивость требованіямъ свѣтской власти; остальные—нѣмцы-лютеране, земляки обитателей Константиновскаго поселка. Всѣ пять колѣнковъ рѣзко отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ отъ русскихъ поселковъ края. Обширныя усадебныя мѣста, обнесенныя аккуратными глинобитными стѣнами; просторные дома, каждый въ двѣ или болѣе комнатъ, аккуратно построенные, частью оштукатуренные лѣссовою замазкой, частью выкрашенные въ разные свѣтлые цвѣта, почти всегда—подъ одною крышею со скотскими хлѣвами; чрезвычайно регулярно разсаженные и хорошо содержанныя древесныя насажденія и прекрасныя фруктовые сады—хотя собственно въ отношеніи построекъ колѣнки туркестанскихъ меноннитовъ не выдерживаютъ сравненія съ меноннитскими селеніями Самарской губерніи.

Мы рѣшаемъ остановиться на ночлегъ въ колѣнкѣ Орловѣ, у *Herr'a Starost'a*. Я передаю ему поклоны отъ родственниковъ и сосѣдей, — и насъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, какъ дорогихъ гостей.

Конечно, чай, съ какимъ то нѣмецкимъ печеніемъ и удивительнѣйшими, по размѣрамъ и чистотѣ, яблоками. И конечно, разговоры о житьѣ-бытьѣ.

— Хорошо здѣсь жить, объясняетъ намъ *Herr Starost'a*, — настоящій *Herr*, съ длинными бакенбардами, пробритымъ подбородкомъ и въ городскомъ пиджакѣ, совершенно подѣ статъ его усадьбѣ, съ необыкновенно подчищеннымъ декоративнымъ садикомъ, дворомъ, выложеннымъ камешками, и его гостиной, съ город-

скою мягкою мебелью и заставленными всякими бездѣлушками стеклянными шкапами: у каждаго, кто только не самый бѣдный, по пять-шесть лошадей, и столько же коровъ. Самое лучшее здѣсь — что разъ польешь землю, такъ неурожая уже не бываетъ; въ Самарѣ вѣдь бывало, что и по четыре пуда съ десятины собирали, а здѣсь даже въ нынѣшнемъ году по сорокъ пять да по пятьдесятъ пудовъ,—а такого плохого урожая, какъ нынче, никогда не бывало.

— А много у васъ земли?

— Немного: во всѣхъ колонкахъ по двадцати десятинъ на семейство. У насъ въ колонкѣ раздѣлили такъ, что каждому отъ самага двора нарѣзали по три десятины подъ навозъ — тутъ садъ съ огородомъ, тутъ и клеверное поле, а послѣ клевера года два-три хлѣбъ сѣмь. Полевая земля въ восьми мѣстахъ—съ десятину на дворъ пшеничной земли, двѣ десятины чернозему, да десятинъ восемь—бѣлой земли. Остальное—выгонная земля, болотистая, немножко сѣнокоса.

— Что-же, ваши менонниты обходятся надѣльною землею?

— Какъ можно, что вы! всякій арендуетъ у киргизъ, и наши, и русскіе; вездѣ кругомъ, все аренды—haben alles Land ausgesogen (конечно, и здѣсь весь разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ)... Прежде за деньги арендовали, рублей по 5—6 за батманъ; теперь киргизы за деньги не сдаютъ, а только изъ половины урожая; да и то, эти года они уже и жать отказываются, а требуютъ дѣлить урожай на корню. Трудно теперь вести хозяйство—хоть хлѣбъ и въ цѣнѣ, да за то земля обходится гораздо дороже.

— А киргизы сами хорошо живутъ?

— Плохо! Alles durch ihre eigene Schlechtigkeit: вѣдь у нихъ какіе обычаи! Волостной управитель безъ десяти-двѣнадцати рублей не приметъ заявленія о по-

кражѣ; за тридцать-сорокъ копѣекъ для всякаго дѣла можно лжесвидѣтеля нанять—вотъ какой это народъ! Нынѣче навѣрно голодать будутъ! вѣдь киргизъ никакого разсчета не понимаетъ: понадобились деньги, все равно, на дѣло или на пустяки,—ужь онъ ни на что не смотритъ: хлѣбъ запродаеть впередъ, землю отдаетъ на 10 лѣтъ подъ посѣвы, забирается подъ работу. Эти года вотъ хлѣбъ по рублю и болѣе пудъ, а они съ зимы закупаютъ по четыре съ полтиной за батманъ ¹⁾; жать начинаютъ по три рубля за батманъ—значить, полтора рубля за десятину; хлѣба съ зимы столько закупаютъ, сколько и при хорошемъ урожаѣ не получить; придетъ урожай—все приходится отдать; на зиму безъ хлѣба остался—опять забирать надо... Эти года многіе и пахать перестали: раньше пахали, а теперь всю землю исполщикамъ отдаютъ. Вѣдь они какіе: у кого пять-шесть головъ скота—тотъ уже бай и уходитъ на лѣтовку въ горы, не думаетъ о томъ, что будетъ зимой...

— А по вашему, здѣсь какое хозяйство болѣе выгодно—земледѣльческое, или скотоводческое?

— А смотря по цѣнамъ... Прежде вотъ батманъ овса рубль стоилъ или полтора — такъ свиней откармливали (меноннитскіе окорока и посейчасъ славятся въ Ташкентѣ!). Теперь ужь это невыгодно. Хлѣбъ въ цѣнѣ—стали больше хлѣбъ сѣять. Скотоводствомъ, конечно, тоже всѣ занимаются въ колонкахъ, только не такъ, какъ русскіе: рогатый скотъ больше для молока держимъ—сыроварни у насъ есть въ колонкахъ, по

¹⁾ Батманъ—собственно мѣра сыпучихъ тѣлъ, равная приблизительно нашей четверти или немного больше. Затѣмъ, этимъ же названіемъ туземцы обозначаютъ и площадь, на которую высѣвается одинъ батманъ зерна; при принятомъ рѣдкомъ посѣвѣ это составляетъ около двухъ десятинъ.

пятьдесятъ копѣекъ за ведро платять; а потомъ, выкармливаемъ выѣздныхъ лошадей, рублей по полтора продаемъ, по двѣсти, рогатый скотъ тоже—по 40—50 рублей продаемъ на мѣстѣ, а въ Ташкентѣ за нашихъ коровъ и по сту рублей даютъ.

— Откуда жъ у васъ такой скотъ?

— А у насъ производители есть общественные: жеребцы орловскіе, голландскіе быки—уходъ тоже не такой, какъ у крестьянъ. Вотъ не угодно-ли вамъ посмотреть мой скотный дворъ?

И Herr Starost повелъ насъ въ обширное, свѣтлое строеніе, съ деревяннымъ покатымъ поломъ и стоками для жидкихъ нечистотъ, съ отдѣльными стойлами и яслями для каждой лошади и для каждой коровы, блестящее, въ полномъ смыслѣ слова, голландскою чистотой.

— Такъ вѣдь это вѣрно только у васъ такъ,—замѣтилъ я, у другихъ вѣдь нѣтъ такой роскоши!...

— Нѣтъ, это ужъ у всѣхъ; у кого скотный дворъ больше, у кого меньше, но устройство у всѣхъ такое: такъ у насъ еще на родинѣ было заведено.

Изъ скотнаго двора мы прошли въ садъ, и тутъ сразу увидѣли, почему у меноннитовъ яблоки получаютъ безъ малѣйшаго изъяна: каждое дерево, очевидно, является предметомъ самаго тщательнаго ухода, земля подъ деревьями идеально взрыхлена и содержится въ черномъ пару—нигдѣ не видно ни малѣйшей травинки...

Идемъ осматривать всякіе амбары и сараи,—въ сараяхъ обычные колоннестекіе фургоны, но тутъ же и экипажъ полугородского типа, разные плуги, молотилка, вѣялка.

— Изъ Россіи выписывали?—спрашиваемъ мы.

— Нѣтъ, у насъ въ колонкахъ мастера дѣлаютъ. Плуги вотъ заводскіе,—одинъ только здѣшной работы. Раньше наши мастера плуговъ не дѣлали, года

три всего какъ стали дѣлать: взяли эккертовскій шаблонъ, только рамы дѣлають покрѣпче, потому что очень каменистая земля...

Посмотрѣли еще и семейное кладбище—тутъ же, на полевомъ участкѣ, маленькій квадратикъ, обнесенный хорошенькою изгородью, съ двумя чисто содержимыми могилками, аккуратно засаженными цвѣтами.

За ночь надъ Таласскою долиною пронесся проливной дождь, который очистилъ воздухъ отъ заволакивавшей его дымки, а на немного сотъ метровъ выше выпалъ въ видѣ снѣга. И возвращаясь изъ колонковъ въ Аульеата, я все время любовался покрытыми чистымъ, свѣже выпавшимъ снѣгомъ, вершинами передового хребта, изъ-за котораго мѣстами выглядывали снѣжныя вершины главной цѣпи Таласскаго Алатау.

VII.

In darkest Kirghizia.

Нашъ небольшой караванъ — десятка полтора верховыхъ лошадей — окончательно готовъ. Вьюки навьючены, люди сѣли въ сѣдла и потихонечку выѣзжаютъ, одинъ за другимъ, изъ двора дома начальника уѣзда. Миѣ посчастливилось попасть въ свиту одного довольно важнаго мѣстнаго начальства, а потому нашъ караванъ имѣетъ торжественный видъ. Впереди, въ яркихъ шелковыхъ халатахъ, Аульеатинскій городской аксакалъ, провожающій начальство до границы города, да два или три управителя ближайшихъ къ городу киргизскихъ волостей; при каждомъ изъ нихъ—верховые джигиты; нѣсколько верховыхъ киргизъ, ведущихъ въ поводу вьючныхъ лошадей; въ хвостѣ шествія дан-

ный намъ въ качествѣ переводчика джигить уѣзднаго управленія, въ бѣломъ коломанковомъ бешметѣ, папахѣ съ красною тульею и шашкѣ чрезъ плечо. Туземцы на базарѣ, только еще открывающіе свои лавки, дѣлають кулдукъ, немногочисленные встрѣчающіеся русскіе снимають шапки. На самой чертѣ города городской аксакаль слѣзаетъ съ лошади и пропускаетъ мимо себя начальство, которое обмѣнивается съ нимъ, черезъ переводчика-джигита, парю благодарственныхъ и привѣтственныхъ словъ.

Цѣлый день, потомъ еще день двигаемся ровною степью. Мы тянемся большою караванною дорогою, съ десятками параллельныхъ верблюжьихъ слѣдовъ, то по совершенно ровной, то по слегка всхолмленной степи. По лѣвую руку продолжаютъ видѣться каменистыя предгорья и красивыя снѣжныя вершины Алатау, по правую долго тянется почти сплошная цѣпь киргизскихъ курганчей, съ уложенными на крышахъ скирдами люцерны. Сѣробоурая или сѣрожелтая, то плотная лёссовая, то рыхлая супесчаная почва степи усѣяна отдѣльно-стоящими характерными шапками „колючекъ“, между которыми мѣстами пробивается, послѣ недавняго случайнаго ливня, молоденькая ярко-зеленая трава — предвѣстникъ того сплошнаго травяного ковра, который покроетъ степь послѣ большихъ осеннихъ дождей; по низинамъ располагаются, то узкими полосками, то обширными площадями, покрытые не крупнымъ, но густымъ зеленымъ ковромъ солонцеватые „сазы“, которые на днѣ низинъ переходятъ въ голые солонцы — „такры“. То тутъ, то тамъ небольшіе арыки. Но большинство арыковъ совершенно пересохло, и пахатныя земли, гдѣ ихъ можно разсмотрѣть съ дороги, почти вездѣ, какъ будто-бы, пустуютъ; лишь изрѣдка видѣется полоска чернаго или краснаго проса-кумака, или рѣдкое жнивье уже собранной пшеницы.

„Таранча сѣяла“, объясняетъ на наши разспросы переводчикъ-джигитъ. Это значить — саранча сѣяла... Уже пятый годъ здѣсь свирѣпствуетъ саранча, уничтожая сплошь хлѣба, идущіе первымъ яровымъ посѣвомъ: пшеницу и ячмень. Хозяйство здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, успѣло уже до нѣкоторой степени приспособиться къ этой напасти: раннихъ яровыхъ почти не сѣютъ, замѣнивъ ихъ озимыми — ячменемъ и пшеницей; яровые сѣютъ только поздніе, — все больше просо, — которымъ не опасна саранча. Однако, саранча изрядно таки подорвала зарождающееся земледѣльческое хозяйство киргизъ: уже въ теченіе ряда лѣтъ Тастюбинская волость прокармливалась своимъ хлѣбомъ, не мало и продавала на Аульеатинскомъ базарѣ; а послѣдніе два года хлѣбъ приходится покупать...

— Наши киргизы привыкли къ хлѣбу, — объясняетъ намъ черезъ переводчика Тастюбинскій управитель: — безъ хлѣба ужъ наши дѣти не могутъ... Вотъ на Чу киргизы — тѣ только полгода хлѣбъ ѣдятъ, когда на кстау ¹⁾ стоять; а когда на джайляу ходять, хлѣба нѣтъ — кушаютъ мясо, кумызъ, айранъ.

Изгибъ дороги приводитъ насъ нѣсколько ближе къ линіи курганчей. Почти вездѣ около нихъ выставлены юрты, рваныя, черныя — не видно ни одной изъ тѣхъ большихъ, почти бѣлыхъ юртъ, по которымъ можно отличить стоянку киргизскаго бая.

— Прикочевали уже съ лѣтовокъ здѣшніе киргизы? — спрашиваю я, черезъ переводчика, Тастюбинскаго управителя.

— Здѣшній киргизъ никуда не ходитъ — объясняетъ намъ управитель, тоже черезъ переводчика: который совсѣмъ бѣдный (нашъ переводчикъ произноситъ „мѣдный“), у котораго немножко скота есть, тотъ здѣсь кстау имѣетъ,

¹⁾ Кстау — зимовка, джайляу — лѣтовка.

здѣсь и джайляу,—никуда не ходить. Только богатый джайляу ходить.

— Куда же, въ горы?

— Нѣтъ, теперь не ходятъ: старой время всѣ горамъ ходили: на Минбулакъ, Джиты-тюбе, вездѣ ходили. Теперь своя волость ходятъ, вотъ туда — и переводчикъ махнулъ рукой куда-то въ сторону сѣверо-востока. Въ горы только такой ходить, у кого тамъ „свои“ есть. Какъ большой куянь былъ — нестали горамъ ходить: баранъ всѣ пропали, люди много пропало. Прежде богатые были, корма много было — всѣ вмѣстѣ ходили, напополамъ: на горы приходили съ Чу, изъ Чимкента, Манкента, — никто ничего не говорилъ; а теперь не пускаютъ: каждый своя волость ходить.

Однако, дѣло подходитъ къ полудню: бойкая хода нашихъ лошадей начинается переходить въ шагъ, насъ самихъ разбираетъ жажда, и мы не безъ удовольствія видимъ на горизонтѣ большую могилу, около которой, по объясненію нашихъ проводниковъ, назначенъ намъ привалъ. Однако, до этой могилы оказывается еще часа съ полтора ходу — степь обманчива насчетъ разстояній...

Однако, добрались. Могилы — цѣлая мечеть, изъ сѣро-желтаго сырцоваго кирпича, увѣнчанная высокимъ полукруглымъ куполомъ; неподалеку отъ нея — еще двѣ три могилы въ томъ же родѣ, только поменьше, — и тутъ же цѣлое кладбище — сотни двѣ или три могилочекъ рядовыхъ киргизъ, на которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ кучекъ каменной земли.

— Хорошо богатой — говоритъ нашъ переводчикъ-джигитъ, показывая нагайкой на большую „моллу“: вотъ какой молла поставилъ, всѣмъ видать. А мѣдный какъ собака земля зарытъ — лошадь ходить, верблюды ходить, никто не знаетъ. Хорошо богатому... Большая польза! какъ помирать будетъ — тоже хорошо!

Мы поражены, потому что въ безсвязныхъ словахъ

нашего переводчика намъ чудится какой-то намекъ на будущую жизнь, въ которой, значить, богатому тоже лучше будетъ житься, нежели „мѣдному“.

— Какая же польза?—спрашиваю я однако, желая добратъся до корня вещей.

— Лошадь привязать будетъ, баранъ рѣзить,—большая польза...

Послѣ пространныхъ объясненій, „польза“ оказалась вотъ въ чемъ: когда умираетъ богатый, наслѣдникъ рѣжетъ барановъ, привязываетъ къ могилѣ лошадь и дѣлаетъ байгу,—выигравшій лошадь получаетъ „большую пользу“.

Около могилы—торжественная встрѣча: два или три аульныхъ старшины, съ мѣдными знаками на груди, двое или трое народныхъ судей, бѣвъ, тоже съ знаками, — важные, толстые, въ богатыхъ халатахъ: бѣи избираются всегда изъ самыхъ богатыхъ и „почетныхъ“ киргизъ, чтó конечно не мало способствуетъ весьма одностороннему направленію киргизскаго „обычнаго права“... И нѣсколько десятковъ киргизъ безъ всякихъ знаковъ, судя по ихъ костюмамъ—самаго разнообразнаго общественнаго положенія.

— Зачѣмъ это ихъ такъ много? спрашиваетъ мой товарищъ по экскурсіи; онъ вновь на своемъ посту и потому еще не успѣлъ привыкнуть къ требованіямъ степного этикета.

— А тутъ аульные старшины, объясняетъ управитель, — народные судьи; другіе лошадей привели,—можетъ быть понадобится перемѣнять, а то такъ, просто, съѣхались, посмотрѣть на начальство.

И дѣйствительно: большинство этихъ киргизъ съѣхалось просто изъ любопытства. Проѣздъ начальства—это развлеченье, „тамаша“, ради которой кочевникъ-киргизъ, имѣющій слишкомъ много свободного времени, готовъ скакать хоть сотни верстъ... Нерѣдко, говорятъ,

и тяжбы затѣваются ради „тамашы“: скучно киргизу, не предвидится ни байги, ни проѣзда начальства, — онъ и начинаетъ съ кѣмъ-нибудь тягаться; все-таки развлеченіе: къ народному судѣ надо ѣхать, къ волостному управителю, пожалуй къ начальнику уѣзда—людей можно повидать, новости узнать.

При нашемъ приближеніи вся толпа киргизъ сѣшивается и становится въ установленномъ обычаемъ порядкѣ: впереди аульные старшины и бій, позади—все остальные киргизы; все дѣлаютъ кулдукъ; волостной управитель представляетъ старшинъ и биевъ, послѣ чего мы тоже слѣзаемъ съ лошадей и слѣдуемъ, едва передвигая изломанные верховою ѣздою ноги, въ приготовленную для насъ парадную юрту; юрта тотчасъ же наполняется болѣе почетными изъ присутствующихъ киргизъ, которые разсаживаются на корточки и смотрятъ, какъ начальство разбирается въ выюкахъ и извлекаетъ оттуда вещи для умыванья и кой-какую провизію.

Черезъ нѣсколько минутъ уже готовъ и самоваръ; на коврахъ, посреди юрты, разстилаютъ не особенно чистой „дѣстарханъ“ — не то платокъ, не то салфетку, и на немъ раскладываютъ угощенье: боурсаки, орѣхи съ изюмомъ, окаменѣлые крендели и леденцы ташкентскаго производства... Мы съ аппетитомъ потягиваемъ чай; насколько хватаетъ чашекъ, попиваютъ чай и размѣстившіеся въ юртѣ почетные киргизы. Тѣмъ временемъ, конечно, успѣли уже зарѣзать традиціоннаго барашка. Любимое киргизское яство—это вареная баранина. Но варить барана долго, а потому насъ угощаютъ „коурдакомъ“ — мелко нарѣзанные кусочки баранины, зажаренной въ собственномъ салѣ.

Поѣли, покормили лошадей свѣже - срѣзанною люцерной, отдохнули, засѣдали и навьючили лошадей—и въ путь.

Все такая же степь, которая только теперь уже не

разнообразится курганчами,—и утомленный однообразною картиной степи путникъ можетъ развлекаться только многочисленными курганами сусликовъ, да время отъ времени—рѣющимися по поднебесью хищными птицами. Мѣстами по степи разсѣяны какія то странныя, полукруглой формы, земляныя кучки; оказывается, это засыпаны, чтобы не разнесло вѣтромъ, небольшія копешки сѣна, заготовленныя на случай необходимости подкормить зимою, во время тебеневки, ослабѣвшую скотину. Въ одномъ мѣстѣ экстренное развлеченіе: большое—штуку двадцать или тридцать—громадныхъ дрофъ, важно разгуливающихъ среди рѣдкихъ куртинъ степного бурьяна.

— Чтò это за птица? — спрашиваетъ мой товарищъ переводчика-джигита.

— Тотъ говоритъ какое-то киргизское названіе. „Большой птица—прибавляетъ онъ: — кемень кушаетъ, пескъ кушаетъ, все кушаетъ.

Уже подъ вечеръ, верстахъ въ пятидесяти отъ города, вниманіе наше привлекаетъ колесный слѣдъ—первый съ момента выѣзда изъ Аульеата.

— Чтò это—спрашиваемъ,—арба проѣзжала?

— Нѣтъ, арба широкія колеса; да здѣсь арба и нѣтъ, все верхомъ ѣздятъ, верблюды ѣздятъ. Изъ города охотникъ ѣзжалъ, птицъ стрѣлялъ.

Справа отъ дороги показывается огромная отара барановъ—штуку шестьсотъ, на взглядъ, а то и восемьсотъ, подъ охраною двухъ пастуховъ: одинъ верхомъ на лошади, другой—на быкѣ.

— Чей это скотъ?—спрашиваемъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ нашего джигита, одинъ изъ сопровождающихъ насъ киргизъ отдѣляется отъ насъ и стремглавъ мчится къ старшему пастуху.

Оказывается—это бараны перваго богача Тастюбинской волости, Даудбая: здѣсь—почти восемьсотъ бара-

новъ, да въ другомъ мѣстѣ пасется двѣ съ половиной сотни молодняка, да сотня верблюдовъ, да за триста лошадей.

— А гдѣ онъ кочуетъ?—спрашиваемъ мы.

Оказывается—гдѣ случится: лѣтомъ—здѣсь, на пустынныхъ лѣтовкахъ Тастюбинской волости, зимой уходитъ въ пески Муюнкумъ, а если выпадетъ глубокий снѣгъ—то и на возвышенныя тебеневки сосѣдней Уюковской волости, съ которыхъ снѣгъ сдувается постоянно-дующими вѣтрами.

— А зимой гдѣ онъ живетъ? Домъ его гдѣ?

— Домъ вовсе нѣтъ,—зимой джурта живетъ; домъ съ собой не потащишь! который мѣдный—курганча живетъ, а который богатый—весь годъ джурта живетъ; зимой въ кумъ (пески) джурта ставить, лѣтомъ горамъ ставить.

— А пашня гдѣ у него?

— Пашня не пашетъ. Который богатый—самъ не пашетъ; мѣдный ему пашетъ. Который сильно богатый—пять, шесть, десять, пятнадцать кошей пахутъ.

— Какъ это такъ?

— А который мѣдный, у него кошъ есть, вода есть ¹⁾, — а скотина нѣту. Ну—богатый даетъ пару быковъ, работать, коровъ три, или четыре, или больше, кормиться, да батманъ пшеницы—посѣять. А мѣдный долженъ землю вспахать, да посѣять, да полить, да хлѣбъ убрать, да обмолотить,—сколько получится, пополамъ дѣлять.

— А какъ же, — спрашиваю, — хозяинъ его провѣрить можетъ? Вѣдь хозяинъ все лѣто на лѣтовкѣ, далеко,—онъ и не видитъ, сколько бѣдный хлѣба нажалъ да обмолотилъ. Тотъ его, значить, и обмануть можетъ?

— Извѣстно—не видитъ. А только обмануть нельзя:

¹⁾ Имѣется въ виду право на землю и воду, распределяемое по кибиткамъ или кошамъ.

сосѣди все видятъ, сколько жалъ, сколько молотилъ,—они все скажутъ; бѣдный обманетъ—другой разъ богатый скотина не дастъ...

Вотъ и желанный ночлегъ. Опять чаепитіе съ „достарханомъ“, опять зарѣзанъ баранъ и жарится коурдакъ, опять народные судьи, аульные старшины и множество киргизъ, собравшихся на „тамашу“. Наконецъ, всѣ требованія этикета исполнены, и мы остаемся вдвоемъ въ нашей юртѣ, гдѣ и располагаемся на ночлегъ. Убранство юрты не совсѣмъ такое, какъ у сѣверныхъ киргизъ: ковры—главная гордость сѣвернаго киргиза, разостланы здѣсь только на землѣ, да и то—неважные, хотя юрта выставлена, видимо, богатымъ киргизомъ; боковыя стѣнки увѣшаны, вмѣсто ковровъ, покрывалами изъ пестраго туземнаго шелка, обшитыми широкою каймою изъ чернаго плиса. Противъ двери, на почетномъ мѣстѣ, груда подушекъ, на которыхъ полагается сидѣть дорогимъ гостямъ,—а по обѣимъ сторонамъ—чего я никогда не видѣлъ въ сѣверныхъ степяхъ—старинныя кровати, въ формѣ ладьи, съ рѣзбой по дереву и съ грудю шелковыхъ одѣялъ, подъ которыми лежатъ достаточно грязныя подушки и пуховики. Освѣщается юрта чиракомъ—приспособленіе, напоминающее тѣ древніе свѣтильники, которые находятъ въ Помпейскихъ или Керченскихъ раскопкахъ.

— Ни у кого здѣсь свѣчей нѣтъ, — объясняетъ на наши разспросы джигитъ—самой богатой нѣту.

— А лампы?

— Лампа нѣту. Вѣтеръ джурта валить можетъ, отъ лампа огонь будетъ, джурта сгорить будетъ.

На другой день—все та же пустынная, слегка волнистая степь. Тастюбинскаго управителя смѣняетъ Уюковский управитель, объясняющійся съ нами черезъ того же переводчика джигита, — а Тастюбинскій управитель со своею свитой, проводивъ насъ, по этикету,

примѣрно на двѣсти шаговъ отъ нашего ночлега, за-скакиваетъ еще на сотню шаговъ впередъ, слѣзаетъ съ лошади и прощается съ нами, сдѣлавъ истовый кулдукъ.

Опять около полудня привалъ съ юртою, достарханомъ и коурдакомъ, но съ такою отвратительною, сладковато-соленою водою, что мы, несмотря на жажду, едва проглатываемъ по стакану чаю, густо одобренного клюквеннымъ экстрактомъ. Но вечеромъ дѣло оказалось не совсѣмъ благополучно. Почти не понимая языка, мы по интонаціямъ нашихъ киргизъ видимъ, что они недоумѣваютъ и беспокоятся; каждую минуту въ ихъ разговорѣ слышатся слова „учакты бѣлость“, сопровождаемые недоумѣвающими жестами или покачиваніемъ головъ. Передъ закатомъ солнца всѣ оживились: на встрѣчу показался верховой, джигитъ Уюковского волостного, который посланъ былъ впередъ, узнать, гдѣ ожидаетъ насъ Учактинскій волостной. Однако, оживленіе смѣнилось еще большимъ недоумѣніемъ—посланный, оказывается, не нашелъ Учактинскаго волостного и его юрты.

— Гдѣ же,—спрашиваемъ мы нашего джигита,—ночевать будемъ?

— А вотъ, за тою горой,—отвѣчалъ тотъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ другими киргизами и указывая на пригорокъ, до котораго оставалось, примѣрно, верстъ пять; аулъ есть, вода есть.

Слава Богу — верстъ пять, значить, мы поспѣемъ чуть не къ закату солнца... Мы начинаемъ усиленно хлестать нагайками нашихъ порядочно-таки уставшихъ лошадей, поднимаемся на пригорокъ—никакого аула нѣтъ...

— Гдѣ же твой аулъ? — спрашиваемъ нашего джигита.

— А вонъ, за той горой, — показалъ тотъ уже на

другой пригорокъ, едва замѣтный въ надвигавшейся темнотѣ.

Скверно!... Сами голодные, истомленные жаждой; лошади еле передвигаютъ ноги; лишь усиленную работою нагаекъ мы можемъ заставить ихъ бѣжать, хоть часть дороги, рысью или ходбю... За той горою тоже еще пришлось скакать верстѣ съ пятокъ, и только поздно ночью мы достигаемъ желанныхъ юртъ, гдѣ—какъ оказывается, и ожидалъ насъ не менѣе желанный Учактинскій управитель...

На другой день мы движемся по мѣстности уже иного характера. Караванная дорога ушла отъ насъ куда-то въ сторону, въ перерѣзъ Каратаускаго хребта, а мы движемся параллельно виднѣющемуся издали хребту, по полузаливной долиנѣ рѣки Асы — той самой, которую мы пересѣкали на-дняхъ, въ видѣ бурливой горной рѣчки, и которая превратилась здѣсь въ типичную степную рѣчку, почти безъ теченія, совершенно изсякающую нѣсколькими десятками верстъ ниже. Долина Асы—то зеленые „сѣзы“, перемежающіеся съ голыми бѣлыми „такырами“, то густыя заросли высокаго, гдѣ еще стоящаго на корню, гдѣ скошеннаго камыша, то заросли гребенщика, съ его напоминающе тую зеленю и массою мелкихъ красно-фіолетовыхъ цвѣтовъ. То тутъ, то тамъ киргизскія орошаемыя пашни: въ одномъ мѣстѣ арыкъ, выводящій воду изъ какихъ-то ключей, въ другихъ мѣстахъ системы бугутовъ—невысокихъ плотинъ, задерживающихъ весеннюю воду въ наполняемыхъ разливами Асы озерахъ, изъ которыхъ вода потомъ разводится арыками на пахатныя поля. Всѣ поля, однако, пусты: одни заброшены изъ-за саранчи, другія засѣваются, вообще, только при большихъ разливахъ Асы, такъ какъ при низкомъ уровнѣ вода въ рѣкѣ засоляется и не годится для полива. Мѣстами попадаются, по одиночкѣ или группами,

какія-то низенькія глинобитныя постройки; это—куралыки, гдѣ киргизы складываютъ запасъ сѣна и зерна для весенняго посѣва.

На полуденномъ привалѣ учагинскій управитель сдаетъ насъ слѣдующему, каракольскому управителю. Это—управитель по назначенію, изъ бывшихъ писарей; онъ говоритъ хоть и не гладко, но вполне свободно, по русски; но тутъ же, при первомъ знакомствѣ, намъ бросается въ глаза характерная черточка: мы рѣшаемъ разуться, чтобы дать отдыхъ затекшимъ на сѣдлѣ ногамъ, и управитель по назначенію... стремительно бросается снимать съ начальства сапоги.

Оказывается, что съ нашимъ дальнѣйшимъ слѣдованіемъ опять какая-то заминка: каракольскій управитель долженъ сдать насъ, вечеромъ, джилыбулакскому управителю, а благодаря перевранному джигитомъ распоряженію, джилыбулакскій управитель поѣхалъ насъ встрѣчать на ту самую караванную дорогу, которая теперь осталась далеко въ сторонѣ,—осталась въ сторонѣ по очень простой причинѣ: киргизы уже укочевали съ тѣхъ горныхъ лѣтенокъ, по которымъ тянется эта дорога, и потому мы не нашли бы тамъ ни юртъ, ни лошадей.

— Какъ же мы будемъ безъ джилыбулакского управителя?—спрашиваемъ мы.

— Ничего, догонить,—успокаиваетъ насъ каракольскій управитель, узунъ-кулакъ скажетъ.

— Кто это Узунъ-кулакъ?

— Это по киргизски—„длинное ухо“: молва, значить; навѣрно до джилыбулакского управителя молва дойдетъ, что начальники въ эту сторону поѣхали.

— Ну, посмотримъ!...

Трогаемся дальше, все по той же Асинской долинѣ. Поодаль виднѣется зубчатая полоска Каратаускихъ горъ, на фонѣ которой выдѣляется, точно срѣзанная

подъ линейку, горизонтальная линия предгорной террасы.

— Ваша волость?—спрашиваю управителя.

— По сю сторону горъ наша. Только мы границу не очень караулимъ: лѣтомъ къ намъ Учактинская и Джилыбулакская волость кочуетъ, зимой—Саянская, Бугинская, Аристандинская, Кочкаратинская... У нихъ лѣтовки и поля въ горахъ и за горами, а для зимы удобныхъ мѣстъ нѣтъ; а у насъ—камышы, для зимы удобно: и отъ вѣтра закрыто, и кормъ готовый.

— А у васъ всѣ кочуютъ?

— Нѣтъ, не всѣ. Кто бѣдные—тѣ не кочуютъ, а все лѣто живутъ въ курганчахъ, хлѣбъ сѣютъ, сѣно косятъ. У кого нѣтъ четырехъ верблюдовъ, тому и кочевать нельзя: не на чемъ кошъ увезти. А у кого верблюды есть—непремѣнно кочуетъ: лѣтомъ для верблюдовъ въ горахъ не годится—корма подходящаго нѣтъ, ни въ камышахъ худо,—мошка донимаетъ; вотъ, и приходится откочевывать.

— А куда же кочуютъ?

— А тоже различно: у кого пятьдесятъ, сто, полтора-раста барановъ—тѣ далеко не кочуютъ: лѣтомъ стоятъ вотъ на той степи, подъ горами, а зимуютъ въ камышахъ, на Таласѣ и на Асѣ. А у кого двѣсти-триста барановъ или больше—тѣ на лѣто уходятъ въ горы, зимуютъ въ пескахъ или на Чу, а весною и осенью стоятъ на степи, между горами и Таласомъ.

— А помногу скота у богатыхъ?

— Да вотъ съ нами бій ѣдетъ: у него тысяча барановъ, сотня лошадей, сорокъ верблюдовъ. А есть и богаче—у Керимбая барановъ тысячи двѣ, триста лошадей, сотня верблюдовъ; кошей двадцать исполу пашутъ—у него и здѣсь коши, и на Чу, и въ горахъ пашутъ.

— А косить гдѣ?

— Не косять... Развѣ на столько скота можно сѣна накопить?! Косятъ только бѣдные, да средніе, а у богатыхъ скотъ весь годъ ходитъ на подножномъ корму. Глубокій снѣгъ выпадетъ—онѣ скотъ въ пески гонить, или купить сѣна у бѣдныхъ, а самъ не коситъ... Вотъ, у насъ только для верблюдовъ не совсѣмъ хорошо, кормовъ подходящихъ мало. По Джилюбулакской волости поѣдете—у нихъ все верблюжьи корма, верблюдовъ больше и держать..... А вотъ—управитель показываетъ куда-то прямо передъ собой—тутъ и юрты выставлены.

Однако, насъ это совсѣмъ не устраиваетъ: солнце стоитъ еще высоко надъ горизонтомъ, и становиться на ночлегъ чуть не съ четырехъ часовъ нѣтъ никакого расчета.

— Ну, можно до Каракогѣ доѣхать—тамъ аулы стоятъ. Киргизы, положимъ, бѣдные, а все-таки юрта найдется; а самоваръ откуда-нибудь достанемъ.

Управитель что-то говоритъ своему джигиту,—тотъ стремглавъ уносится впередъ.

Къ заходу солнца, дѣйствительно, добираемся до какихъ-то ауловъ: одну юрту, собственно для насъ, уже разбили—довольно маленькую, изъ старыхъ кошмъ, но все же съ рѣзными кроватями и шелковыми покрывалами. Другую, для управителя и его свиты, только начинаютъ ставить; это дѣлаютъ, по исконному обычаю, женщины, а мужчины только помогаютъ поставить на мѣсто верхній кругъ, соединяющій куполообразную кровлю юрты. Мы располагаемся на подушкахъ около юрты и наблюдаемъ всю эту возню. Вотъ откуда-то скачетъ верховой киргизъ и везетъ совершенно черный самоваръ; другой тащитъ въ мѣшкѣ нѣсколько арбузовъ и дынь; мальчишка, тоже верхомъ на лошади, везетъ откуда-то, попробовать, круглую чашку кумыса.

— Сейчасъ барана будутъ рѣзать,—говоритъ упра-

витель, который, кстати сказать, везетъ съ собою полагающееся къ достархану угощенье.

— Нужно-ли барана рѣзать?—говорю я своему товарищу. Вѣдь это, говорятъ, бѣдный аулъ, а денегъ за барана они не возьмутъ.

— Позвольте доложить, ваше благородіе, вмѣшивается управитель,—вѣдь людямъ ѣсть надо, которые съ вами пріѣхали. А потомъ—они, все равно, по обычаю должны для гостей барана зарѣзать. Вѣдь нашъ обычай такой: у кого два барана—долженъ для гостя одного зарѣзать, у кого одинъ баранъ—тоже долженъ зарѣзать. А кто откажется для гостя барана рѣзать, того народные судьи и почетные люди накажутъ — на одну лошадь и одинъ халатъ. Да вѣдь въ степи—позвольте, ваше б-діе, доложить, и нельзя иначе: киргизъ ѣдетъ изъ Туркестана въ Аульеата, цѣлую недѣлю ѣдетъ—ничего съ собою не беретъ; знаетъ, что его вездѣ накормятъ.

— А нельзя имъ денегъ дать за барана?

— Заплатить нельзя, а силѣю дать, подарокъ, можно; если ничего нѣтъ съ собой, дайте дѣтямъ мелочи—будутъ очень довольны.

Мы выходимъ изъ юрты и начинаемъ раздавать мелкую серебряную монету собравшимся ребятишкамъ, до нельзя грязнымъ, со струпьями и язвами на головахъ и лицахъ.

Затѣмъ, поѣвши все того-же коурдака и вареной баранины, укладываемся на покой. Откуда-то издалека доносятся разнообразные крики.

— Чушкѣ ¹⁾ гоняють, объясняетъ намъ присутствующій при нашемъ вечернемъ туалетѣ джигитъ. [Много чушкѣ въ камышахъ, полемъ ходитъ, просо кушаетъ. Киргизъ ночь караулитъ, прочь гоняетъ.

¹⁾ Свинья, въ данномъ случаѣ кабанъ.

— А отчего не стрѣляютъ ихъ?

— Ружья нѣтъ, уѣздный начальникъ не дозволяетъ.

Утромъ, при нашемъ пробужденіи, появляется новое лицо: джилыбулакскій управитель, котораго „узунъ-кулакъ“—этотъ беспроводочный киргизскій телеграфъ, такъ направилъ по вѣрному слѣду.

Снимаемся въ путь, уже съ новымъ управителемъ, и направляемся прямикомъ къ Каратаускимъ горамъ.

Версть десять — сплошные солонцы-сѣры, то рѣдко-усѣянные „колючками“, то совершенно голые, съ бѣлымъ налетомъ выцвѣтающей соли. Затѣмъ, довольно большая площадь заброшенныхъ, назадъ лѣтъ тридцать, пахатныхъ полей, съ отлично сохранившимися оросительными канавками.

— Не стали здѣсь пахать,—другой мѣсто лучше,—объяснилъ намъ аульный старшина черезъ переводчика-джигита.

А вотъ и пашни, гдѣ подъ просомъ, гдѣ подъ люцерной,—политыя сначала изъ пробивающагося тутъ же ключа Джилы-булакъ, повыше — изъ рѣчки Ишшасъ, сбѣгающей съ Каратаускихъ горъ.

— Это какого старшинства пашни? — спрашиваемъ мы, имѣя въ виду старшинства или административные аулы, установленные русскою властью по существующему закону объ управленіи краемъ, — образованныя притомъ, по мысли того же закона, изъ группъ, совместно пользующихся культурными угодьями.

Оказывается, здѣсь пахутъ киргизы, четырехъ разныхъ старшинствъ, но входящіе въ составъ двухъ родственныхъ между собою, небольшихъ родовыхъ ауловъ. И эти киргизы, да и вся Джилыбулакская волость, имѣютъ пашни и здѣсь, и въ горахъ, и за Муюнъ-кумами, на побережьѣ Чу; на Чу теперь и сѣютъ больше хлѣбъ: — туда еще не добралась

саранча, заставившая почти прекратить посѣвы по степямъ между Таласомъ и Каратаускими горами.

Микуемъ развалины Кумъ-кента — „Песчаного города“, — одного изъ тѣхъ многочисленныхъ городовъ, которые когда то были разсѣяны по всѣмъ прирѣчнымъ и предгорнымъ районамъ края — вездѣ, гдѣ только можно было добыть воды, и отъ которыхъ теперь остались только осыпавшіяся глинобитныя стѣны, да слѣды распространившихся, мѣстами, на сотни квадратныхъ верстъ, теперь заброшенныхъ оросительныхъ каналовъ и канавокъ. Подъ развалившееся стѣною стоитъ, большая группа умѣренно-почернѣвшихъ и умѣренно-обтрепанныхъ юртъ, — это ауль „средненькихъ“ киргизъ, достаивающій здѣсь послѣдніе дни лѣтнево-зимняго періода и собирающійся черезъ нѣсколько дней вернуться на зимовья стойбища, на Асѹ. Нѣсколько подалѣ отъ нихъ — три или четыре большихъ, бѣлыхъ юрты, и около нихъ, на длинной коновязи, около полусотни дойныхъ кобылицъ; это богатый бай, остановился около своихъ родовичей, перекочевывая съ горъ на зимнія пастбища въ Муюнъ-кумахъ.

Еще нѣсколько верстъ мимо темнозеленаго, большого соленого озера, отъ котораго такъ и разить слегка тухлымъ запахомъ концентрированной морской воды, — и мы поднимаемся на ту ровную, какъ столъ, предгорную террасу, которая еще вчера виднѣлась намъ на фонѣ зубчатаго контура Каратаускихъ горъ. Сплошная, свѣтло-сѣрая, лёссовая степь, съ массою мелкой гальки въ почвѣ, кряду вся раздѣланная подъ пашню и покрытая ажурной сѣтью оросительныхъ канавокъ. Но только изрѣдка виднѣются темно-зеленыя пятна проса или слегка желтѣетъ пшеничное жнивье. Эта степь славится своею превосходною почвой, дающей прекрасный урожай пшеницы при одномъ только поливѣ передъ вспашкой. Но воды горныхъ ключей не

хватаетъ и на десятую долю этой необъятной степи, — и потому та родовая группа киргизъ, которой предки, когда-то, „оживили“ эту землю, поневолѣ ведетъ на ней самое экстенсивное залежное хозяйство: ежегодно, весной, выборный мирабъ на общемъ сходѣ родовичей рѣшаетъ, гдѣ пахать наступающимъ лѣтомъ; намѣченное мѣсто поливается и заѣзжается, на слѣдующій годъ вода и посѣвъ переводятся на другое мѣсто, — а разъ заброшенная пашня поступаетъ подъ посѣвъ не ранѣе пятнадцати лѣтъ, служа въ теченіе этого времени лишь пастбищемъ верблюдовъ и барановъ.

Ближе къ горамъ, несмотря на гораздо худшую, сильно каменистую почву, тянется поясъ сплошь засѣянныхъ полей, принадлежащихъ впрочемъ уже не киргизамъ, а сартамъ лежащаго за горами большого кишлака. Здѣсь для полива пользуются водою сбѣгающихъ съ горъ мелкихъ ключей и рѣчекъ, — а гдѣ есть вода, тамъ и самая плохая почва используется подъ культуру, тогда какъ безъ воды идеальный лёсъ остается безплодною пустыней.

А вотъ и ущелье или переваль Турланъ, по которому намъ предстоитъ перейти черезъ невысокій Каратаускій хребетъ, чтобы выйти къ Туркестану, въ долину Сыръ-Дарьи.

Неширокая лощина; по каменистому дну ея едва струится небольшой ручеекъ; сбоку тропы тянется довольно широкій арыкъ, взятый, гдѣ-то выше, изъ того же ручья и выводящій воду на расположенныя на предгорной степи пахатныя земли. По обѣимъ сторонамъ лощины — гряды невысокихъ холмовъ, то съ мягкими, то съ крайне причудливыми очертаніями, — мѣстами чтó-то вродѣ мелко-иззубренной крѣпостной стѣны. Обнаженныя скалы чередуются то со скатами, усѣянными крупною дресвой или мелкою галькой, то съ уже успѣвшею образоваться, мѣстами супесчаную, мѣ-

стами даже лёссовидною почвой. И вправо, и влево отъ перевала, такія культуропособныя почвы залегаютъ обширными сплошными пространствами, на которыхъ киргизы производятъ большіе богарные посѣвы.

А вотъ и самый переваль. Тропа сворачиваетъ въ сторону отъ ручья. У самаго сворота—какія-то двѣ пещеры, вырытыя въ склонѣ горы. Это зимовки киргизъ, зимой пасущихъ сартовскій скотъ на горныхъ тебеневкахъ: у самаго входа въ пещеру они разставляютъ свои юрты, гдѣ и проводятъ день, а на ночь помѣщаются въ пещерѣ... И это—при непрерывно дующемъ въ ущельѣ сильномъ вѣтрѣ, наносящемъ на три аршина снѣга и сплошь и рядомъ на недѣли и мѣсяцы отрѣзывающемъ пастуховъ отъ всякаго сношенія съ внѣшнимъ міромъ...

Совершенно стемнѣло. До ночлега еще больше часа ходу,—но склонъ горы настолько пологъ и тропа настолько спокойна, что лошади продолжаютъ бѣжать крупною рысью, и только иногда соскальзываютъ въ бѣгущій тутъ же, вдоль тропы, маленькій арыкъ.

Наконецъ, желанные огоньки: это—нѣсколько киргизскихъ курганчей, а около нихъ — хуторъ Ивана Гудкова, въ которомъ мы должны заночевать.

Длинное строеніе, съ двумя жилыми покоями и большими сѣнями, и тутъ же, подъ одною крышей,—скотный дворъ. Обстановка бѣдная, безъ претензій на деревенскую роскошь. Хозяинъ—николаевскій солдатъ, мѣщанскаго вида, въ пиджакъ и съ бѣлой бородой; его жена—вѣроятно вторая—типичная хохлушка, очень склонная жаловаться и плакать, тогда какъ старикъ сохраняетъ неизмѣнно-спокойный и безстрастный видъ.

Вотъ уже тридцать лѣтъ Гудковъ живетъ въ этомъ ущельѣ, съ его зимними глубокими снѣгами и постоянно дующими сильными вѣтрами. Служилъ ка-

кимъ-то сторожемъ на заброшенномъ, уже давно, мѣдномъ рудникѣ, и отъ владѣльца рудника получили разрѣшеніе занять подъ хуторъ никогда—кажется—не принадлежавшее руднику мѣсто. Жить и хозяйствовать на хуторѣ можно хорошо: земля хлѣбородная, воды вдоволь,—арыкъ взять изъ горнаго ручья, тутъ же въ предѣлахъ принадлежащаго къ хутору участка; да и безъ поливу сѣять можно хорошо — даже еще лучше чѣмъ съ поливомъ.

— Жаромъ портитъ хлѣба, гдѣ полито, — а гдѣ не полито, тамъ хлѣбъ жару лучше терпитъ; опять же поливная земля скорѣе выпаживается—вымываетъ изъ нея силу водой,—а безъ поливу дольше хлѣбъ родится.

— А съ киргизами какъ живете? не обижаютъ васъ? не опасно одному жить въ такомъ глухомъ мѣстѣ?

— Ничего! съ киргизами ладно живемъ! дѣлать намъ съ ними нечего: земля у меня своя, у нихъ своя, вода тоже. Ну, бываетъ скотъ ихній къ намъ зайдетъ—вотъ еще намеднись тальникъ—у насъ насѣженъ былъ—потравили; такъ не судится же съ ними! и наша скотина тоже когда къ нимъ заходитъ...

Потомъ, уже въ Туркестанѣ, я узналъ, что киргизы очень уважаютъ Гудкова и даже ходятъ къ нему разбираться въ разныхъ мелкихъ спорахъ и дразгахъ.

— Скучно только жить здѣсь,—продолжалъ между тѣмъ Гудковъ — особенно когда нерабочее время: по недѣлѣ да по двѣ зимою ни къ намъ, ни отъ насъ проѣзду нѣтъ. Годовъ тому съ десятокъ совсѣмъ тоска одолѣла! продали мы хуторъ — вонъ сусѣдъ живетъ, киргизинъ, у меня хуторъ купилъ,—да переѣхали жить въ городъ, по торговой части. Да нѣтъ, не поглянулось послѣ своего-то хозяйства да вольнаго житія! Опять сюда пріѣхалъ, новый хуторъ построилъ,—видно ужъ здѣсь вѣкъ доживать!

— А правду говорятъ,—спросилъ мой спутникъ,—

что въ Чулакъ-курганѣ (огромный сартовскій кишлакъ на сѣверо-восточномъ склонѣ Каратаускихъ горъ) старикъ солдатъ живетъ?

— Живетъ! годовъ за восемьдесятъ ему; казакъ сибирскій; двадцати годовъ былъ, какъ со службы убѣгъ... Совсѣмъ сталъ какъ сартъ, по-русски говорить забылъ! вѣру ихнюю принялъ! А праздники наши все помнитъ: придетъ бывало ко мнѣ—плачетъ... Сейчасъ не сталъ ходить: больно старъ сталъ, ослабъ ногами.

— А вы по-киргизски говорите?

— Какъ не говорить! я говорю, и сыны говорятъ. Вотъ, старуха моя—та не хочетъ по ихнему... А паренекъ вотъ—и Гудковъ показалъ на своего младшаго сына, подростка лѣтъ пятнадцати,—тотъ уже безъ мала что позабылъ по-русски, а по ихнему балакаетъ—что твой киргизъ!..

На утро еще часа два пути по другому ущелью, открывающемуся уже на Сыръ-Дарьинскую долину. Ущелье или лощина приблизительно того же типа, съ разбросанными то тамъ, то сямъ клочками богарныхъ полей; но въ одномъ мѣстѣ небольшой ручеекъ протекаетъ среди совершенно отвѣсныхъ и даже нѣсколько нависшихъ надъ ущельемъ каменныхъ стѣнъ; здѣсь всегда дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ—лошади едва удерживаются на ногахъ...

Опять пара десятковъ верстъ по высокому предгорному плато, возвышающемуся надъ заливною сыръ-дарьинскою долиною. Поверхность плато слегка волнистая, почва — чистѣйшій лёссъ, поросшій густою, темнозеленою полынью-шагырь. Но воды здѣсь еще меньше, чѣмъ на противоположномъ склонѣ Каратау, и потому это плато почти пустынно и служить почти исключительно весеннимъ и осеннимъ пастбищемъ для киргизскаго и сартовскаго скота. Кое гдѣ по пустынной степи вьется ложе высохшаго ручья; весною вода такихъ ручьевъ частью служить для полива озимей въ

лежащихъ ниже, въ долинѣ, сартовскихъ селеніяхъ,— частью же вливается въ разсѣянные по долинѣ многочисленныя озера; здѣсь воду перехватываютъ бугутами и потомъ разводятъ для полива яровыхъ полей. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ небольшіе ключи; вода ихъ перехвачена плотинками и образуетъ маленькіе пруды, откуда, когда нужно, ее выпускаютъ для полива лежащихъ по сосѣдству клочковъ пахатныхъ полей.

Вотъ однако и пунктъ нашего послѣдняго полдневаго привала: урочище Чокъ-тасъ, съ киргизскимъ кишлакомъ на пятидесять, примѣрно, кибитокъ полуосѣдлыхъ киргизъ. Этотъ кишлакъ—уже настоящая деревня, съ жилыми домами изъ саманнаго кирпича, высокими глинобитными оградами вокругъ бахчей и люцерновыхъ полей и съ большими садами, политыми выведенною изъ ключей водою. Въ одномъ изъ этихъ садовъ, у волостного управителя, для насъ разбита, вмѣсто традиціонной юрты, красивая, пестрая палатка, устланная внутри дешевыми коврами.

Управитель, на этотъ разъ уже не назначенный, а выборный, встрѣчаетъ насъ почтительно и привѣтливо, но съ достоинствомъ; помогая намъ, по киргизскому обычаю, слѣзть съ лошадей, онъ не проявляетъ однако ни малѣйшей склонности съ сниманію сапогъ и тому подобнымъ, не требуемымъ обычаемъ, услугамъ.

Конечно, чаепитіе, дыни, достарханъ съ ташкентскими леденцами, коурдакъ изъ только что зарѣзаннаго барашка,—все по заведенному порядку. И по заведенному порядку—разговоры.

— Много ли у васъ скота,—спрашиваемъ мы управителя,—по всему видно, состоятельнаго человѣка.

Оказывается не очень много: всего штукъ сорокъ лошадей, да столько же верблюдовъ, да ста три барановъ. Зато управитель сѣетъ много хлѣба, обрабатывая землю самъ съ своими сыновьями: высѣваетъ батма-

новъ шесть озимой пшеницы, да батмана четыре озимаго ячменя,—значить, десятинь до двадцати озимыхъ хлѣбовъ. Проса сѣетъ мало: воды хватаетъ только на весенній поливъ, который и расходуется на озимые хлѣба.

— У нихъ съ водой строго, — рассказываетъ сопровождающій насъ до города и служащій переводчикомъ Джилыбулакскій управитель: воды мало, и дѣлятъ ее поровну, между богатыми и бѣдными: каждый по полсутокъ поливаетъ: одинъ съ утра до полудня, другой—съ полудня до вечера. А кто бѣдный, сдаетъ воду богатому изъ половины: богатый поливаетъ въ его очередь—только для дынь и джугары долженъ ему оставить воды; самъ пашетъ, самъ сѣетъ свои сѣмена, а за воду отдаетъ бѣдному половину урожая, да кибиточную подать за него платить...

Здѣсь такимъ образомъ не бѣднякъ, а болѣе сильный хозяинъ является испольщикомъ, а бѣдняку дороговизна воды создала сравнительно привилегированное положеніе.

— А кочуютъ они гдѣ?—спрашиваю.

Оказывается—вовсе не кочуютъ: живутъ лѣто и зиму на своихъ усадьбахъ, на лѣто, впрочемъ, выставляя юрты, и только молодой скотъ отгоняютъ на расположенныя тутъ же подъ рукою горныя лѣтовки.

Однако пора въ путь: послѣдній, а потому особенно утомительный, хотя и короткій перегонъ. Сначала — сплошная полоса полей чоктасскихъ киргизъ, потомъ еще съ десятокъ верстъ—пустынное степное плато, и съ окраины послѣдняго показывается, на широкой долинь, конечный пунктъ нашего странствованія—городъ Туркестанъ, съ возвышающеюся надъ нимъ знаменитою мечетью — Хазретомъ. По сторонамъ, то здѣсь, то тамъ, какъ бы въ линію вытянулись то большія, то маленькія пятна темной зелени, съ выдѣляющимися на

фонѣ ихъ глинобитными постройками и оградами; это сартовскіе кишлаки и хутора, располагающіеся вдоль питающаго и городъ, и всѣ эти кишлаки и хутора, а теперь—еще и желѣзнодорожную станцію, большого арыка, собирающаго воду изъ цѣлой группы горныхъ ключей... И первый признакъ осѣдлой культуры—верховая тропа превращается въ дорогу, прорѣзанную слѣдами широко разставленныхъ арбяныхъ колесъ.

На другое утро, смывъ съ себя дорожную грязь и потъ, отправляемся осматривать хазретъ. Высокій порталъ, въ видѣ арки съ двумя куполками по бокамъ, когда то сплошь выложенный чудесными, синими съ зеленымъ изразцами. Теперь этихъ изразцовъ сохранилось очень мало—по большей части они повывалились, и замѣнены сѣро-желтою лёссовою штукатуркой. Квадратный главный залъ съ куполообразнымъ потолкомъ, выкрашенный бѣлою краской, съ громаднымъ мѣднымъ чаномъ посрединѣ, окруженнымъ одиннадцатью бунчуками отъ одиннадцати святыхъ. Маленькій боковой залъ, съ могилою оставившаго мечети свое имя святого султана Ходжи-Хазрета. Позади главной залы—небольшая мечеть „зикра“, очень изящная, съ четырьмя полукуполками по сторонамъ и среднимъ полусферическимъ куполомъ. Въ неширокомъ проходѣ могила принца изъ „Ромы“ (Рима?), который, по преданію, былъ мюридомъ (ученикомъ) султанъ-Хазрета, покрытая вылинявшею шкурою джудльбарса (тигра); въ ногахъ памятника навалена куча большихъ роговъ аргали, плохо очищенныхъ и издающихъ довольно противный запахъ; на полу насыпаны горсточка земли или пыли—символическія могилки, замѣняющія столь желанное погребеніе около могилы святого. Кухня съ огромными, совершенно черными чанами и деревян-

ными корытами, гдѣ когда то по пятницамъ варился палау (пилавъ) для бѣдныхъ. Зала медресе, для учениковъ котораго въ зданіи мечети устроено до трехсотъ келій, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ и проходкамъ. Невѣроятно обвалившаяся лѣстница, ведущая на плоскую крышу мечети. Въ боковыхъ помѣщеніяхъ грязь, мусоръ, обвалившіеся кирпичи, коноть, массы голубинаго помета—голуби въ хазретѣ пользуются особеннымъ почетомъ. Все вообще производитъ впечатлѣніе мерзости запустѣнія,—и если мечеть еще хоть сколько-нибудь поддерживается, то это, повидимому, подъ вліяніемъ настояній русскаго начальства. Отъ мечети, по разнымъ поводамъ, отошла большая часть ея вахфовъ, а главное—вакуфные доходы чуть не цѣликомъ разбираются шейхами—потомками султанъ-Хазрета, потомственными старостами или попечителями мечети.

Съ плоской крыши, по которой валяются растерзанные коршунами трупы голубей и обломки обвалившихся съ купола сине-зеленыхъ изразцовъ, мы любуемся видомъ на городъ Туркестанъ. Небольшой русскій, чисто чиновничій городокъ, одноэтажные домики котораго тонутъ въ густой листвѣ воспитанныхъ на арычной водѣ древесныхъ насажденій,—и большой туземный городъ: сплошная, совершенно безъ зелени (воды мало!) масса сѣро-желтаго лёсса, съ плоскими или куполообразными крышами, уже безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ европейскаго вліянія,—такъ и вызывающая воспоминаніе о библейскихъ временахъ. Въ сторонѣ, вдоль большого арыка, хутора, окруженные садами, и поля, покрытыя гдѣ просомъ, гдѣ джугарой, гдѣ темно-зеленымъ ковромъ люцерны.

— Ну, пора и ѣхать: говорятъ, черезъ часъ или два (а то и черезъ полсутокъ) можетъ отойти рабочій поѣздъ. Нѣсколько верстъ по сыпучему песку Сыръ-

Дарьинской долины, и мы у цѣли—у строящейся станціи, возлѣ которой уже собранъ поѣздъ: рядъ вагоновъ съ желѣзнодорожною кладью, пара „приспособленныхъ“ вагоновъ—одинъ съ надписью „вагонъ для перѣзда служащихъ“, другой—„вагонъ для перевозки рабочихъ“; а за ними небольшой бѣлый служебный вагончикъ, который долженъ доставить насъ въ Ташкентъ, а отсюда—далеко-далеко, туда, гдѣ нѣтъ ни киргизъ, ни верблюдовъ, ни юртъ, и гдѣ подъ тусклымъ, туманнымъ небомъ Балтійскаго побережья, люди плохо могутъ себѣ представить, что такое—Туркестанское солнце, и что можетъ значить пробивающаяся гдѣ нибудь изъ-подъ земной поверхности струйка воды...
